

ДИГОРСКИЙ ЯЗЫК: ГЕНЕЗИС, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы международной
научно-практической
конференции

9–11 Октября 2021 г.

Российский университет дружбы народов
Северо-Кавказский институт кавказоведения и иранистики

ДИГОРСКИЙ ЯЗЫК: ГЕНЕЗИС, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

**Материалы международной
научно-практической конференции**

9–11 октября 2021 г.

Сборник научных трудов

Владикавказ 2021

ББК 82.3(2Рос=Осет)

Дигорский язык: генезис, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. 9–11 октября 2021 г.: Сборник научных трудов – Владикавказ, 2021. – 216 с.

ISBN 978-5-00081-429-1

Редакционная коллегия:

В.Дз. Таказов, В.В. Барабаш, М.А. Миндзаев,
Ф.М. Таказов, Ф.М. Кабалоева, Ю.С. Дзекоев

*Сборник издан при финансовой поддержке
осетинского землячества г. Санкт-Петербург*

ББК 82.3(2Рос=Осет)

ISBN 978-5-00081-429-1

© СКИКИ 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Таказов В.Дз. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
Таказов Ф.М. ДИГОРСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ.....	9
Мошинский А.П. ГОРНАЯ ДИГОРИЯ В ДРЕВНОСТИ. ПОИСКИ И НАХОДКИ	34
Ишбирдин А.Р. ДИГОРСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ.....	72
Эршлер Давид О СТАТУСЕ ИМЕННОГО СУ ФФИКСА -Æ В СОВРЕМЕННОМ ДИГОРСКОМ (ОСЕТИНСКОМ) ЯЗЫКЕ.....	97
Шахингёз (Цорити) Эмина ЦУБУР ДЗУРД И ДИГОРОН ÆВЗАГИ (НАРТИ КАДÆНГИТИ БУНДОРÆЛ)	108
Миндзаева В.В. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДИГОРОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ	119
Кабло Джабаг ДИГОРЦЫ В СИРИИ	130
Абдуллахи М. ШАХНАМЕ И НАРТЫ: НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ	159
Голенков Н.Б. ОДИН НАРОД, ДВА ЯЗЫКА	174
Алемань А.В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АЛАНОВЕДЕНИЯ	185
Алборова З.А. ОБ ОПЫТЕ ПЕРЕВОДА ДИГОРСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК И О ПРОБЛЕМАХ ДИГОРСКОГО ЯЗЫКА В ОСЕТИИ	190
Сведения об авторах	208

*Модератор конференции В.Дз. Таказов
 доктор филологических наук,
 профессор РУДН, Москва, Россия*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Осетины – небольшой по численности народ Центрального Кавказа, составляющий основное население Республики Северная Осетия-Алания, в разные периоды истории известный под именами «скифы», «сарматы», «аланы», «ясы», «асы», «осы».

Скифы, относящиеся к иранской группе индоевропейской семьи языков, связаны с современными осетинами не только родственными узами по линии языка, но и преемственностью культуры. Многие скифские обычаи, их религиозно-мифологические воззрения находят свое продолжение в этнографии, фольклоре и религиозно-мифологических взглядах современных осетин.

Сегодня осетин в мире насчитывается около 670-700 тысяч. Из них в России – 528 515, (Северная Осетия-Алания – 459 688), Республике Южная Осетия – 45 950, Турции – 20 000-30 000, а также в других странах – Узбекистане, Украине, Азербайджане, Казахстане, Туркмении, Абхазии, Белоруссии, Таджикистане, Европе, США, Австралии.

Язык осетин относится к иранской группе индоевропейской семьи языков. Осетинский язык существует в двух вариантах: западный – дигорский язык, восточный – иронский язык. Литература и литературный язык на обоих вариантах возникли одновременно, в конце XIX века, хотя на дигорском языке со времен средневековой Алании сохранились отдельные письменные свидетельства. В 1921 году был образован Дигорский национальный округ. В 1924 году, после объединения Дигорского и Владикавказского национальных

округов, была образована Северо-Осетинская автономная область. Однако в конце 20-х годов дигорский язык был объявлен контрреволюционным, в результате чего сфера его использования стала ограничиваться, а к концу 50-х годов XX столетия функционирование дигорского языка окончательно было запрещено во всех сферах – образовании, СМИ, книгопечатании, радио и телевидении. Несмотря на запреты, многие поэты и писатели продолжали писать свои произведения на дигорском языке.

Дигорский язык, несмотря на влияние окружающих кавказских языков, сохранил архаичные грамматические формы, в том числе основной словарный запас, относящийся к древнеиранскому фонду. Дигорский язык является в научном мире ключом, с помощью которого становится возможным расшифровать отдельные слова, сохранившиеся со скифского и аланского времен, а также некоторые архаичные формы языка Авесты. Так, например, из всех иранских языков между глагольной приставкой и глаголом могут вставляться вводные слова и частицы только в дигорском, авестийском и пуштунском языках. Последний, кстати, является самым близким к дигорскому из современных языков.

На сегодня дигорский язык по Конституции Республики Северная Осетия-Алания де-юре признан равноправным иронскому варианту осетинского языка, однако де-факто не создаются равноправные условия для сохранения и развития дигорской частью осетинского населения родного языка. За период запрета дигорского языка «осетинский язык» стали отождествлять только с иронским языком, вследствие чего «ирон æвзаг» стали переводить как «осетинский язык», а «дигорон æвзаг» – как «дигорский язык».

В силу объективных причин, продиктованных не столько природой, сколько горемычной судьбой, земли потомков скифо-сарматских племен – алан (ныне именуемых осети-

нами) оказались опустошенными и заселенными другими народами. Последние битвы алан с монголо-татарами в XIII веке и со среднеазиатским ханом (эмиром) Тимуром в XIV веке положили конец некогда могущественному аланскому государству. От народа Алании остались разбросанные по разным ущельям десятки отдельных групп аланских детей-сирот. Сам тот факт, что осетины – потомки алан сохранили свою идентичность до сегодняшних дней, вызывает восхищение, и иначе как чудом его назвать трудно.

Осетины – единственная в России ираноязычная титульная нация. С глубокой древности (с VII-VIII вв. до н.э.) языки иранской группы были распространены на обширной территории, включая современный Иран (Персию), Среднюю Азию, Восточную Европу и Кавказ. Осетинский – единственный оставшийся в живых из ветви иранских языков, известной как скифская. Между тем, в эддониме ирон (осетин), обозначающий иранское начало, в советское время было заложено «яблоко раздора» между двумя диалектными формами: дигорским и иронским. Первая, наиболее архаичная, еще в тридцатые годы признавалась отдельным, родственным с иронским (в переводе осетинским) языком. В те же годы репрессий под уничтожение попал и сам статус дигорского: язык был признан «контрреволюционным», газеты были запрещены, статус был низведен до уровня диалекта. По сути, осудили не отдельных людей или народ, а язык!

Одновременно интеллигенция Осетии попала под жернова репрессий. Это был своего рода геноцид дигорского, да и всего осетинского народа. Надо признать, доносам не было конца и края. В них и далекие от политики люди обвинялись преимущественно в троцкизме, а также в отстаивании прав дигорского языка как автономного, на котором почему-то запретили писать, читать и публиковаться. Если коротко, то активная жизненная позиция дигорской интел-

лигенции стала одной из причин для зверств против нее самой и древнего языка скифо-сарматских племен. Вторая диалектная форма, иронская, была взята за основу осетинского литературного языка, и, в целом, именно за ней был официально признан статус единственного и единого языка осетин. Таким образом было посеяно семя раздора между представителями двух субэтносов одного народа, носителей двух основных форм языка – дигорской и иронской. Эта гуманитарная несправедливость тридцатых годов и сегодня накладывает свой отпечаток на социальную разобщенность. Она до сих пор является ощутимым анахронизмом, требующим внесения определенных корректив, а точнее пересмотра многих нормативно-правовых документов с целью возврата дигорскому языку его подлинного достойного статуса, о чем не раз писали известные ученые из Института языкознания РАН. Осетины-дигорцы и осетины-иронцы – это один народ с двумя равноценными языками, как, например, у той же мордвы, у которой также есть два равнозначных языка: мокшанский и эрзянский. Осетин, называя себя дигорцем, не перестает быть осетином, как те же мокшане и эрзяне, не перестают быть мордвой.

Сегодня на дигорском языке выходят газеты и журналы, функционирует театр, ведутся передачи на местном телевидении, его изучают в отдельных школах Ирафского и Дигорского районов, ведется спецкурс на факультете осетинской филологии СОГУ им. Коста Хетагурова, изучают в высшей школе Германии, пишут стихи потомки дигорцев, около двухсот лет назад переселившихся в Турцию. Время требует от осетинского общества исправления допущенных в тридцатые годы ошибок и вызывает к исторической справедливости – возврату статуса полноценного языка дигорскому диалекту.

Ф.М. Таказов

г. Владикавказ, Россия

ДИГОРСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЯЗЫКОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Осетинский язык – разговорный и литературный язык осетин, живущих в центральной части Кавказа и составляющих основное население Республики Северная Осетия-Алания и Республики Южная Осетия – делится на два диалекта: иронский и дигорский.

На базе иронского и дигорского диалектов сложилась и развивается письменность и литература. В Законе РСО-Алания «О республиканской целевой программе “Осетинский язык” на 2008-2012 годы. г. Владикавказ, 30 декабря 2008, № 66-РЗ» говорится: «Осетинский язык, относящийся к восточной подгруппе иранских языков, включает два диалекта – иронский и дигорский. На их основе сложились два варианта современного осетинского литературного языка. Их государственный статус закреплён Конституцией РСО-Алания. В настоящей Программе, как и во всех нормативных правовых актах РСО-Алании, понятие “осетинский язык” обозначает оба диалекта и оба литературных варианта национального языка» [25].

Положение о бытовании двух равноправных вариантов осетинского литературного языка закреплено в Разделе первом, Главы 1. Основы Конституционного строя, Статьи 15 Конституции РСО-Алании, принятой Верховным Советом РСО-Алания от 12 ноября 1994 года:

1. Государственными языками Республики Северная Осетия-Алания являются осетинский и русский.

2. Осетинский язык (иронский и дигорский диалекты) является основой национального самосознания осетинского народа.

Если термином «язык» можно оперировать как в науке, так и в других областях, то употребление термина «диалект» имеет сугубо научное значение в целях сопоставительного анализа близкородственных языков.

Однако, применимо к осетинскому языку, употребление терминов «говор», «диалект» и «язык», значения которых в разных языках интерпретируются по-разному, используется в спекулятивных целях для оправдания определенных идеологических концепций. Для более четкого понимания терминов «говор», «диалект» и «язык» в отношении осетинского языка необходимо разграничить их семантически и обозначить сферы их употребления с учетом различных наречий осетинского языка:

1. Говорами называются близкородственные группы языков, имеющие отличительные особенности в фонетике и, в некоторой степени, лексике.

2. Диалектами называются близкородственные группы языков, имеющие отличительные особенности в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике. Диалект может состоять как из одного говора, так и из двух и более говоров. Например, в иронском диалекте выделяются туальский, ксанский, джавский и др. говоры; в дигорском диалекте выделяются чиколинский и дигорский (г. Дигора) говоры.

По диалектным различиям в осетинском языке выделяется уаллагкомское наречие, считающееся одним говором иронского диалекта, другими – говором дигорского диалекта. Уаллагкомское наречие расходится с иронским диалектом и в фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе, и в лексике. По тем же принципам уаллагкомское наречие имеет расхождения и с дигорским диалектом. Но, в силу исторически сложившихся обстоятельств, уаллагкомское наречие не получило своего дальнейшего развития, в результате чего не может характеризоваться как особый диалект осетинского языка. Носители уаллагкомского наречия давно покинули

место своего основного ареала распространения и смешались частью с носителями иронского диалекта, частью с носителями дигорского диалекта. Смежное между дигорским и иронским диалектами наречие, близкое к уаллагкомскому, бытует в двух населенных пунктах Дигорского района РСО-Алании (Карман и Синдзикау), но в этих селах смешение двух диалектов проходило в других условиях. Кроме того, наречие жителей указанных сел за последние годы испытало сильное влияние иронского варианта осетинского литературного языка. Это обстоятельство позволяет отнести уаллагкомское наречие Дигорского района к говору иронского диалекта.

3. Языком, как правило, называется система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения в человеческом обществе. Поэтому и говор, и диалект подпадают под эту категорию: т.е. и говор, и диалект, обладая определенным звуковым и грамматическим строем, могут служить средством общения в обществе. Но критерием, по которому можем определять, какой из диалектов может называться языком, лежит в его функциональных особенностях. Если тот или иной диалект выполняет социальные функции – развивается письменность, является языком обучения, служит вспомогательным инструментом в развитии культуры, – то диалект приобретает статус языка.

Приобретение статуса языка – исторический процесс. В результате исторически сложившихся реалий одни близкородственные диалекты (иногда и говоры) приобретают статус языка (например: таджикский, фарси и дари языки – стоящие по своим грамматическим характеристикам настолько близко друг к другу, что их можно назвать говорами одного языка; точно также – ингушский и чеченский, балкарский и карачаевский языки, и т.д.), другие же, по различным причинам, остаются говорами и диалектами, хотя между такими

диалектами иногда бывает больше расхождений, чем между близкородственными языками (например: сванский и мингрельский диалекты по отношению к картвельскому диалекту, имеющему статус языка; гилянский диалект персидского языка относительно таджикского и дари, и т.д.).

По той же исторически сложившейся традиции два диалекта осетинского языка (иронский и дигорский) стали выполнять функции языка. Поэтому употребление «иронский язык» или «дигорский язык» является сокращением понятия «иронский вариант осетинского литературного языка» или «дигорский вариант осетинского литературного языка».

Из истории осетинского-дигорского языка

По своему происхождению осетинский язык относится к иранской группе индоевропейской семьи языков. Осетинский язык является единственным остатком северо-восточной ветви иранских языков, известным в истории под названием «скифский». К скифской группе относились многочисленные близкородственные племена, распространенные на территории Средней Азии и Южной России. Эти племена были известны в истории под названием скифов, саков, массагетов, савроматов, сарматов, алан, роксалан, ассов, ясов, языгов и др. В начале нашей эры аланы создали на Северном Кавказе государство, которое пало после монголо-татарского нашествия. Окончательно аланы были разгромлены на Северокавказской равнине ордами Тимур-ленга в конце XIV века. Остатки алан, известные в настоящее время как осетины, были заперты в горах Центрального Кавказа. Осетины сумели сохранить культуру и язык своих предков, хотя ими была утеряна письменность.

Впервые термин «дигор» встречается в «Армянской географии VII в.» [19, с. 102]. Термин «дигор» также встречается в грузинских, русских и западноевропейских источниках XVII столетия [9, с. 110].

Древнейшим письменным памятником на осетинском-дигорском языке является Зеленчукский надгробный камень, найденный в 1888 г. На памятнике греческими буквами высечены слова на дигорском варианте осетинского языка. Большинство ученых относят этот памятник письма к 941 г. Известно также, что и скифы, и аланы имели свою самобытную письменность, доказательством чему являются многочисленные археологические находки с письменами, состоящими из отдельных слов или фраз. На большинстве из этих находок надписи сделаны на дигорском наречии скифо-алано-асского языка. На осетинский-дигорский язык, особенно на его фонетическую и лексическую систему, определенное влияние оказало многовековое соседство кавказских и тюркских языков. При этом он сохранил свой грамматический строй и основной словарный фонд.

В настоящее время подавляющее большинство осетинского народа говорит на иронском наречии. Дигорцы компактно проживают в Ирафском, Дигорском и Моздокском районах Республики Северная Осетия-Алания, а также в Кабардино-Балкарии, Ставропольском крае. Много дигорцев проживает в гг. Владикавказ, Москва, Санкт-Петербург и др.

Литература на обоих диалектах осетинского языка возникла одновременно и развивалась параллельно, хотя развитие литературы на дигорском диалекте было заторможено в результате репрессивных мер, предпринятых в советское время в отношении дигорского варианта осетинского литературного языка. Запрещение писать и учиться в школах на дигорском сказалось не только на уровне развития литературы, но и на уровне развития грамматики.

В 20-х гг. XX в. выпускались учебники – параллельно с иронским диалектом и на дигорском. Но теория дигорской грамматики не была в то время разработана. После запрещения обучения на дигорском, необходимость разра-

ботки грамматики отпала. Хотя попытки разработки дигорской грамматики предпринимали М.Гарданти и Г.Дзагуров. Их научные исследования не были завершены и остались в рукописном варианте. Г. Дзагуровым, кроме того, были опубликованы научные труды по дигорскому ударению и по основным правилам орфографии дигорского языка. По проблеме дигорского ударения в 1950 г. в Риме вышла статья Г. В. Бэйли на итальянском языке. Наиболее широкое освещение в лингвистике получили работы А.Шегрена, В.Миллера, В.Абаева и Е.Гендерсон, посвященные фонетике дигорского языка.

В 1912 году в г.Темирхан-Шуре (ныне г. Буйнакск) С.Б. Тайсаев издал учебник дигорского языка на основе арабской графики, приспособленный автором к дигорскому языку. Но арабская графика не прижилась.

Наиболее удачным в изучении дигорской грамматики оказался труд М.И. Исаева «Дигорский диалект осетинского языка», где автор дает наиболее полную характеристику фонетики и морфологии дигорского диалекта осетинского языка.

В настоящее время функции дигорского языка расширились: ведется преподавание дигорского языка в начальных классах, выходит художественная литература, издаются газеты и журналы. На дигорском языке играют пьесы на сцене Дигорского государственного театра, готовят передачи на радио и телевидение.

Говоры дигорского языка

В настоящее время в дигорском языке наблюдается два основных говора: дигорский (или как его называют в разговорной форме – дигоринский), характерный жителям г. Дигора, и чиколинский, характерный всем остальным районам, говорящих на дигорском наречии.

Первое художественное произведение было написано на чиколинском говоре Бласка Гурджибети. Но эта традиция не закрепились в литературе, т.к. вскоре г. Дигора (бывшее с. Христиановское) стал культурным центром и «кузницей» деятелей просвещения, литературы и искусства. Наиболее яркие представители дигорской интеллигенции начала XX века – Михал Гарданти, Георгий Малиев, Созур Баграев, Георгий Цаголов, Самели Абаев – были уроженцами с. Христиановского. Их творчество стало основой литературных норм дигорского языка. С этого времени традиции литературного языка стали базироваться на нормах произношения дигорского (‘дигоринского’) говора.

Основные различия чиколинского и дигорского говоров сводятся к некоторым фонетическим особенностям, в частности, к произношению согласных *з, с, ц, дз, цъ* перед гласными *е, и*.

В дигорском говоре согласные *з, с, ц, дз, цъ* произносятся, независимо от позиции, твердо. Написание и произношение совпадает.

В чиколинском говоре согласные *з, с, ц, дз, цъ* в позиции перед гласными *е, и* палатализуются и произносятся *з^ж, с^ш, ц^ч, дз^{дж}, цъ^{чъ}*, близко к мягким русским *жъ, шъ, чъ, джъ*. Говор моздокских дигорцев отличается от чиколинского говора только тем, что данные звуки произносятся идентично русским *ж, ш, ч, дж*.

В основу литературных норм положено твердое написание и произношение указанных согласных. В остальном литературные нормы исходят из чиколинского, нежели из дигорского (‘дигоринского’). Так, дигоринскому говору характерно произношение долгого *и* близко к иронскому долгому *и*, в то время как в чиколинском говоре, кроме нескольких слов, где долгое *и* имеет исторические корни, всегда произносится кратко. Помимо этого, в дигоринском говоре вместо обычного указательного краткого местоимения *си* употре-

бляется *dzi* (из иронского *dzy*). Но эти отклонения не приняты нормами литературного языка.

Некоторые исследователи выделяют еще озрекский говор [32]. Согласно исследованиям А.Цагаевой основные фонетические особенности озрекского говора относятся к системе гласных. В частности, в озрекском говоре вместо глагольной приставки *ис-* перед группой согласных и фриктивными употребляется *ас-*:

аслаэг аёй (*ислаэг аёй*) ‘возмужал’
ассудай (*иссудай*) ‘приехал’
асаййафта (*исаййафта*) ‘застал’
асфунхта (*исфунхта*) ‘сварил’ и т.д.

Такой перебой *ис-* в *ас-* иногда наблюдается в речи жителей и других сел Дигорского и Ирафского районов. Поэтому эта особенность не является чисто озрекской особенностью произношения.

Отклонения от литературных норм произношения, наблюдаемые в озрекском говоре, имеют место, хотя в значительно меньшей мере, и в других дигороязычных районах, что не позволяет выделить наречие озрекцев в отдельный говор. Лексические различия в языке озрекцев указывает на их местечковость, чем на особенность. Литературный дигорский язык не прошел еще ту стадию развития, когда можно определенно выделять лексику вне литературных традиций. Тем более в каждом населенном пункте есть местечковая лексика, употребляемая только в определенном месте.

А.Дз. Цагаева в дигорском языке выделяет еще и стур-дигорский говор [33]. В языке Стур-Дигорцев А.Цагаева почему-то выделяет такие элементы, которые характерны и для языка других районов. Возможно, отмечаемые Цагаевой особенности были характерны когда-то только для жителей Стур-Дигоры, но в настоящее время, горное население пе-

ремешалось на равнине, в результате чего были стерты различия, которые были характерны разным обществам горной Дигории.

В этом отношении огромный интерес представляет исследование задалеск-ханазского говора Б. Алборовым [3]:

1. Долгая фонема *e* склонна переходить в *и*: *еугур* – *йиугур* (все, весь, всеобщий), *хеџаенаџ* – *хиџаенаџ* (отдельно, раздельно).

В заимствованных словах неударная *e* выпадает: ‘конференция’ – *канфренци*, ‘кооператив’ – *капратив*.

Иногда ударная *и* в заимствованных словах переходит в *e*: ‘вилка’ – *велка*.

2. Долгая фонема *o* склонна переходить в *у*: *уодзаенаџа* – *удзаенаџа* ‘будут’, *уоса* – *уса* ‘жена, женщина’, *дигори* – *дигури* ‘дигорцев’.

3. Употребление исторического *п* вместо современного *ф*: *пасабад* – *фасавад* ‘молодежь’, *пахаста* – *фахаста* ‘унес, отнес’, *пид* ‘ма фурт’ – *фид ама фурт* ‘отец и сын’, *пасмон* – *фасмон* ‘раскаяние’, *фондз сади пуси* – *фондз сади фуси* ‘пять сотен овец’ (Б.Алборов отмечал употребление *п* вместо *ф* и в речи жителя с.Лезгор).

4. Переход начальных зубных *з*, *џ* в аффрикат *дз*: *дзагъта* – *загъта* ‘сказал’, *дзаераџта* – *џаераџта* ‘места проживания’, *дзар* – *џар* ‘кожа’ (Переход *з* в *дз* в приведенном примере имеет место и в речи жителей сел Чикола и Лескен).

Необходимо сразу отметить, что в настоящее время такого говора не существует. Жители этих сел давно переселились на равнину, смешавшись с остальными дигорцами. В с.Ханаз не осталось жителей. В с.Задалеск проживает с десятка два жителей, но они настолько связаны с остальной частью дигорцев, что вряд ли могли сохранить какие-либо особенности своего говора, отмеченные Алборовым.

В морфологии, синтаксисе и лексике не были отмечены отличительные особенности задалеск-ханазского говора.

Языковая политика и языковое строительство в Северной Осетии

«В полиэтничном и поликонфессиональном обществе перед каждой диаспорной группой неизбежно встает проблема сохранения этнокультурной идентичности. Разные по численному составу и уровню инкорпорированности в хозяйственно-экономическую и общественно-культурную среду Осетии, диаспоры создавали институты, обеспечивавшие сохранение идентичности. Важным звеном в этой системе культурной самозащиты была национальная школа, которая, кроме образовательных функций, выполняла задачи внутриэтнической консолидации и межпоколенной передачи традиционной культуры, становилась этнокультурным центром для всей группы» [31, с. 3-4].

Хотя появившиеся в результате развития народного образования на территории Терской области со второй половины XIX в. школы были тесно связаны с системой церковно-приходских школ, в которых преподавание велось только на русском языке, однако с появлением образованного слоя в осетинском обществе наметилось стремление перехода школ на национальный язык обучения. Так, например, в 1912 году житель селения Анзорети/Анзорей (КБР) Сосланбек Тайсаев на свои средства разработал и издал в Темирхан-Шуре (ныне город Буйнакск Республики Дагестан) четыре учебника: учебник дигорского языка, учебник тагиатского (т.е. иронского) языка, учебник кабардинского языка и учебник горско-татарского (т.е. балкарского) языка. По этим учебникам он обучал дигорских, осетин-иронских, кабардинских и балкарских детей в школе, которую он построил на окраине села. В силу того, что С.Тайсаев свои учебники разработал на основе арабской графики, они не получили дальнейшего практического применения в остальном регионе.

Школы открывались и в других населенных пунктах Дигории, однако по причине их светского характера, закрывались администрацией Терской области через 2-3 месяца. Так, например, в с. Лескен с 1905 по 1917 годы школы открывались 15 раз.

Коренным образом ситуация изменилась после Февральской революции 1917 года.

С 10 по 16 июля 1917 года в г. Владикавказ состоялся I-й Всеосетинский Учительский съезд. Одним из первых пунктов, принятых съездом, было решение национализировать осетинскую начальную школу, основой которой должен стать родной язык. Основное положение о языке преподавания вызвало оживленную дискуссию, в результате которой было принято дополнить понятие «родной язык» для иронских и дигорских школ. В окончательном варианте документ был принят с примечанием: «Родным языком считать язык учащихся: для иронских школ – иронский, для дигорских школ – дигорский» [29, с. 1-2].

В 1926 году Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР во Владикавказе был создан Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М. Кирова, работавший в разное время в Ростове-на-Дону, Пятигорске. Одним из основных целей Института было «глубокое всестороннее теоретическое изучение языков народов Северного Кавказа, применение результатов этого изучения в практике языкового строительства в 20-30-е годы XXвека» [27, с. 10]. При Институте был создан лингвистический отдел, состоявший из 4-х секций: горско-турецкая (руководитель У.Д.Алиев), горско-иранская (профессор Б.А.Алборов), ингушско-чеченская (З.К.Мальсагов), абхазско-адыгейская (профессор Н.Ф. Яковлев). В 1929 году к лингвистическому отделу присоединилась терминологическая комиссия, работавшая в национальных областях. Северо-Осетинской терминологической комиссии

руководил В.И. Абаев. За 10 лет существования Института (был ликвидирован в 1937 году) были подготовлены алфавиты, учебники, терминологические словари на национальных языках, в том числе и на дигорском языке.

Однако вскоре понятие «родной язык» стало приобретать новую семантику вместе с изменением национальной доктрины.

После объединения Дигорского и Владикавказского национальных округов, входивших в состав Горской автономной советской социалистической республики (ГАССР), и образования Северо-Осетинской автономной области в 1924 году [14, с. 35-36], политизация языкового строительства постепенно становилась основой национальной идеи. Лозунги октябрьской революции о равноправии народов породили на Северном Кавказе националистические идеи, в том числе и в области языкового строительства. Языком образования стали объявлять национальные языки. В Северной Осетии языком образования был объявлен осетинский язык. Однако бытование осетинского языка в двух вариантах – иронском и дигорском – не устраивало националистически настроенную интеллигенцию. Стала набирать силу идея единого литературного языка для всех ветвей осетинского народа. Для обоснования данной идеи приводились примеры из мировой практики государственного языкового строительства, согласно которым нет ни одного народа с двумя литературными языками. Впервые идея единого литературного языка для всех ветвей осетинского народа была сформулирована в статье А.А. Тибилова, опубликованного в 1924 году в журнале «Горский вестник». Вся концепция А.А. Тибилова строится с учетом незнания большинством осетинского населения реальной ситуации в мировой практике языкового строительства и языковой политике.

По утверждению А.А.Тибилова «нет в мире ни одного народа, язык которого не давал бы диалектических развет-

влений, подчас более глубоких и отличных друг от друга, нежели диалектические особенности наречий осетинского языка. И, с другой стороны, не существует ни одного культурного народа, который не имел бы единого литературного языка, поднявшегося над диалектическими разновидностями и ставшего орудием выражения мыслей всего народа» [28, с. 27].

Примеров, опровергающих утверждение А.А.Тибилова достаточно: норвежцы (букмол и нюношк), евреи (иврит и идиш), пуштуны (пешаварский, кабульский, кандагарский и кветтинский), мордва (эрзя и мокша), коми (коми-пермяцкий и коми-зырянский) и др.

Видимо, понимая недостаточность аргументации своей идеи лишь на основе отрицания двух литературных вариантов у одного народа, автор старается сыграть на тщеславии: «Народ, который не почувствовал потребности в создании литературного языка, не способен творить никаких культурных ценностей и обречен на вымирание» [28, с. 27].

К моменту написания Тибиловым своей статьи не только существовала литература на иронском и дигорском, но уже начал формироваться литературный язык на обоих диалектах. К сожалению, А.А.Тибилев в своих умозаклчениях не приводит никаких аргументов, которые бы указывали на негативное влияние дигорского литературного варианта на развитие иронского литературного варианта.

В принципе, вся патетика А.А.Тибилова не выходит за рамки постреволюционного опыта отстаивания своей позиции с помощью демагогии. Как иначе можно, например, расценивать приводимую автором причину выбора иронского наречия в качестве единого литературного языка: «Красивые, но тяжеловесные архаические формы дигорского языка не соответствуют нервному темпу современной культуры, которая требует от человека и быстрых движений, и сжатой речи. Иронский диалект молод и исполнен энергии и в этом

его главное преимущество перед архаическими женственно-мягкими формами дигорского языка» [28, с. 33].

Не меньшее недоумение вызывает и аргумент А.Тибилова, согласно которому дигорский должен уступить иронскому «первородство»: «... в споре за первородство дигорскому языку придется уступить свое право младшему собрату, иронскому наречию, конечно, не за чечевичную похлебку, а во имя большой идеи единого осетинского литературного языка» [28, с. 32].

Идея единого литературного языка была поднята на Объединенной Конференции Южной и Северной Осетии по вопросам языкового строительства 15 мая 1934 года. По решениям Конференции вскоре вышло постановление Бюро Обкома ВКП(б), одоббившее решение конференции о переходе на единый литературный язык:

1. В соответствии с решением конференции считать вполне своевременным и необходимым переход на единый осетинский литературный язык, как в Северной, так и в Южной Осетии.

2. В основу литературного осетинского языка положить иронский диалект с цокающим произношением.

3. Дигорская райгазета «Сурх-Дигора» должна печататься на дигорском диалекте до усвоения основной читательской массы литературного языка. С этой целью «Сурх-Дигора» должна периодически популяризировать на своих страницах литературный язык.

4. Сохранить преподавание в дигорских начальных школах на дигорском диалекте, с ознакомлением в старших группах учащихся начальных школ с осетинским литературным языком. Считать необходимым в иронских школах на уроках языка и литературы параллельное объяснение учащимся дигорских терминов, не имеющих в иронском диалекте.

5. Учебники по начальной школе и соответствующая детская литература для дигорских школ выпускается на дигорском диалекте.

6. Делопроизводство в дигорском районе ведется на дигорском диалекте.

7. Для молодых дигорских писателей, не владеющих единым литературным языком, предоставить возможность печататься на дигорском диалекте. Вместе с тем, обязать оргкомитет СП всячески способствовать тому, чтобы они скорее овладели осетинским литературным языком [24].

Но уже в июле 1936 года, на очередной конференции по языковому строительству в Осетии, было принято решение окончательно запретить дигорский вариант осетинского языка:

1. Унифицировать немедленно язык делопроизводства по всей Осетии на едином литературном языке.

2. Прекратить терминологическую работу на дигорском наречии.

3. Прекратить издание учебной литературы на дигорском наречии с января 1937 года.

4. Обеспечить в ближайшие 2-3 года перевод преподавания в дигорских школах с первого же года обучения на литературный язык [4, с. 75].

Писатель Тазе Бесаев, посчитавший это решение несправедливым, написал письмо в газету «Правда». Письмо было передано во Всесоюзный Центральный комитет нового алфавита. По этому письму 25 января 1937 г. Состоялось совещание при заместителе Председателя ВЦКНА о результатах межобластной Осетинской языковедческой конференции, постановившее:

1. Пункт 1-й вычеркнуть.

2. Пункт 2-й сформулировать: «Считать необходимым создание единого осетинского литературного языка с использованием богатств обоих языков».

3. Пункт 3-й исключить.

4. Пункт 4-й читать: «Считать целесообразным преподавание всех предметов первых 2-х классов начальной шко-

лы вести на дигорском языке. Преподавание литературного языка в этих классах считать как обязательный предмет. С 3-го класса преподавание перевести на литературный язык [23, с. 76-77].

В результате сопротивления дигорской интеллигенции, вопрос перехода на единый литературный язык был отложен. Хотя в 1937-1938 годах большинство дигорской интеллигенции не пережили репрессии, однако началась война и к вопросу перехода на единый литературный язык вернулись в начале 50-х гг. Преподавание дигорского языка сохранили в начальной школе до 4-го класса, но уже в начале 60-х годов дигорский язык был вытеснен и из начальной школы.

В декабре 1990 года в Верховный Совет РСФСР было направлено «Обращение дигорского народа», которое подписали 3623 человека. Инициатором Обращения выступил юрист Владислав Дзотцоти, житель г. Владикавказ. В Обращении указывалось на необходимость исправления ошибок прошлого и предоставления дигорязычному населению права на развитие своего языка. Кроме того, подписавшие Обращение требовали:

1. Введение обязательного изучения дигорского языка в дошкольных учреждениях и средних школах.
2. Создание на филологическом факультете СОГУ отделения дигорского языка и литературы.
3. Издание республиканской газеты на дигорском языке.
4. Введение ежедневных теле- и радиопередач на дигорском языке.
5. Создание дигорской театральной труппы [22, с. 8].

Обращение поддержал и В.И.Абаев, направивший письмо главному редактору журнала «Мах дуг» А.Кодзати с рекомендацией поддержать введения преподавания дигорского языка в начальных классах, печатании литературы и восстановлении районных газет на дигорском языке [22, с. 1].

Результатом «Обращения дигорского народа» стало изменение языковой политики государственных органов вла-

сти Северной Осетии. В 1991 году в начальной школе Дигорского и Ирафского районах с 1-го по 4-й класс ввели преподавание на дигорском языке. За короткий срок были подготовлены и изданы учебники по языку, чтению, математике и природоведению на дигорском языке. В последующие 4 года стали выходить на дигорском языке газета «Дигора» и журнал «Ираф», было принято решение о создании государственного дигорского драматического театра.

7 декабря 1994 года Парламент республики утвердил Конституцию РСО-Алания, в которой юридически было закреплено равноправие дигорского. Так, статья 15 Конституции гласит:

1. Государственными языками Республики Северная Осетия-Алания являются осетинский и русский.

2. Осетинский язык (иронский и дигорский диалекты) является основой национального самосознания осетинского народа. Сохранение и развитие осетинского языка являются важнейшими задачами органов государственной власти Республики Северная Осетия-Алания.

Проблемы ревитализации дигорского языка

В результате языковой политики в Северной Осетии был нанесен огромный ущерб бытованию и развитию дигорского языка. Идея Тибилова об едином литературном языке до сих пор владеет умами большинства осетин. Прошло почти 100 лет, как была обнародована эта идея, однако время показало не только несостоятельность и нежизнеспособность, но в большей мере пагубность языковой политики, направленной на искусственное создание «единого литературного языка» для всех ветвей осетинского народа без учета условий, в которых бытует этот язык.

Безусловно, если бы Осетия была независимым государством, а не административной единицей другого государ-

ства с иным государственным языком, то вопрос об едином литературном языке для всех ветвей осетинского народа был бы более чем актуален. Хотя в таком случае не было бы необходимости запрещать какие-либо наречия, так как переход на единый литературный язык им нужен был бы так же, как сегодня, например, русский язык для всех национальностей России.

А.Тибиров, как и сегодняшние сторонники его идеи, для объективации своей позиции приводил пример Германии и Грузии, не учитывая, что немецкий и грузинский языки выполняют роль государственного языка, необходимого для межличностной коммуникации, в то время как в Осетии эту роль играет русский язык. Точно так же, как не сбылись его прогнозы относительно «самостийных тенденций» украинцев и белорусов, чье стремление к обособлению своих «диалектов» он считал «моментом преходящим», точно так же не сбылись все пункты его аргументации создания «единого литературного языка». Не только дигорцы не перешли на этот «единый» язык, но и южные осетины остались при своем наречии. И в 20-х годах, и в последующее время южные осетины выработали свои литературные нормы, по которым они учатся по сегодняшний день. В отличие от дигорского, написание и североосетинского и югоосетинского вариантов литературного языка единообразно, что формально позволяет им утверждать об единой литературной форме.

Вследствие продолжающейся языковой политики, остро стоит проблема ревитализации дигорского языка.

Ревитализацией языка, характеризующаяся как процесс возрождения, оживления или восстановления языка, называют форму языкового активизма. Языковым активизмом, в свою очередь, называют действия граждан или общественных организаций, направленные на изменение языковой ситуации на той или иной территории. Языковой активизм, как правило, включает в себя борьбу за соблюдение языко-

вых прав населения в разных сферах жизни, сохранение, развитие или возрождение языка, находящегося под угрозой исчезновения. Зачастую инициативы активистов игнорируются государством. Однако в случае преследования активистов, которых иногда представляют как экстремистов, чья деятельность, якобы, дестабилизирует общество, свидетельствует о националистической или шовинистической политике, направленной на ущемление прав части населения или недопущение реализации активистами своих целей.

Процесс ревитализации языка бывает в двух значениях:

1) восстановление окончательно вымершего языка и превращение его в живой, разговорный язык хотя бы небольшой группы людей;

2) замедление процесса вымирания еще живого, но исчезающего языка, в идеале так, чтобы число его носителей стало не уменьшаться, а увеличиваться и в конце концов достигло такого уровня, когда для сохранения языка не требуется специальных усилий.

К состоянию дигорского языка сегодня применим второй пункт. Однако, если не предпринять меры по замедлению процесса вымирания, то в скором времени перейдет в категорию вымершего языка.

Если можно понять стремление А.Тибилова и его сторонников к созданию единого для всех ветвей осетинского народа литературного языка на основе одного диалекта, учитывая, тот факт, что в то время 99% осетин владели родным языком, а русским языком владело не более 40% населения, то современным взглядом все их решения представляются хоть и романтическими, но утопическими и волюнтаристскими. Сегодняшние реалии диаметрально противоположны. Русским языком владеет 99,9% осетин, родным (осетинским) владеет не более 60%. Учитывая, что корректность использования понятия «владеющий» сомнительна, так как среди владеющих родным языком большой процент тех, кто

понимает, может, хотя и с огромным трудом, выразить свои мысли, но предпочитает в быту и в семье говорить на русском, соответственно, процент «владеющих» еще ниже.

Столетний опыт показал, что не только дигорцы, но и южные осетины (несмотря на незначительные расхождения с иронским диалектом) так и не смогли перейти на «единый литературный язык». Дигорский диалект уступил (конечно же не за «чечевичную похлебку») иронскому диалекту. Однако позиции иронского диалекта (с приобретением статуса «единого литературного языка») не усилились, а, наоборот, сегодня и иронский диалект страдает теми же недугами, которые поставили дигорский диалект на грань вымирания. Так стояла вся эта идея «единого языка» тех усилий, которые предпринимались (впрочем, до сих пор предпринимаются) для окончательного уничтожения дигорцами своего «диалекта»? Как показывает исторический опыт, ни один диалект не переходит на другой диалект – он либо уничтожается физически, либо из двух диалектов рождается новый, третий диалект. Для уничтожения же диалекта необходимо, прежде всего, подавить самосознание его носителей. На сегодняшний день самосознание дигорцев почти стерто, однако реалии говорят о том, что переход происходит не на «единый осетинский литературный», а на русский язык.

Хотя логика, к которой не хотят прислушаться сторонники «единого литературного языка», подсказывает, что, независимо от тех усилий, которые прилагаются для сохранения и развития осетинского-иронского языка, его положение становится с каждым годом все хуже и хуже. Однако эти же сторонники «единого языка» не могут осознать, каким образом, в таком случае, может сохраниться дигорский диалект, когда ему отказывают даже в полумерах.

Необходимо отметить, что власти РСО-Алания: Правительство, Администрация, Министерство образования, Министерство культуры и Министерство по национальностям,

игнорируя Конституцию РСО-Алания, поставили иронский диалект выше дигорского, абсолютно игнорируя не только российские законы, но и конституционные права части осетинского народа, сознательно вбивая клин в единство народа, провоцируя противостояние между иронцами и дигорцами.

Реальная действительность на современном этапе такова, что без государственной поддержки ни один национальный язык (в том числе и иронский, и дигорский) не выживет.

Для наглядности приведем сравнительный анализ того, что делает государство для сохранения и развития осетинского (иронского и дигорского) языка:

Ирон

1. Готовят специалистов осетинского-иронского языка на 2-х факультетах СОГУ: факультет осетинской филологии и факультет педагогический факультет.

2. С 1-го по 11 кл. проходят иронский диалект во всех школах Республики (кроме Моздокского района).

3. Периодически издают учебники по иронскому диалекту.

4. Проводят научно-теоретические исследования грамматики иронского диалекта.

5. Республиканская газета «Растдзинад» выходит 5 раз в неделю.

6. Государственный «Ирон театр» имеет свое помещение.

7. Ведутся ТВ передачи на иронском диалекте.

Дигорон

1. Нигде не готовят.

2. Только в одной школе проходят в 1-ом классе.

3. Издают до 4-го класса от случая к случаю. На сегодняшний день издан только «Абета».

4. Единичные исследования проводятся интузиастами.

5. Республиканская газета «Дигора» выходит 4 раза в месяц.

6. Государственный «Дигорон театр» вынужден скитаться, не имея своего помещения.

7. Изредка транслируют новости на дигорском.

Сравнительный анализ привел для того, чтобы наглядно показать, что реально делается для сохранения и развития иронского диалекта. В то же время ассимиляционные процессы продолжают нивелировать эти усилия, что, безусловно, беспокоит и общественность, и государственные органы. При этом, беспокоясь за судьбу иронского диалекта, никому не приходит в голову мысль – если сами иронцы, при всех тех усилиях, которые прилагаются для этого, не в состоянии перейти на родной язык и переходят на русский, каким образом дигорцы перейдут на этот диалект?

Продолжая игнорировать проблемы сохранения и развития осетинского-дигорского языка, ассимиляционные процессы будут только ускоряться. Однако исчезновение дигорского диалекта, несмотря на то, что сбудется вековая мечта иронской части населения о «едином осетинском языке», ускорит исчезновение и осетинского-иронского языка.

Безусловно, мечтать и фантазировать на тему «единого осетинского языка» приятно, тем не менее пренебрежение современными реалиями говорит не только об отсутствии логики, но и о превалировании в обществе националистических идей, порожденных романтиками 20-х годов.

Только на кону, к сожалению, судьба языка, хоть и многочисленного.

Использованная литература

1. *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.

2. *Абаев В.И.* Очерк расхождений иронского и дигорского диалектов // Осетинский язык и фольклор. Ч. I. М.-Л., 1949.

3. *Алборов Б.А.* Задалеск-Ханазский говор дигорского диалекта (рукопись). – Архив СОИГСИ. П. 23. Д. 60.

4. Архив АН РФ. Ф. 676. Оп. 1. Ед. хр. 925.

5. *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. Часть I (Фонетика и морфология). Орджоникидзе, 1965.

6. *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. Часть II (Синтаксис). Орджоникидзе, 1982.

7. *Ботоев А.Г.* Грамматика дигорского наречия осетинского языка. Для 1 и 2 кл. начальной школы (на дигорском). Орджоникидзе, 1936.

8. *Бэйли Г.В.* Об ударении в дигорском диалекте осетинского языка. Рим, 1950 (на итальянском языке).

9. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. 208 с.

10. *Гарданов М.К.* Дигорская грамматика [Дигорон грамматикæ] (рукопись) // Архив СОИГСИ. П. 37. Д. 93.

11. *Гарданов М.К.* Дигорская начальная книга [Дигорон райдайæн киунугæ]. Владикавказ, 1925.

12. *Гарданов М.К.* Основные правила дигорского языка [Дигорон æвзаги æносон фæдгитæ. Теори] (рукопись) // ОРФ СОИГСИ. П. 37. Д. 88, 89, 90.

13. *Гендерсон Е.* Очерк фонетики западно-осетинского (дигорон) диалекта. Лондон, 1949 (Перевод с английского А. Д. Мамсурова) // ОРФ СОИГСИ. Оп. 1. Д. 140.

14. *Даудов А.Х.* Государственное устройство Горской АССР // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 1. 2012. С. 31-41.

15. *Дзагуров Г.А.* Важнейшие правила орфографии дигорского языка. Орджоникидзе, 1932.

16. *Дзагуров Г.А.* Грамматика дигорского языка, 1932 (рукопись) // ОРФ СОИГСИ. Оп. 1. Д. 115.

17. *Дзагуров Г.А.* К вопросу об ударении в осетинском (дигорском) языке. Владикавказ, 1929 (Отдельный оттиск из I сборника научного Общества этнографии, языка и литературы при ГПИ).

18. *Дзагуров Г.А.* Осетинский пастушеский счет // Известия СОНИИ. Вып.1. Владикавказ, 1925.

19. *Еремян С.Т.* Армения по Ашхарауцу. Опыт рекон-

струкции карты на современной картографической основе. Ереван, 1963. 152 с.

20. *Исаев М.И.* Дигорский диалект осетинского языка. Москва, 1966.

21. *Исаев М.И.* О вокализме осетинского языка // Труды Института языкознания АН СССР. Т. III. 1954. 237 с.

22. Обращение дигорского народа в Верховный Совет РСФСР от 11.11.1990 г. // ОРФ СОИГСИ, ф. Лингв. Оп. 1. Д. 240. Инв. № 2672.

23. ОРФ СОИГСИ. Ф. Лингв. № 126.

24. Постановление Бюро Обкома ВКП(б) о языковом строительстве в Области // Газ. «Пролетарий Осетии». № 16 от 20 июля 1934 г.

25. Северная Осетия (газета). № 27. 18 февраля 2009 г.

26. *Таказов Ф.М.* Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. Владикавказ, 2009. 164 с.

27. *Темирболатова А.И.* Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260ГАСК – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М.Кирова» (1926-1937). Ставрополь: СГУ, 2012. 314 с.

28. *Тибиллов А.А.* Единый литературный язык для всех ветвей осетинского народа // Научный архив СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Д. 79. П. 27. Из журнала «Горский вестник». № 1. 1924. С. 27-31.

29. Труды I-го Всеосетинского Учительского Съезда, состоявшегося в г. Владикавказе с 10 по 16 июля 1917 г. // ОРФ СОИГСИ. Ф. Лингв. Д. 29. П.1.

30. *Тускати Балотти.* Графика осетинского языка (рукопись 1957) // ОРФ СОИГСИ. Инв. 55. П. 27.

31. *Хубаева Л.К.* Национальные школы в Северной Осетии второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: Ир, 2019. 139 с.

32. *Цагаева А.Д.* Некоторые особенности озрекского говора. Орджоникидзе, 1959. (Отд. оттиск из «Известий» СОНИИ. Т. 21. Вып. 4).

33. *Цагаева А.Дз.* Некоторые особенности Стур-Дигорского говора. Орджоникидзе, 1962. (Отд. оттиск из «Известий» СОНИИ. Т. 23. Вып. 1).

А.П.Мошинский
Москва, Россия

ГОРНАЯ ДИГОРИЯ В ДРЕВНОСТИ. ПОИСКИ И НАХОДКИ

Славу Осетии помимо ее замечательной горной природы составляет ее история. Особенно история древняя. В 1869 году в селении Уолла Кобан (Верхний Кобан) паводком подмыло склон и разрушило несколько древних погребений. Предприимчивый хозяин земли – Хабош Кануков отвез найденные вещи в Тифлис. Там их увидели ученые. С этого момента и началась слава кобанской культуры, названной так по месту первой находки. Исследователи из России и Европы немедленно отправились на раскопки. Но археологи копают медленно... Ножик, кисточка... Чертежи... Раскопали несколько погребений. Хабош был намного более «производителен». Ему были глубоко безразличны археологические комплексы. По легенде, он ходил по могильнику со щупом-палкой с железным наконечником и там, где щуп наткался на камни, рабочие, которые следовали за ним, разрывали могилу, вытаскивали оттуда бронзовые вещи и сваливали их в мешок. А вещи были действительно удивительные! Бронзовые топоры и кинжалы изящных форм, покрытые гравировкой... Украшения и амулеты... Прекрасная бронзовая пластика... Граф Алексей Сергеевич Уваров – известный археолог в восторге утверждал, что предметы кобанской культуры превосходят вещи, найденные в Австрии в знаменитом Гальштадском могильнике. В его словах, конечно, присутствует некоторое преувеличение. Сравнивать достаточно сложно. Пластика из Гальштадта прекрасна. Но такой гравировки, как на кобанских бронзах, там действительно нет.

Вслед за Кобанским могильником в Горной Дигории были найдены и практически полностью разорены могиль-

ники Фаскау у села Галиат и Рутха у села Кумбулта. Найденные и варварским способом раскопанные вещи распродавались тысячами. Хабош Кануков и дигорский писарь Бегизар Дзилихов приобрели геростратову славу. Вещи у них скупали Исторический музей, Императорская археологическая комиссия и частные коллекционеры.

Основателем и первым директором Исторического музея был граф А.С.Уваров. Он и передал в музей первую коллекцию кобанских бронз, с которых началось и собрание музея, и его Главная инвентарная книга... Кобанские вещи разошлись по всему миру. Коллекции кобанских бронз хранятся в музеях Берлина, Парижа, Лиона, Вены, Будапешта, Лондона. Есть они и в Вашингтоне и даже в Токио... Обширная коллекция – в Эрмитаже. Но основное собрание хранится в Государственном историческом музее. Собрание – многотысячное. Вещи замечательные. Но – увы! Основная их часть – предметы из грабительских раскопок XIX века. Или из могильника Верхняя Рутха, разоренного и перемешанного в то же время и доследованного частично уже в советскую эпоху. Соответственно, вещей множество, а комплексов нет. Установить хронологию, связи между этими вещами и прочая, и прочая практически невозможно. Среди вещей, происходящих из Горной Дигории, присутствуют в большом количестве предметы докобанской эпохи, которые датируются вторым тысячелетием до н.э. и предметы «классического» периода (XII – VII вв. до н.э.). Материалы VII-IV вв. до н.э. представляют собой поздний этап, относятся к раннему железному веку, когда все оружие и орудия труда изготавливались уже не из бронзы, а из железа. Разделить материалы на раннекобанские и позднекобанские удалось Е.П. Алексеевой (Алексеева, 1949) благодаря раскопкам конца XIX века владикавказского археолога В.И.Долбежева (Долбежев, 1889), который исследовал позднекобанский могильник в селе Верхний Кобан – так называемое Северное кладбище

(или «Новое кладбище» по терминологии П.С.Уваровой). Он работал по поручению Археологической комиссии и вел для нее очень подробные дневники. К сожалению, ему не выделили деньги на чертежи...

Уже в советское время было найдено и изучено достаточно много кобанских памятников к западу и востоку от Северной Осетии, что дало возможность Е.И.Крупнову разделить кобанскую культуру на три локальных варианта: центральный, западный и восточный (Крупнов, 1960). В центральный вариант он включил горные и предгорные памятники Осетии, в западный – Кабардино-Балкарии и Ставрополья, в Восточный – Чечено-Ингушетии. В.И.Козенкова опубликовала пять томов с классификацией археологических памятников Кобанской культуры. Два тома посвящены восточному варианту (Козенкова, 1977, 1982), три – западному (Козенкова, 1989, 1995, 1998). В итоге сложилась парадоксальная ситуация. Именно центр – Северная Осетия, с территории которой происходит основная масса материалов и откуда, безусловно, распространялись традиции обработки металла, давшие культуре ее славу, оказался белым пятном на археологической карте Северного Кавказа.

В 1981 году я получил университетский диплом и сменил обязанности лаборанта на обязанности хранителя кавказского фонда отдела археологических памятников Исторического музея. При этом мне пришлось резко изменить свои научные предпочтения – оставить античность, которой я занимался с детства, и начать почти с нуля изучать Кавказ. Семидесятитысячный фонд, который я принял, не оставил мне другого выхода.

Целью научного изучения были выбраны материалы кобанской культуры и предкобанского времени, составляющие ядро фонда. Практически сразу, после первого же просмотра мое внимание привлекли бронзовые птицевидные бляхи с головкой барана (рис.1). Бляхи поступили в ГИМ от того

же Дзилихова, были давно известны ученым, но поскольку комплексы, из которых они происходят, неизвестны, то и с датой – проблемы... Датировали их самыми разными эпохами. Вещь – эффектная, попала даже на обложку монографии Е.И.Крупнова (*Крупнов*, 1960) но – увы – без даты.

Мне бросилось в глаза абсолютное сходство крыльев «птички» с лопастями одного из типов топоров предкобанского времени. Более того, на этих топорах присутствовали украшения в виде бараньих головок. Я предположил, что бляхи изображают не только птичку, но и двойную секиру – так называемый «лабрис» (*Мошинский*, 1988 *Moshinsky*, 2001). И, соответственно, датируются тем же временем, что и эти топоры. Поскольку летающий баран является в иранской мифологии олицетворением фарна, одним из свойств которого является удача, изображение этой бляхи было размещено в 1986 году на флаге нашей экспедиции. Через 12 лет в 1998 году при раскопках погребения предкобанского времени из могилы раздался голос одного из моих ребят: «Начальник, флаг нашли!». Дата полностью подтвердилась. Понятие фарна для этих блях сейчас принято повсеместно.

Для того, чтобы разобраться с хранимым мной фондом, в 1982 году мною была возоблена деятельность Северо-Кавказской археологической экспедиции ГИМ. Основным регионом для ее работы была выбрана Горная Дигория. В течение трех полевых сезонов проводились археологические разведки по всей территории Северной Осетии, по преимуществу в Дигорском ущелье. Основной целью были поиски новых памятников кобанской культуры. Значимых результатов они не принесли, как и работы наших предшественников. Объяснение этому очень простое. Я (так же, как и все археологи до меня) был воспитан на равнинной археологии. Учиться археологии горной было не у кого. Опыта раскопок и разведок ни у кого не имелось. Именно поэтому выискивались ровные площадки и на них забивались неболь-

шие шурфы. В этих шурфах никогда ничего обнаружено не было, да и быть не могло. Земля в горах на вес золота. На ровных площадках устраивались земельные участки, а жили люди (и живут сейчас) на косогорах, которые они подсыпают, подрезают и устраивают террасные поселения. Могильники и вовсе обустраиваются на местах, для жизни абсолютно непригодных. На таком косогоре, что по нему и ходить невозможно, да еще и зачастую под скальным обрывом, с которого в плохую погоду камни падают. Но это стало ясно много позже, когда были найдены могильники и поселения...

В 1985 году было принято решение приостановить разведочные работы и заняться исследованием разоренного в XIX веке грабительскими раскопками могильника Верхняя Рутха. Могильник этот находится неподалеку от дигорских сел Кумбулта и Донифарс на крутом мысу, обращенном в сторону реки Урух. Несколько неразрушенных комплексов в 80-х годах XIX века на этом памятнике успел раскопать В.И.Долбежев. К сожалению, он за отсутствием средств не делал чертежи. Остались подробные описания и не всегда присоединенные к комплексам вещи (он очень старательно привязывал к каждой вещи этикетки с номером по описи, которую он сдавал в Археологическую комиссию, но до наших дней этикетки сохранились не все). В 30-х годах XX века могильник исследовал Е.И.Крупнов. Погребения, которые он раскопал – все перемешанные, без изъятых грабителями крупных бронзовых вещей. Единственное исключение: клад – горшок с бронзовой пряжкой и бронзовыми браслетами. На этом же памятнике в 70-е годы XX века проводила исследования Л.Г.Нечаева, но результаты ее раскопок нашли отражение только в кратких тезисах.

Раскоп нашей экспедиции примыкал к раскопу Е.И. Крупнова. Результат был примерно такой же, как у него. Разоренные грабителями погребения... Земля тщательно

перебиралась. При переборке было найдено большое количество мелких предметов и фрагментов керамики. Лишь в одном комплексе в 1985 году было сделано открытие (*Мошинский*, 1988 в.), позволившее выдвинуть новую научную гипотезу. Погребение было ограблено, но грабительская яма прошла не вертикально, а немного наклонно. В результате на небольшом пространстве вдоль стены было обнаружено пять сосудов. Все они залегали в прокаленном слое (разбить его пришлось с помощью молотка каменщика – ножу не поддавался). Сосуды принадлежали к одной эпохе, но к разным культурам. Подобные разнокультурные наборы и раньше отмечались в курганах степной зоны. Судя по всему, в финале эпохи средней бронзы произошло какое-то потрясение (скорее всего климатическое), в результате которого произошло передвижение и смешение культурных групп. Часть этих смешанных популяций отступила в горы (где также, скорее всего, изменился климат). Найденные нами остатки комплекса, вероятно, принадлежали одному из погребений первого этапа заселения Дигорского ущелья.

По принятой в 80-х годах хронологии мы с В.И.Козенковой датировали комплекс XIV-XIII вв. до н.э. (*Козенкова, Мошинский*, 1995). XIII-XII вв. В.И.Козенкова датировала протокобанский этап – время перехода от докобанского времени к кобанской культуре. Таким образом, у нас получилось два идущих друг за другом переходных периода: первый и второй протокобанские. Впоследствии В.И.Козенкова присвоила им не очень удачные названия: Кобан Ia и Кобан Ib. Неудачными они являются потому, что вносят путаницу в вопросе о принадлежности этих материалов к кобанской культуре. Эпоха, безусловно – докобанская. Никаких кобанских артефактов еще не существует. Но благодаря названию и безусловному авторитету В.И.Козенковой некоторые молодые исследователи механически относят всю предкобанскую эпоху к культуре кобанской.

В 1998 и 2002 годах на могильнике Кари Цагат под Лезгором нашей экспедицией были обнаружены два неограбленных комплекса предкобанской эпохи. Один из них был абсолютно неповрежден (рис.2), другой частично смыт водой, протекавшей по склону. По анализу обильного материала стало совершенно ясно, что погребения датируются периодом более поздним, чем комплекс из Верхней Рутхи и более ранним, чем переходный период XIII-XII вв.

Е.И.Крупнов в 53-е году буквально одной строчкой в работе о докобанских древностях Северной Осетии (*Крупнов Е.И.*, 1953) предположил существование особой Дигорской культуры. Сейчас можно считать доказанным факт ее реальности (*Мошинский А.П.*, 2000., 2008, 2011). Основным признаком, отличающим археологические культуры друг от друга, является наличие значимых традиций, характерных исключительно для той или иной групп населения. Значимыми традициями в данном случае, безусловно, являются формы женских украшений и керамики. Керамика дигорской культуры была полностью проанализирована мной в специальной работе. Анализ привел к выводу, что отличия дигорской керамики от сосудов сопредельных областей имеют значимый характер. Женские украшения в памятниках дигорской культуры резко отличают ее от других культурных образований того же времени. Только для этой культуры характерны так называемые фибулообразные подвески. Именно здесь четко прослеживается эволюция булавок с навершием в форме «павлиньего пера» (рис. 3) (*Мошинский*, 2001). Необходимо отметить, что мужские атрибуты не дают такого культуuroобразующего эффекта. Это весьма характерно для многих культурных образований. Более того, совершенно четко прослеживается связь наиболее ярких форм топоров и культовых предметов с горной зоной Грузии (территория Рачи) (*Мошинский А.П.*, 2009). Представляется, что влияние на формы этих артефактов пришло именно оттуда.

Анализ форм булавок с наверхуем в виде «павлиньего пера» – в сочетании с другими различиями в инвентаре двух погребений, раскопанных нами на могильнике Кари Цагат – показал, что эти погребения относятся к двум последовательным периодам существования дигорской культуры. Третий период относится к собственно протокобанскому времени (XIII-XII вв. до н.э.) Иначе говоря, доказано, что дигорская культура существовала длительное время (второе тыс. до н.э., исключая его начало и конец) и пережила несколько стадий своего развития, что еще раз подтверждает статус этого образования как археологической культуры. Таким образом, можно считать установленным, что в предкобанскую эпоху на территории Северного Кавказа в целом и на территории Северной Осетии в частности существовал и развивался целый ряд археологических культур относительно независимых друг от друга. В географически замкнутой Горной Дигории, соединенной с сопредельными территориями только узкими перевалами, такая отдельная культура могла легко сформироваться. Основой для образования дигорской культуры, вероятно, послужило смешанное население, проникшее в Дигорию в первый предкобанский период. Следы этого населения мы и обнаружили в уже упомянутом погребении, раскопанном нами на Верхней Рутхе в 1985 году.

Погребения дигорской культуры, исследованные нами на могильнике Кари Цагат, дали еще немало ценной информации. Например, в погребениях было множество сурьмяных украшений, включая целые ожерелья, состоящие из сурьмяного бисера и сурьмяных подвесок различных форм. До этого считалось, что сурьмяные подвески были распространены в основном на территории Дагестана. Бисер из сурьмы и, тем более, ожерелья были неизвестны. Уже упоминалось о находке птицевидной бляхи с бараньей головкой (фарна), подтвердившей ранее предложенную дату. Много-

численные булавки с навершием в форме «павлиньего пера» в свою очередь подтвердили созданную ранее типологию.

Особенно интересен был погребальный обряд этих комплексов. Если известные предкобанские погребения могильника Верхняя Рутха представляли собой прямоугольные ямы с каменными стенами и обычным плоским дном, то на могильнике Кари Цагат нам пришлось столкнуться с настолько изощренными конструкциями, что изначально мы приняли дно погребения за его крышу... Проблема была в том, что дно погребений было ступенчатым, обложенным деревянными плахами, на которых лежали вещи (погребения были совершены по обряду кремации на стороне и костей практически не было). В первом из раскопанных нами погребений дно было похоже на ступенчатую крышу зиккурата. Никаких аналогий такому устройству могил неизвестно, что и привело нас в полное недоумение. Дно второго погребения было оформлено в виде лестницы, ведущей вверх по склону. К сожалению, большая часть предметов из этого комплекса было смыто еще до наших раскопок водами, стекавшими вниз по горному склону...

Возвращаясь к теме поисков новых комплексов, необходимо заметить, что для этого важнейшим источником является информация от местных жителей. Они, как правило, делятся сведениями только с теми, кого хорошо знают и уважают. С этим у нас все более, чем хорошо. Поэтому в 1987 году, когда геологи при строительстве буровой площадки нашли бронзовые браслеты, и об этой находке стало известно жителю с. Лезгор Темболату Бетрову, он сразу же оповестил и меня. В результате оперативно проведенной разведки на подрезанном дорогой на буровую склоне был найден наконечник стрелы скифского типа и человеческие кости. Стало очевидно, что здесь находится могильник интересующей нас эпохи. Могильник получил название Гастон Уота (*Мошинский*, в печати).

Название урочища «Гастон Уота», воспринятое со слуха, содержит в себе сочетание трех слов дигорского диалекта осетинского языка: Гæс (сторож), Стонуат (стойбище), Уотар (загон для скота). Общий смысл – загон для скота. Житель села Донифарс – егерь Омар Дзираев, сообщивший и объяснивший мне это название, предупредил, что первые два слова в нем слились в одно. Звук «р» на конце слова «Уотар» у него не звучал. Исходя из этого, было принято решение о написании названия в два слова.

Раскопки памятника производились в 1987-1998 гг. Могильник был раскопан полностью. Всего было изучено 23 погребения. Большинство из них – коллективные (*Мошинский*, 1997 б). Исключение составляет так называемый «погребальный комплекс – жертвенник». Этот комплекс, безусловно, является погребением лица, обладавшего сакральными полномочиями – жреца (*Мошинский*, 1988 а, *Mošiniskij*, 1999). Погребение представляло собой большую яму подквадратных в плане очертаний, в которой на каменном фундаменте была расположена деревянная камера с полом. При завершении обряда камера была сожжена. Между стенами камеры и бортами ямы были уложены три лошади и собака. Еще две лошади были сожжены внутри камеры на специальных глиняных подставках (подобные подставки использовались кобанскими гончарами при обжиге сосудов). Судя по всему, именно в костре на этих подставках был сожжен и человек. Отдельные его кости были найдены здесь же. Некоторое количество человеческих костей было обнаружено среди скопления золотых бляшек внутри камеры. Скорее всего, после сожжения останки были собраны в ткань, обшитую этими бляшками. Сложный погребальный обряд, сопровождающийся многочисленными жертвоприношениями, и побудил присвоить этому погребению название «погребальный комплекс-жертвенник».

В камере среди прочих вещей были обнаружены два предмета, имеющих безусловное сакральное назначение –

наконечники культовых жезлов. Предметы имеют различную форму, но имеют один общий признак: в центре у них располагается втулка, которая завершается снизу петлей для подвешивания колокольчика (еще некоторое количество колокольчиков было подвешено к другим петлям, расположенным на предмете). Деревянное древко в эту втулку можно было вставить только сверху. Наконечники, таким образом, никак нельзя называть навершиями. Было ли это древко прямым или имело изогнутую форму – неизвестно. Так или иначе, жрец держал его в руке, сотрясал, и при этом подвешенные к предмету колокольчики звенели.

Один из наконечников имеет крестовидную в плане форму. От втулки отходят четыре штырька, от двух из них – головки оленей, от двух – баранов. У каждой из головок снизу – кольцо, на котором висит колокольчик. На головках баранов размещается по фигурке оленя.

Второй наконечник (рис. 4) более сложен по своей форме и смысловой насыщенности. Предмет имеет форму усеченного конуса, обращенного основанием вверх, изготовлен он из узких бронзовых пластин, образующих ажурное изделие. Верхний ярус соединен с нижним четырнадцатью пластинами. В центре располагается втулка, соединенная с ажурной частью предмета четырьмя крестообразно расположенными пластинами. Через втулку проходит железный штырь для крепления древка. Снизу втулка завершается петлей, к которой на кольце подвешен продолговатый колокольчик. Вдоль нижнего края располагаются четырнадцать ушек, к каждому из которых изначально было прикреплено по колокольчику.

По верхнему кругу расположена композиция, состоящая из семи элементов, включающих как отдельные фигуры, так и группы. Центр композиции – голова оленя. В композицию входят две фигуры всадников, две фигурки людей с широко разведенными руками – поза адорации, две фигурки людей

в позе адорации, расположенные каждая между двумя козлиными головами. Фигурки людей фаллические; такую же форму, как фаллос, имеют у них и бороды, а также морды козлов, и морда оленя.

Важно отметить, что количество фигур и групп фигур по верхнему краю предмета равно семи, количество перемычек между верхом и низом и количество колокольчиков по нижнему краю равно четырнадцати. Чередование цифр семь и четырнадцать (дважды семь) конечно не случайно. Более того, у коней на изделии перемычками показаны ноги. Но у одного присутствует третья нога (от живота) – явно добавленная для общего количества. Число семь было священным у многих древних народов. В данном случае оно, безусловно, связано с лунным циклом, надежно зафиксированном в древних культурах Кавказа.

Количественные показатели многократно зафиксированы в открытых нами дигорских материалах позднекобанского времени. Так, на круглых ажурных бляхах (рис. 5) присутствуют две концентрических окружности, состоящих из отверстий. Во внешней окружности – 28 отверстий, во внутренней – 14. Все те же игры с числом семь.

На пластинчатых пряжках дигорского типа (рис. 6) (Мошинский, 2006) в практически обязательном порядке присутствуют девять отверстий для цепочек (в одном случае – семь). Число девять само по себе является показательным (три раза по три), но в большинстве прослеженных случаев крайние две цепочки длиннее остальных – то есть обозначено и число семь.

Упомянутые пряжки дигорского типа, как и браслеты дигорского типа являются артефактами, характерными практически только для Дигории с конца VI по начало IV в. до н.э. Среди материалов могильника Гастон Уота они занимают большое место. Прослеживается развитие этих типов во времени (на протяжении более 150 лет). Это говорит об

определенной изолированности населения Горной Дигории в этот период. Именно в конце V-начале IV в. до н.э. резко увеличивается импорт скифских артефактов и появляются изображения в скифском зверином стиле на кобанских изделиях (Мошинский, 1997 а, Мошинский, Переводчикова, 2004). Вероятно, это связано со стабилизацией политического положения в самой Скифии и в предгорных районах. Соответственно, с конца VI и в течении V в. до н.э. нарушались и контакты с сопредельными территориями кобанской культуры.

Один из комплексов могильника замечательно представляет взаимоотношения представителей кобанской культуры со скифами (Мошинский, 2014). В коллективном погребении № 19 был обнаружен лежащий на органической подстилке костяк мужчины 30-40 лет. Рядом с ним лежал уздечный набор, лежавший в правильной последовательности, что позволило сделать его полную реконструкцию. В него входили: бронзовые удила с бронзовыми псалиями, четыре бронзовые уздечные бляхи в виде львиных голов и семнадцать бронзовых уздечных блях в виде голов грифона и два бронзовых колокольчика. Бляхи в виде львиных голов играли роль распределителей ремней. Часть бляшек была повреждена в древности, что говорит о длительном использовании этого оголовья. Уздечный набор безусловно скифский, но к нему были прикреплены два кобанских колокольчика. Скифы не стали бы привешивать к уздечке колокольчики, ни кобанские, ни какие-либо другие.

Этому же погребенному принадлежал набор из 20 скифских стрел, стянутых ремешком, для затяжки которого была использована ворворка. Прием, использовавшийся повсеместно мужчинами, похороненными в этом могильнике. Надо отметить, что использование стрел скифского типа никоим образом не говорит об этническом характере людей, их применявших. Скифские стрелы были распространены

значительно шире границ скифского мира. Рядом со связкой стрел была обнаружена бляха с изображением свернувшейся в кольцо пантеры (рис. 7), выполненная в скифском зверином стиле – однозначно импортная. Рядом лежали короткий железный акинак с бронзовым навершием и короткий кинжал, переделанный из акинака, также с бронзовым навершием. Оба навершия были выполнены в скифском зверином стиле, но с явными чертами кобанского искусства. Эти предметы безусловно были сделаны местными мастерами под влиянием престижного искусства скифов.

В то же время на шее погребенного находилась кобанская бронзовая гривна, а в районе его плеча – бронзовая кобанская фибула. На погребенном была длинная бронзовая цепь, доходящая от шеи, на которую она была надета, до тазовых костей. Цепь – атрибут чисто кавказский, к скифам отношения никак не имеющий. Около головы было найдено бронзовое завершение жезла с протомой оленя (рис. 8) – исключительно кавказский предмет, имеющий параллели только в Дигории.

Итак, можно сделать однозначный вывод, что перед нами воин, обладавший (судя по жезлу) властными функциями, который приобрел ряд престижных импортных предметов (уздечку, колчаный набор с бляхой), стилизованные «под скифов» кинжалы, но в силу местных традиций дополнил уздечный набор колокольчиками, сохранил в своем костюме и убранстве кобанские атрибуты (цепь, гривну, фибулу). Представляется, что это типовой случай взаимоотношения кобанцев и скифов в конце V – начале IV вв. до н.э. на территории Северной Осетии. Общение горцев со степняками происходило опосредованно через родственников им жителей предгорий. Скифские вещи были безусловно престижными (как и вся скифская культура), что порождало проникновение скифского искусства в кобанский быт.

Параллельно со скифским импортом в могильнике Гагстон Уота выявлен и закавказский. Общение с закавказ-

скими территориями происходило также через небольшие узкие перевалы. По перевалу Гурдзифцаг до относительно недавнего времени в Грузию перегоняли стада. В отличие от скифского импорта импорт из Закавказья прослеживается в течение всего V в. до н.э. Представлен он в основном золотой и серебряными подвесками так называемого брильско-го типа: в виде несомкнутого кольца, к которому припаян столбик, состоящий в свою очередь из четырёх столбиков, спаянных между собой шариков. Внизу располагается так называемое пятишишечное завершение из пяти более крупных шариков. Наибольшее количество импорта представлено бусами. Но многотысячные находки стеклянных бус в погребениях начинаются только с конца V в. до н.э. К этому же времени относятся и находки золотых изделий, которые несомненно поступали из того же Закавказья. Все золотые предметы изготовлены не из массивного золота. Это – тонкие лицевые бляшки, мелкие полусферические бляшки, подвески. Наиболее интересным золотым артефактом является найденная в грабительском выбросе из погребения первой половины IV в. до н.э. золотая серьга в виде двух протом лошадей (рис. 9) (Мошинский, 1998), украшенная зернью и сканью и с подвесками по нижнему краю. Важно отметить, что погребения VII-V вв. не имеют явных следов древнего ограбления. Ряд погребений IV в. до н.э. ограблены в древности. Судя по тому, что золотые предметы находятся и в грабительском выбросе, грабеж происходил ночью в темноте (могильник прекрасно виден с поселения, на котором жили родственники похороненных)

Особенность находок на могильнике состоит в том, что помимо большого количества бронзовых предметов, а точнее именно благодаря ему (обилие бронзовой патины) сохранилось некоторое количество деревянных изделий (Мошинский, 2006). Деревянные предметы были полностью неизвестны до исследований нашей экспедиции. Сохранились

два лука – не полностью, но достаточно для их реконструкции. Размеры, форма изгиба, нарезки для обмотки, концы для крепления тетивы... Сохранился в значительной степени деревянный колчан со стрелами, древки стрел сохранились вплоть до раздвоенного кончика в виде «ласточкина хвоста». Сохранились и образцы резного дерева. Среди них присутствует деревянная шкатулка, сплошь покрытая меандрическим орнаментом и фрагменты такой же шкатулки, на орнаменте которой сохранились следы красной краски. Совершенно замечательным произведением искусства является протома волка, с раскрытой пастью, под которой располагаются подогнутые лапы (рис. 10). Туловище его покрыто орнаментом из треугольников. Вероятно, изделие являлось украшением крышки сосуда. Интересно, что среди материалов могильника присутствует целая серия железных ножей с выступом-ограничителем вдоль спинки. Весьма вероятно, что эти ножи были предназначены для резьбы по дереву, ограничитель не позволял делать слишком глубокую прорезь. Различные размеры ножей предполагали резьбу по предметам различного размера.

Настоящие представления о характере жизни населения кобанской культуры и в частности, людей, похороненных в могильнике Гастон Уота, дают результаты раскопок поселения Сауар, находящегося в 300 метрах от места захоронения его жителей за маленькой горной речкой Каридон. Расположение могильника через реку от поселения очень характерно и соответствует представлениям древних о реке, отделяющей живых от мертвых. Три разновременных могильника у села Лезгор размещены именно так. Поселение было обнаружено нами в 1987 году в срезе дороги, проложенной на буровую, под которой был тогда же найден могильник Гастон Уота. Название Сауар было присвоено поселению по названию урочища. *Сауар* по-дигорски – минеральный источник. Действительно под мысом, на котором находится

поселение, есть минеральный источник с водой, оказывающей слабительное воздействие.

Раскопки поселения Сауар были начаты в 1988 году и регулярно проводятся до настоящего времени. Поселение занимает два склона мыса, обращенного к реке Урух. Раскопки производятся только на южном склоне. Размеры поселения достигают 2 гектаров. За все это время было раскопано чуть больше 900 кв.м. Но на этом небольшом участке было открыто 9 гончарных и 9 металлургических мастерских, мастерская углежога, 2 косторезных мастерских и 6 культовых центров. Выявлено более 130 каменных стен и следы множества плетеных ограждений.

На сегодняшний день раскопки производились только на производственном участке, границы которого пока не выяснены. Весьма вероятно, что он занимает весь южный склон или большую его часть. Такое предположение обусловлено тем фактом, что на дороге, проложенной вдоль всего южного склона, в ее верхней части обнаружены: большой диоритовый камень с большим чашевидным углублением, аналогичный используемым в технологических и культовых процессах на производственном участке, и «зернотерка», также используемая в производстве. Большие камни (диорит) с большими чашевидными углублениями также были обнаружены у современной дневной поверхности в различных местах памятника: выше раскопа и в нижней части мыса.

Все культурные слои, выявленные на раскопанном участке, датируются V-IV вв. до н.э. Слоев VII-VI вв. до н.э. пока не обнаружено. Весьма вероятно, что в эту эпоху здесь располагался небольшой поселок, сооружения которого находятся за пределами нашего раскопа. Малое количество ранних погребений на могильнике Гастон Уота говорит в пользу этого предположения. Также вероятным является предположения, что жилье находилось на более крутом северном склоне мыса, где также обнаружен культурный слой.

Для жилых помещений не нужны такие большие площадки, как для производственных комплексов. Более солнечный склон также более важен для производства, чем для жилья.

Весь раскопанный участок террасирован, состоит из подрезанных террас и подсыпанных платформ, ограниченных снизу подпорными стенами различной высоты. Стены сложены насухо из необработанных камней. Слои проходят наклонно. Все раскопки ведутся не по пластам, а по слоям квадратами 2х2 м. В связи с перенасыщенностью памятника сложными объектами и не горизонтальным расположением слоев раскопки ведутся исключительно ножами. Прослеженные по лункам от кольев плетни использовались для ограждения производственных участков, для предотвращения падения камней с находящихся выше этих участков скальных выходов, для укрепления ступенек, отрытых в слое и материке и подсыпанных для горизонтальности (на ступеньки иногда накладывались плоские камни).

Металлургические мастерские, обнаруженные на поселении (*Мошинский, Скаков, 1996, 2008 а,б*), имеют различную сохранность. Лучше всех сохранились мастерские, устроенные в самом раннем из прослеженных периодов – в первой половине V в. до н.э., не перекрытые более поздними гончарными комплексами и не счищенные при выравнивании платформ. Таких мастерских – четыре. Две из них специализированные: железоделательная и бронзолитейная. В двух, судя по всему, производились работы и по выплавке бронзы, а также и по выплавке, и обработке железа.

Специализированная железоделательная мастерская включала в себя два горна: плавильный и кузнечный. Оба горна представляли собой ямки диаметром до 0,4 м, отрытые в скале на такую же глубину. Перекрытие горнов, вероятно, состояло из сланцевых плиток, и было разобрано в древности. Сами горны и пространство около них было сильно прокалено. Плавильный горн имел длинную вы-

тяжку-канавку, проходящую коленобразно вверх по слегка наклонному скальному полу. Канавка была перекрыта сланцевыми плитками, замазанными сверху глиной. Чтобы предотвратить случайное разрушение, поверх глины были уложены крупные камни (рис. 11). Таким образом, фактически была сооружена труба, обеспечившая сильную вытяжку из горна. В самом горне и в вытяжке было обнаружено большое количество золы. В кузнечном горне залегал большой прокаленный камень, который использовался в качестве наковальни. Вытяжки у кузнечного горна не было, но рядом с ним располагалось большое количество лунок от колышков, которыми, скорее всего, крепились меха для поддува. Для подачи воздуха в горн служили специальные керамические трубочки-сопла. При прекращении подачи воздуха сопла перекрывались специальными керамическими затычками. Древесный уголь для топки хранился в специальных ямках или в небольших каменных «ящиках». Руда разбивалась и растиралась на диоритовых «зернотерках» специальными терочниками. Прочные речные камни, удобные для руки, со следами сработанности являются относительно частой находкой. Реже встречаются так называемые молоты – более крупные речные камни размерами до 25 см. Металлические орудия не сохранились. Скорее всего, сломанные металлические вещи тут же переплавлялись... Находки металлических изделий на этом поселении являются редкостью – наконечники стрел, мелкие фрагменты предметов... У каждой из металлургических мастерских найдено большое количество шлаков. У железоделательных мастерских – еще и фрагменты круглых криц, подготовленных к проковке. На одном из крупных фрагментов шлака обнаружен сильно вдавленный отпечаток пальца в ткани (перчатка?). Мастерские не имели крыши, но над ними устанавливался навес. Столбовые ямки с камнями для укрепления столбов навеса также выявлены.

О том, что ковалось в этих железоделательных мастер-

ских, можно судить по материалам могильника Гастон Уота. Это – оружие и орудия труда. Оружие представлено мечами, кинжалами и копьями. Мечей и кинжалов найдено мало. Это объясняется производственным характером поселения. Ремесленникам, очевидно, боевое оружие было не так уж нужно. Относительно большое количество наконечников копий может быть объяснено использованием их на охоте. В качестве орудий труда использовались в основном ножи разных типов, необходимые как для производственных, так и для бытовых целей. В IV в. до н.э. появляются и железные украшения – булавки для скрепления одежды.

Бронзолитейная мастерская, раскопанная в последние годы, дает практически исчерпывающую картину производства бронзы. Мастерская V в. до н.э. расположена на выровненной скале и частично подсыпанной площадке. Над мастерской возвышается скальный выход. В мастерской присутствует один горн – ямка, заполненная золой. Скала, в которую впущен горн, сильно прокалена. В горн ведет продух для поддува от расположенных рядом мехов. Из горна отходит продух в горизонтальную канавку-вытяжку, ведущую к скальному выходу. От конца этой канавки по скальному выходу идет вертикальный желоб-вытяжка. Скальный выход покрыт слоем прокаленной золы. В помещении мастерской располагается каменная прямоугольная конструкция, судя по всему служившая для дробления руды и растирания лигатур. У конструкции лежал каменный терочник. Здесь же расположена широкая и длинная (более 4 м) канавка для промывки руды. Присутствует круглая ямка для запасов древесного угля. Рядом с горном расположен каменный столик, надо понимать, для различных рабочих нужд. Здесь же расположен и культовый объект – глинобитный квадратный необожженный жертвенник с небольшой круглой ямкой с углями в ней. Ямка и небольшое пространство вокруг нее обожжены. У края мастерской была яма, обмазанная

глиной – для запасов воды. Яма была окружена плетнем, на котором, вероятно, располагалась крышка. Была ограждена плетнем и вся мастерская. Плетнями огораживалась мастерская и сверху, по скальному выходу, для предотвращения падения оттуда камней. Шлаки, оставшиеся после выплавки бронзы, были обнаружены чуть ниже мастерской.

Возможно, к мастерской имеет отношение и расположенное чуть ниже помещение, вдоль которого по его центру проходит вымостка из сланцевых плиток. В помещении найдено глиняное пряслице, что говорит о том, что там работала женщина. Возможно, там делались литейные формы для изготовления моделей отливаемых предметов. Рядом с этим помещением были найдены фрагменты глиняной литейной формы. Форма – не прокаленная, что свидетельствует о том, что в ней отливалась не бронзовое изделие, а восковая модель.

Литье по восковой (утраченной) модели было характерно для кобанской культуры. Не приходится сомневаться, что по этой технологии отливалась вся бронзовая пластика, многие предметы туалета и украшения. Ряд исследованных предметов из могильника Гастон Уота несут на себе следы обработки воска. Найденная на поселении Сауар каменная форма, изготовлена из хрупкого известняка и не имеет характерных для высоких температур микротрещин. Мастера, отливавшие бронзовые изделия, найденные на могильнике Гастон Уота (почти наверняка, жившие и работавшие на поселении Сауар), прекрасно знали свойства бронзы. Так пластинчатые поясные пряжки и цепочки к ним отливались из разного металла. В цепочках было намного больше олова. Олово – металл дорогой. Для пластины пряжки его количество абсолютно неважно. Для цепочек оно, напротив, имеет большое значение.

Изделие, отливавшееся в форме, обломки которой были найдены у описанной мастерской, представляло собой пря-

мой четырехгранный стержень размерами в поперечнике до 0,9 см. Судя по всему, это была заготовка, предназначенная либо для последующей отливки в этой же мастерской, либо для продажи другим мастерам, живших в других кобанских поселениях и не владевших технологией отливки бронзы как таковой.

Очень интересны найденные у других мастерских поселения Сауар два фрагмента каменных форм для отливки восковых моделей культовых печатей – пинтадеров в виде свастики, крестов, комбинаций чашечных углублений. Металлических пинтадеров мы практически не знаем. Это не удивительно. В могилы культовые печати клали крайне редко. Дорогие металлические пластины, которые крепились, вероятно, на деревянные рукояти, там, где жили, не разбирали. Находят (тоже не часто) пинтадеры, изготовленные из глины. На поселении Сауар найдено два таких пинтадера. Здесь же мы имеем дело с отливками форм. Т.е. с относительно массовым производством. Вряд ли для немногочисленного населения данного ремесленного поселка могло понадобиться изобильное количество одинаковых наборов пинтадеров (на одной литейной форме – несколько изображений). Скорее всего, пинтадеры изготавливались на продажу жителям других поселений. Это говорит, в том числе, и о характере отношения кобанского населения Дигории к литейщикам поселения Сауар. Культовые предметы не покупают у случайных людей. Отношение к кузнецам, людям, профессия которых связана с огнем, всегда было особым. Их повсеместно считали колдунами. У колдуна купить культовую вещь было бы нормально.

Отливались здесь, конечно, не только предметы культа. В могильнике Гастон Уота найдено очень большое количество бронзовых предметов, большая часть которых, несомненно, изготовлено на поселении Сауар. Это украшения: браслеты, подвески, крупные бляхи, мелкие бляшки и пронизи; а так-

же и предметы туалета: пряжки, фибулы, булавки. Все это разнообразие бронзовых артефактов менялось во времени. Особенно хорошо это видно на примере браслетов и поясных пряжек.

Наряду с металлургическими мастерскими на поселении работали и мастерские гончарные (Мошинский, 2007, 2014). Всего исследовано 9 мастерских, в каждой присутствовало по одному гончарному горну. Все исследованные мастерские датируются V в. до н.э. Главная особенность всех обнаруженных здесь горнов – горизонтальный принцип прохождения тяги горячих масс. Каждый гончарный горн состоит из двух камер: топочной и обжигательной. В архаических вертикальных гончарных горнах, характерных для этой эпохи, топочная камера находится непосредственно под обжигательной. Горячие массы проходят в этом случае прямо вверх в обжигательную камеру через отверстия в поде. Размещение топочной камеры отдельно, за пределами обжигательной, позволяет сделать обжиг более равномерным. Именно так и устроены гончарные горны на поселении Сауар: обжигательная камера и примыкающая к ней – топочная.

Гончарные горны представлены двумя основными типами. Горны с большой или маленькой обжигательной камерой. Горны с маленькой обжигательной камерой (рис.12) предназначались для обжига столовой керамики (в основном для небольших кружек). В горнах с большой обжигательной камерой (1x1 м и более) (рис. 13) обжигались большие горшки, миски, кувшины, корчаги. Под обжигательной камерой имеет прямоугольную в плане форму, каменную основу и обмазан глиной. Он может иметь невысокие каменные стены, также обмазанные глиной. Свод и над топочной и над обжигательными камерами был временным. Временный свод плелся из прутьев и обмазывался глиной. Разбирался после каждого обжига. В топочных камерах

прослежены слои золы. Средний слой – белый. Нижний и верхний более темные. Это свидетельствует о регулировании температуры при обжиге. От минимальной до максимальной и снова до минимальной. Горны, предназначенные для обжига тонкостенной керамики, имели дополнительные деревянные подпорки для удержания свода над топочной камерой, вставленные в специальный глиняный блок.

Керамика была, как лепной, так и грубогончарной (Мошинский, 2019). Найдены заготовки уже замешанной глины (с добавлением дресвы). Заготовки для лепной керамики имели пирамидальную форму, для гончарной – форму круглых «лепешек». 11 таких заготовок были найдены у места, где крепился гончарный круг – ямка, обложенная сланцевыми плитками (для закрепления древка, на которое крепился круг). Сам гончарный круг изготавливался из камня и тщательно шлифовался. Как правило, у сосудов докручивалась только верхняя часть. Иногда докручивалось и дно. Центральная часть большого сосуда в подавляющем большинстве случаев вылепливалась вручную.

Керамика в ряде случаев ложила. Для ложи керамики и нанесения на нее орнамента применялись специальные инструменты – ложи, костяные пластинки с заостренным концом. Обработка керамики было женской профессией. В этом контексте важным доказательством является погребение девочки (с браслетами и подвесками) в могильнике Гастон Уота. С ней положили в могилу ложу (без следов сработанности). Девочке предназначалось стать горшечницей. Союзы кузнецов и горшечниц зафиксированы этнографически. Вероятно, на поселении Сауар существовало разделение мужского и женского труда. Скорее всего, женщины занимались обработкой еще необожженной керамики и изготовлением восковых моделей для отливки бронз. Мужчины работали непосредственно с огнем...

Две косторезные мастерские, выявленные на поселении,

содержат площадки, на которых резалась кость и кострища, на которых она вываривалась, большое количество обрезков и бракованных изделий, в том числе костяных наконечников стрел.

Для подготовки запасов древесного угля была сооружена специальная мастерская. Как правило, углежогги отрывают большую яму, отжигают в ней дерево, а затем для прерывания горения забрасывают ее землей. Отрывать яму в скале достаточно сложно. Поэтому здесь было построено специальное помещение. В нем из камня был сооружен желоб для поддува. Желоб был перекрыт неплотно уложенными сланцевыми плитами, через щели в которых поступал воздух к лежащим на них стволам деревьев (с ветками). Деревья обгорали до стадии угля и потом забрасывались землей. Готовые угли разносились по мастерским.

На поселении обнаружена масса культовых объектов, некоторые из которых были объединены в культовые центры (Мошинский, Скаков, 2001; Мошинский, 2016). Так, в двух гончарных мастерских были выявлены стоящие *in situ* каменные идолы. Один из них имел антропоморфно-фаллическую форму (рис. 14), был вставлен в ямку в скале и зажат в ней камнями. Около идола были найдены два больших каменных круга. Рядом с ним находилась вытянутая вымостка, завершающаяся камнем-жертвенником, на котором лежали двадцать три маленьких каменных кружков. Идол, найденный также *in situ* в гончарной мастерской, имел трехгранную форму, рядом с ним был обнаружен каменный круг, в этом же помещении располагается каменный жертвенник. Идолы после использования тщательно скрывались. Первый из идолов был перекрыт каменным завалом, второй – встроен в стену, после разборки которой и был обнаружен.

В центре одного из культовых комплексов стоял чашечный камень, на вертикальной стороне которого размещались неглубокие чашевидные углубления (рис. 15). Необходимо

заметить, что находящиеся *in situ* древние, хорошо датированные чашечные камни практически неизвестны. В данном случае ни в дате (V в. до н.э.), ни в размещении камня сомневаться не приходится. Еще один чашечный камень с пятью чашечными углублениями на вертикальной плоскости размещен на культовой площадке IV в. до н.э. Рядом с ним в ямке был найден череп козла. Плитка с чашечными углублениями была вмазана в стенку топочной камеры одного из гончарных горнов (V в. до н.э.). Таким образом, можно считать доказанным, что для кобанского населения V-IV вв. до н.э. размещение чашечных углублений на вертикальных сторонах культовых камней было нормой. И гипотеза о том, что в них совершались культовые возлияния – несостоятельна. Интересно, что чашевидные углубления присутствуют и на пинтадерах (Мошинский, 2018), и на формах для их отливок. Все известные пинтадеры с кобанских поселений содержат знаки, посвященные солярным символам. Весьма вероятно, что система чашевидных углублений имеет сходное сакральное значение.

На культовых участках поселения в пяти случаях было выявлено размещение культовых черных и белых камней таким образом, что со стороны наблюдателя белый камень был слева, а черный – справа. Но по законам портрета на самом деле белый камень являлся правым, а черный – левым. Белый цвет по законам мифологии является мужским, черный – женским. В одном случае под белым камнем была обнаружена железная мужская булавка.

Один из культовых центров включал в себя имитацию гончарного горна. Имитация топочной камеры включала в себя чашечный камень с большим и глубоким чашевидным углублением. Аналогичные камни укладывались на дно культовых ям (для возлияний) (рис. 16). На глиняной обмазке стены над чашевидным углублением был вылеплен классический меандр (рис. 17). У стены этого культового

комплекса в специальном углублении были выложены курильница, идолоподобный камень и «зернотерка». Меандр (как и свастика) очень характерны для кобанских материалов. Для могильника Гастон Уота и для поселения Сауар мы имеем ту же картину. Изображение меандра на культовой модели гончарного горна, говорит о его связи с процессом горения и может быть связано с соляренным культом. Тем не менее, не исключено и более сложное двоичное восприятие. Культ белых и черных камней говорит нам о присутствии культа мужского и женского начал, как правило, связанного в числе прочего и с солнцем, и с луной.

Наряду с памятниками кобанской и предкобанской эпох экспедицией изучаются и памятники более позднего времени. Так, с 1993 года исследуется могильник Кари Цагат, основную массу комплексов которого составляют катакомбы и жертвоприношения IX-XI вв. На могильнике исследовано 26 аланских катакомб. Большая часть из них – коллективные погребения с достаточно сложным погребальным обрядом (Мошинский, 2015). Могильник копается сплошной площадью. Наряду с катакомбами открыто 10 погребений коней (Мошинский, 2020), погребение бычка и 6 культовых ям с уложенными туда козлами и сосудами. Особый интерес представляют два человеческих жертвоприношения. Последние совершены без признаков могильного сооружения. Костяки грубо завалены камнями. В одном случае большой камень раздавил череп, а кости ног не поместились под завалом и, судя по всему, были отъедены животными. В другом случае человек перед смертью был явно поставлен на колени, и костяк лежал с вытянутыми вперед скрещенными (связанными?) костями рук. В головах у него было небольшое кострище, кремь и небольшой железный предмет (для высекания искры). Очень интересны находки исполинских белых камней, обложенных камнями небольших размеров. Под этими белыми камнями найдены кости живот-

ных, в том числе бычьи черепа, и раздавленные сосуды. В находящемся в непосредственной близости от могильника селе Лезгор находится исполинский белый камень, у которого по сей день ежегодно проводятся праздники. Там же хранятся черепа жертвенных животных и пустая тара...

Экспедицией проводились исследования разрушающегося христианского храма Сатайи Обау с целью изучения его фундамента. При раскопках в центральном ограбленном погребении были обнаружены фрагменты стеклянного расписного венецианского сосуда, датированного концом XV века. Сатайи Обау переводится как «склеп Сатая». Сатай по легенде – основатель Лезгора. Таким образом, косвенно дата стеклянного сосуда указывает на время основания села.

Экспедицией произведены изучение и обмеры общественно-культового памятника – лезгорского ныхаса. Помимо собственно общественных сооружений – расположенных амфитеатром камней ныхаса, включающих в себя и камни с чашевидными углублениями, внутри общей каменной ограды располагается большой плоский камень (жертвенник?). В полнолуние только от этого камня можно наблюдать, как полная луна встает точно из-за пика горы Урсхох. Непосредственно за этим камнем у каменной ограды расположены три плоских небольших камня. Весьма вероятно, что они служили сиденьями для людей, обладавших сакральными полномочиями, ожидавшими здесь восхода луны и приносивших жертву на этом большом плоском камне.

Использованная литература

1. Алексеева Е.П. Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа. // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. Вып.13. Л., 1949.
2. Долбежев В.И. 1889. Дневник раскопок // Архив ИИМК. Ф. 1. № 16.

3. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1977.

4. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант) // САИ. Вып. 2-5. М., 1982.

5. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1989.

6. *Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры. Западный вариант (систематизация и хронология) // САИ. Вып. В2-5. М., 1995.

7. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. Т. 5. М., 1998.

8. *Крупнов Е.И.* Северная Осетия в докобанское время // МИА. Вып. 23. М., 1953.

9. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

10. *Козенкова В.И., Мошинский А.П.* Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н.э.) // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 1. Армавир-Москва, 1995.

11. *Мошинский А.П.* Жертвенник могильника Гастон Уота // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1988 а.

12. *Мошинский А.П.* Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988 б.

13. *Мошинский А.П.* Раскопки могильника Верхняя Рутха // Археологические открытия 1986 года. М., 1988 в.

14. *Мошинский А.П.* Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам). // РА. 1997 а. № 3.

15. *Мошинский А.П.* Погребальный обряд могильника

Гастон Уота // Археологический сборник. Погребальный обряд. (Труды ГИМ. Вып. 93). М., 1997 б.

16. *Мошинский А.П.* Закавказская золотая серьга из Дигории // XX юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Железноводск, 1998.

17. *Мошинский А.П.* О правомерности выделения Дигорской культуры // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск, 2000.

18. *Мошинский А.П.* Ажурные булавки протокобанской эпохи (к вопросу об относительной хронологии Дигорской культуры) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. Ставрополь, 2001.

19. *Мошинский А.П.* Древности Горной Дигории в VII–IV вв. до н.э. Систематизация и хронология. М., 2006.

20. *Мошинский А.П.* Гончарное производство в Горной Дигории в V – начале IV в. до н.э. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. МИАР № 8. М., 2007.

21. *Мошинский А.П.* Протокобанская эпоха на Северном Кавказе и археологические культуры // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008.

22. *Мошинский А.П.* Дигорская культура и Дигорско-Рачинский металлургический очаг // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. 4. Материалы международной научной конференции. М., 2009.

23. *Мошинский А.П.* Дигорская культура. Проблемы выделения и хронологии // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. 4. Материалы международной научной конференции. М., 2011.

24. *Мошинский А.П.* Новые производственные комплексы поселения Сауар. // Е.И.Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. М., 2014.

25. *Мошинский А.П.* Кавказ и скифы в V-IV вв. до н.э. (по материалам Горной Дигории) // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. Труды ГИМ. Вып. 201. М., 2014.

26. *Мошинский А.П.* Средневековые погребения Кари Цагат с двойным перемещением останков погребенных // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Научный альманах. Вып. 7. Ставрополь, 2015.

27. *Мошинский А.П.* Культы поселения Сауар в свете новых открытий // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18-21 апреля 2016 г. Грозный, 2016.

28. *Мошинский А.П.* Кобанские пинтадеры V-IV вв. из поселения Сауар в Горной Дигории // Кавказ в системе культурных связей Евразии, а древности и средневековье. XXX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 2018.

29. *Мошинский А.П.* Керамический комплекс кобанского поселения Сауар в контексте кобано-колхидской культурно-исторической общности. // КСИА. М., 2019.

30. *Мошинский А.П.* Конь и его снаряжение в кобанском и аланском могильниках у с. Лезгор в Горной Дигории // Вещь в контексте погребального обряда. Материалы международной конференции. М., 2020.

31. *Мошинский А.П.*, в печати. Гастон Уота – кобанский могильник «скифского» времени. Труды ГИМ. М.

32. *Мошинский А.П.*, *Переводчикова Е.В.* Скифский зве-

риный стиль в кобанских могильниках Дигории // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь-Керчь, 2004.

33. *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Железодельная мастерская на поселении Сауар // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. М., 1996.

34. *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Культы кобанского поселения Сауар (Северная Осетия) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР 3. М., 2001.

35. *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Древние металлурги Горной Осетии // Издательский дом «Руда и металлы». Специальный выпуск. Посвящен Государственному историческому музею. М., 2008 а.

36. *Мошинский А.П., Скаков А.Ю.* Железодельный комплекс на поселении Сауар. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008 б.

37. *Mošiniskij A.* Die Bestattung eines “Priesters” der Koban-Kultur im Gräberfeld Gaston Uota, Nordkaukasien // *Eurasia antiqua*, Band 5, Berlin, 1999.

38. *Moshinsky A.*, 2001. The Cult of the Double-Edged Axe in the Northern Caucasus // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 7. No.1-2. Leiden – Boston – Köln.

Список иллюстрацийк статье А.П.Мошинского “Горная Дигория в древности. Поиски и находки”

Рис. 1. Птицевидная бляха. Бронза. II тыс. до н.э. Могильник Фаскау. ГИМ. Покупка.

Рис. 2. Погребение предкобанского времени. II тыс. до н.э. Могильник Кари Цагат.

Рис. 3. Булавка с навершием в виде «павлиньего пера». II тыс. до н.э. Бронза. Могильник Фаскау. Покупка.

Рис. 4. Наконечник культового жезла. Бронза. IV в. до н.э. Могильник Гастон Уота.

Рис. 5. Бляха. Бронза. Бронза. V в. до н.э. Могильник Гастон Уота.

Рис. 6. Поясная пряжка. Бронза. V в. до н.э. Могильник Гастон Уота.

Рис. 7. Бляха. Бронза. V в. до н.э. Могильник Гастон Уота.

Рис. 8. Наконечник жезла. Бронза. V в. до н.э. Могильник Гастон Уота.

Рис. 9. Подвеска. Золото. IV в. до н.э. Могильник Гастон Уота.

Рис. 10. Протома волка. Дерево. V в. до н.э. Могильник Гастон Уота.

Рис. 11. Литейный горн с вытяжкой. V в. до н.э. Поселение Сауар.

Рис. 12. Гончарный горн. V в. до н.э. Поселение Сауар.

Рис. 13. Гончарный горн. V в. до н.э. Поселение Сауар.

Рис. 14. Каменный идол. V в. до н.э. Поселение Сауар.

Рис. 15. Чашечный камень. V в. до н.э. Поселение Сауар.

Рис. 16. Камень с чашевидным углублением. V в. до н.э. Поселение Сауар.

Рис. 17. Меандр на обмазке стены культовой модели гончарного горна. V в. до н.э. Поселение Сауар.

Список сокращений

ГИМ – Государственный исторический музей

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии

МИАР – Материалы и исследования по археологии России

РА – Российская археология

САИ – Свод археологических источников

Приложение

Рис. 1

Рис. 2

*Puc. 3**Puc. 4**Puc. 5**Puc. 6**Puc. 7**Puc. 8*

Puc. 9

Puc. 10

Puc. 11

Puc. 12

Puc. 13

Puc. 14

Puc. 15

Puc. 16

Puc. 17

А.Р. Ишбирдин

г. Уфа, Россия

ДИГОРСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Башкирский язык относят к западной ветви тюркских языков (поволжско-кыпчакская подгруппа) или, по другой классификации, к северной подгруппе кыпчакско-тюркских языков алтайской языковой семьи.

Фонетически башкирский язык заметно отличается от других кыпчакских языков, что позволило предположить иранское происхождение языка (Дмитриев, 1948). Однако отвергая эту гипотезу Киекбаев Д.Г. (1958) объясняет фонетические особенности башкирского языка его историческим развитием. Из прочих тюркских языков интердентальные спиранты з [ð] и с [θ] есть отчасти только в туркменском языке. Это стало основанием для предположения, что башкирский язык по происхождению является огузским, который неоднократно подвергался кыпчакизации (Дыбо, 2006).

Считается, что башкирский язык сложился во взаимодействии с иранскими, фино-угорскими, монгольскими, тунгусо-манчжурскими и, на поздних этапах, славянскими языками. Полагают, что на заимствования из разных языков приходится около 40% лексики, остальные слова общетюркские и собственно башкирские. Предполагают, что проникновение иранских элементов происходит на заре развития тюркских языков, ссылаясь на историческое оживление связей тюркских племен с персами в VI веке н.э. (Гайсина, 2007).

Не вдаваясь в полемику по вопросам генезиса и развития башкирского языка, приведу в настоящей работе только восточно-иранские соответствия и этимологию по некоторым группам тематической лексики с опорой, в основном,

на дигорский язык. Выбор дигорского языка из диалектов осетинского языка обусловлен его архаичностью. В анализ включены собственно башкирские слова, связанные с этнонимами (этнические подразделения башкир), топонимами (оронимы, гидронимы, микротопонимы) Южного Урала, традиционным промыслом башкир – бортевым пчеловодством, национальным костюмом, музыкальными инструментами, а также слова общетюркской лексики (коневодство, металлы и др.).

Отмечу характерные соответствия дигорских и башкирских фонем (таблица).

Соответствия согласных и гласных фонем в дигорском и башкирском языках

Согласные		Гласные	
Дигорский	Башкирский	Дигорский	Башкирский
д	з, й (в начале слова)	æ (≈ русскому безударному а, башкирскому ә)	а, ә, е, и, о, ө, ы
т	й (в начале второго слова в сложных словах)	о	у, ү, ө
з, дз	й (в начале слова)	у	о, ө, ү, ы, е
гъ	й (в начале слова)	и	ы, ү
ц	с, ш	е	ә, и, у
с	ш, с, ҫ, һ		
г	к, қ, ғ		
гъ	х		
гъ, х, хъ	к, қ		
ф, п	б		
б(м)	м(б)		
р	ҙ		
м	н		
н	ң		

Множественность в соответствии гласных в башкирских словах связана с сингармонизмом гласных в башкирском языке. В дигорских словах с губным [w] в начале слова [w] выпадает, иногда с заменой гласной (подчиняясь явлению сингармонизма гласных в башкирском языке): уа, уә → а, а, ә, ү, ө; уо → о, ә. Фонема [w] в начале слова может замещаться на h.

Башкирские слова выделены жирным шрифтом. Осетинские слова выделены жирным курсивом, для иронских слов в скобках указана их принадлежность – (ирон.). Принадлежность слова другим языкам отмечена в скобках курсивом: фарси (фарси), древнеперсидский (др.перс.), курдские (курд.), таджикский (тад.), татский (татск.), талышский (талыш.), авестийский (авест.), греческий (гр.), русский (рус.), английский (англ.), немецкий (нем.), иврит (ивр.), монгольский (монг.), калмыцкий (калм.), удмуртский (удм.).

Племена и племенные подразделения:

Бөрйән. Бурзян, племенное объединение в горных районах Башкирии. **Баерз, барз** – куча, возвышение, курган. **Уанел** съезд, собрание. ‘Объединение горных племен’.

Монаш, племенное подразделение бурзян. **Бун** – основание, фундамент, подножие. **Асаег, уасаег** – явь, явный (-аег – словообразовательный аффикс отымённых прилагательных). ‘Явные (живущие) у подножий’.

Янһары. Янсары, племенное подразделение бурзян. **Данг** – резкий, отрывистый и звонкий звук, отсюда **даендаг** (зуб) – лязгающая, стучащая складка (эвфемизм: зубы – скальная гряда). **Сар** – голова, вершина. ‘Живущие у гор со скалистыми вершинами’.

Байһары или **байулы.** Байсары, байулы – племенное подразделение бурзян. **Багъаенсар** с непокрытой головой, **уаела** – наверху, сверху. ‘Живущие у голых вершин’.

Табын. Племенное объединение в равнинном Предуралье. **Табак** – плоский, **тъаена** – равнинный. ‘Живущие на равнине’.

Кумрык. Кумрук, племя в составе табынской группы башкир, селящиеся по рекам на выходе их из хребтов. **Ком** – рот, ущелье; **рагъ** – горный хребет. ‘Живущие у входа в хребты’.

Топонимы. Автор считает, что практически вся топонимика Южного Урала является собственно башкирской. Исключением являются названия небольших ландшафтных объектов в пределах хозяйствования вокруг старых русских поселений, среди которых переименованные по созвучию и соответствующие семантически характеру объекта. Например, Төйәләс – Худолаз, Үзән – Узенькая, Саталык – Сутолока, Банау – Банное и др.

Түнгәүр. Дунгаур, Тангаур. Племя, земли которых расположены (располагались) в долинах крупных рек: верховья и среднее течение Белой, Нугуш, Сакмар, Яик. **Дон** – вода (река). **Гъәу-** – село в сложных словах (**гъәугәрон** – околица, край села). **Ара** – род. Тагаурия – историческая область в Северной Осетии. Как правило, [ɲ] переходит в [n]. При условии ассимиляции слова из башкирского языка возможно выпадение [n] при усилении [g] в сочетании [ɲg].

Ландшафтные и природные объекты:

Тау. Гора. **Дагъ** – складка слой пласт, расщелина, терраса на склоне горы. Горы в ландшафтах напоминают складки и это восприятие усиливается смятостью в складки слов горных пород (в геологии – складчатость).

Дала. Степь, равнина. **Дәлә** – вон, вон там (о предмете, находящемся внизу от говорящего). Отражение свойства элемента ландшафта при взгляде наблюдателя с горы.

Ялан. Поляна, луг. **Дзала** – осока, пырей. На лугах в составе жизненных форм растений преобладают граминоиды – злаки и осоки.

Үзән. Речная долина, название многих небольших рек. **Уад** – бег. **Уз-** обгонять, пробегать (проходить) мимо. Отражает восприятие текущей воды для неподвижно стоящего

на берегу наблюдателя: пробегающая мимо, обгоняющая. Отсюда **дон** – вода и русское «вода».

Йылга. Река. **Зелгæ** – вращательный; **зелун** – вертеть(-ся), кружить(-ся), поворачивать(-ся). Отражается свойство рек меандрировать (изгибать русла).

Йырғанак. Овраг, промоина. **Йырык** – разрез, прорез. **Дзергъагонд** – сошник (прорезает почву при вспашке), **гъ-аенæ** – рана.

Кылы. Старица. **Къæлос** – кривой, согнутый, дугообразный.

Времена года:

Йыл. Год. **Зилд** – круг, округ; **зиллакк** (ирон.) круг, закругление, окружность. Циклическая смена времен года.

Мизгел. Сезон, время года. **Мед-** – в сложных словах в, внутри, среди. **Гал-** – в сложных словах «большое» и «округлое»: **галбоз** – огромная благодарность, **галхæнсæ** – жаба («большая круглая лягушка»), **галмуг** – растение с круглыми семенами. «Внутри большого круга».

Яз (фонетически йаз). Весна. **Зад** – родившийся, уродившийся.

Йэй. Лето. **Зай-** в сложных словах плодородие, рождение, рост, развитие (**зайагæ** – плодородный плодovitый).

Көз. Осень. **Куддæртæй** – кое-как, едва. **Дэрт** – душевный подъем, задор, вдохновенье, воодушевление. **داسك** /kā-сад/ (**фарси**) упадок, депрессия, застой, спад, вялый, находящийся в состоянии упадка.

кыш. Зима. **Гац** ожидание; **гац кæнун** ждать, терпеть до времени. **نديشك** /кешидән/ (**фарси**) – терпеть, переносить, выдерживать.

Названия времен года отражают смену состояний (здоровья, сил) человека в годичном цикле: возрождение, рост, упадок, терпение до времени (возрождения).

Явления природы:

Ямгыр. Дождь. **Дам** – звукоподражание, отрывистый

звук; *гәер-гәер* – падение большого количества предметов. Шум дождя.

Йэйгор. Радуга. *Дада* – крючок из кожи на ярме, кудри (*что-то изогнутое*); *гурә* туловище, стан, фигура. В форме дуги.

Ябалак кар. Снег крупными хлопьями. **Ябалак** – филин. **Яп(б)**– закрывать, накрывать, покрывать. *Уәләә*(æг) – сверху (верхний). *Забалахъ* дождь со снегом и ветром. ‘Покрывающий сверху’, накрывающая непогода.

Оронимы.

Уралтау. Самый протяженный хребет Южного Урала, по которому дано название горной стране. *Урә* – площадь, засыпанная камнями; развалины каменного дома, булыжник; *уәл* – над, наверху, сверх. ‘Наверху камни’. Для гряд, увалов и сопкок хребта характерно наличие на вершинах скальных останцев и курумов

Ямантау. Самая высокая вершина Южного Урала Урала (1640 м над ур.м.). *Заманай* – замечательный, прекрасный; *замманай* (*ирон.*) – замечательный, прекрасный, славный, весьма, очень. *Жаман* (*талыш.*) – очень, в крайней степени. В башкирском языке **яман** – плохой, злой, а также сравнительная превосходная степень прилагательного (**яман матур** – очень красивый). Применительно к горе – ‘высочайшая гора’.

Ирәмәл. Иремель, вторая по высоте вершина Южного Урала (1582 м над ур.м.). *Иарә* – нары, полка; *уомәл* – влажный, сырой. ‘Влажное плато’. Между сопками Большого и Малого Иремеля расположено обширное влажное, местами заболоченное плато.

Әүәләк. Аваляк. Название хребта Иремельского горного района. *Ауәллаг* – этот верхний, самый высокий. ‘Высочайший’. По доминированию горы Иремель, составляющей с хребтом один горный массив.

Ирәндек. Ирендык, хребет. *Иарә* – нары, полка; *әндаг*

– наружность, внешность, верхний. Для хребта характерны широкие платообразные вершины – ‘с виду (сверху) плоская’.

Әрүәк-Рәз. Арвякрязь. *Арв* – небо; راس /rä's/ (*фарси*) верх, вершина, оконечность, голова. ‘Небесная вершина’. Самая высокая вершина хребта Урал Тау, имеет обособленную конусообразную форму.

Егәлгә. Зигальга, хребет. *Дзәгъәлдор* – валун. Голые вершины хребта сложены курумами – крупными каменными глыбами. *Дзәгъәләг* – ‘каменная’, ‘с валунами’.

Йөрәктау. Юрактау, один из шиханов, обособленных гор-останцев, которые происходят от рифов древнего Пермского моря. *Зурә* – галька, щебень. ‘Щебнистая гора’. Склоны горы покрыты обширными щебнистыми осыпями.

Гидронимы:

Ағизел, каризел. Агидель, Караидель (Уфа). Идель. *Игәрдәг* – пробивающий, прокладывающий путь (*әвгәрдун, кәрдун* – резать); *идойнаг* – ремень, годный для уздечки (*-дойнаг* – годный для). Е – ремень (удм.). Т.о. «и» нечто протяженное – ремень, путь. *Зилд* – круг, округ; *зиллакк* (*ирон.*) круг, закругление, окружность. Истоки рек находятся очень близко, примерно в 130 км друг от друга. Реки от истоков текут в разных направлениях (Агидель на юг, Каридель на северо-запад) и опоясывая практически весь Южный Урал, сливаются у г. Уфы. Таким образом, Идель – ‘путь по кругу’ или ‘опоясывающий круг’. Агидель (*агай-ун* – пускаться вскачь, помчаться) – ‘быстрая’. Караидель (*къярәу* – темный цвет воды из-за прозрачности и глубины) – ‘глубокая’. Отсюда название Волги Итиль, истоками которой в древности считали Агидель и Каридель.

Яйык. Река Урал. *Дәйун* – сосать; *дәйәг* – сосущий. Речной поток ассоциируется со сдаиваемым или отсасываемым молоком (эвфемизм). *Игъау* – крупный. (*Дәй+игъ*) – ‘Большая (крупная) река’. Река Яик является третьей по ве-

личине рекой Европы. Упоминается у Птолемея как Даикс.

Рэ. Ря, одна из самых быстрых рек на Белебеевском плато, в реке водится форель. *Рæууонг* (ирон.) – резвый нрав; *рог* (ирон.) – быстрый, проворный. رتسگه‌ار /rahгостәр/ (фарси) – быстрый, резвый; ام‌پهار (ي) /rahпэйма(й)/ (фарси) – резвая лошадь. ‘Быстрая’.

Рәүәт. Реветь, притоки Малого Инзера и Тюльменя. Одни из самых быстрых рек Южного Урала. *Рæувад* – резвый, проворный, быстрый. *Уад* – бег. ‘Быстро бегущая’. Rwt (согд.) – река; gaut (ягноб.) – река; /gauta-/ (др.перс.) – река; دور /руд/ (фарси) – река, поток; рӯд (тадж.) – река, речка, канал. В этом ряду (рәүәт (*Рæувад*) – rwt – gaut(a) – руд) только изначальное слово полностью сохраняет структуру и отображает сущность особенных свойств именованных рек. Далее наблюдаем изменения с потерей смысловой нагрузки и переносом понятия (быстрый бег, быстрый поток) на реки вообще и, как крайний вариант, на каналы.

Йүрүзән. Юрюзань. *Зурæдон* – текущая мелкими волнами (рябью) река; *зурæ* – галька, щебень; *дон* – река. Для Юрюзани характерно наличие множества галечных перекатов.

эй. Ай. *Уайæг* – бегущий, скачущий. ‘Бегущая’, ‘быстрая’.

Эсем. Сим. *Цъемос* – стужа. ‘Студеная’.

Анкыс. Анкыс (приток Узяна, территория Башкирского заповедника), образована слиянием Большой Анкыс и Малой Анкыс. *Æн-* – приставка, выражающая совместность; *æнхуæц* – сообща, всем вместе. Большая и Малая Анкыс берут истоки примерно в 300 м друг от друга и, разделенные небольшим хребтом, примерно 5 км до слияния текут параллельным курсом – ‘держаться вместе (рядом)’.

Микротопонимы:

колтомош. Урочище, небольшой заросший ивняком и осоками переувлажненный участок у подножия горы **Кәмә-**

Тау (*кема* – лодка, *кэмэ* – лодка), с. Юмагузино, Кугарчинский район. *Кьолотæ* – отроги гор; *маецъæл* – влага, влажный, мокрый. ‘Влажное (место) у подножия’.

Серек. Старица реки Белой, с. Юмагузино, Кугарчинский район. *Цыхцырæг* (*ирон.*) струя, водопад, каскад, жёлоб, водосточная труба; *çigik* /чырык/ (*курд.*) водопад, струя, жёлоб. Новый Черек, Старый Черек – протоки реки Черек в Кабардино-Балкарии. Река Терек имеет в нижнем течении многочисленные протяженные протоки. Серек, Черек, Терек – ‘протока’, ‘с протоками’. Старица в прошлом, когда получила название, была протокой.

Кундыр яланы. Большая сенокосная поляна между селами Иргизлы и Акбулатово, Бурзянский район. *Гъон*, *гъом* – стадо крупного рогатого скота; *таерæн* – место прогона скота. ‘Место выпаса крупного рогатого скота’.

Сыньюн хырты – протяженный увал у деревни Максютово, Бурзянский район. *Цъина* – большой стог скирда; *гъон*, *гъом* – стадо крупнорогатого скота. ‘Скирды для коров’. Место кошения сена для крупнорогатого скота или место зимнего содержания скота.

Человек, части тела, органы:

Кеше. Человек. *Гæццæ* – *дет.* живот; *хаццæг* кормящий; *хецау* хозяин, хозяйка; *хæстæг* – родной, родственник близкий, близко; *хæстæрлæу* – заботиться. В других языках: *xêşm* /хешм/ (*курд.*) – родственник, сородич, родня; *شيوخ* /хиш/ (*фарси*) свой сам; *دناوашيوخ* /хишаванд/ (*фарси*) – родственник; *سك* /кäs/ (*фарси*) – человек, личность, субъект знакомый, друг, близкий человек, приближённый настоящий человек, благородный человек; *хыз* (*талыш.*) – член семьи, родственник; *хеш* (*тадж.*) – свой, собственный, сам, родственник, родной, родня; *хишэванд* (*талыш.*) – родственник; *kes* /кäs/ (*курд.*) – личность, человек, особа кто-то, кто-либо, кто-нибудь некто; *кас* (*тадж.*) – человек, лицо, личность друг, приятель, помощник; *кэс* (*талыш.*) – чело-

век, нумератив при счёте людей. Прослеживается эволюция содержания слова: живот – еда – кормилец, хозяин (кормящий) – (сотрапезник) – родственник – друг – близкий человек – хороший человек – человек. В этом ряду начальные смыслы присущи дигорскому языку.

Йөрэк. Сердце. *Дзорун* – говорить. **Юрау** – толкование, толковать, предсказывать. Звучащий (говорящий) орган.

Аяк. Нога. *Уайæг* – бегущий, скачущий.

кул. Рука. *Хъеллау* – качание, шатание. Колыхание (*рус.*). От размахивания руками при ходьбе. В других иранских языках определяемое словом понятие переносится на другие близкие части тела: *لوك* /кул/ (*фарси*) – плечо; спина; *kol* /кол/ (*курд.*) – спина, хребет задняя, оборотная сторона. Вероятно также от *гъолаæ* (шар) по характерной особенности плечевой кости, имеющей шаровидную суставную головку.

Яңак. Челюсть. *Даенг* – резкий отрывистый звук, бац! щелк! звук выстрела. *Даендаг* – зуб. Лязгающие, щелкающие, издающие отрывистый звук (*даенг+æг*).

Танау. Нос. *دو* /до/ (*фарси.*), ду (*тадж.*), ды (*талыш.*), дуь (*татск.*), two (*англ.*) – два. Нова (*тадж.*) – лоток для слива или сброса чего-либо.

Сæс. Волосы. *Сес* – перо, ость.

Бөзөй. Половой орган ребенка, мальчика (уничижительно по отношению к взрослому). *Будзу* – мелкие, ни на что не годные клубни кербеля или картофеля.

Кут. Зад, сзади (*диал.*). *توك* /кут/ (*фарси*) доля, часть. Разделенный на доли.

Качества человека:

Йомарт. Щедрый. *Дзумард* – щедрый.

Сантый. Придуривающийся, придурковатый, дурачок. *Сæнттæ* – бред, грёзы, мечты, чушь; *сæнтдзæф* – придурок, придурковатый, глуповатый.

Айык, айнык. Трезвый. *Айнаг* – крепкий, твердый.

Комһоз. Ненасытный, алчный. *Ком* – рот; *судае* – голод.

Алйот. Дурак. **Ал-** – взять, отобрать; *ал* – жертва фигурой, шашкой при игре в шашки, альчики и т.д.; *гьуди* – мысль, догадка, память. Лишившийся памяти или способности мыслить

Родственные отношения.

Ата. Атай. Самец, отец. Папа. *Ада* – тятя, дед (почти-тельно-ласковое обращение).

эсә. эсэй. Мать. Мама. *Уосә, уосай* – женщина, жена.

Кусты. Младший брат, племянник. *Каестаг* – младший из детей, *каестар* – младший.

Ағай. Старший брат (родной, двоюродный и далее), дядя (младшие братья родителей – родные, двоюродные и далее). *Уахъяер* – гонор, (назидательный) тон. Вероятно, от уахгъяер – ‘назидательный голос’ (*гъяер* – звук, восклицание, крик). Огәте (*талыш.*) беречь, защищать, ухаживать, заботиться, содержать, воспитывать, смотреть за ребёнком. **Ағай** – ‘воспитатель, пестун’. Отсюда, **акылым** – ‘мой воспитанник’, ласковое обращение к младшим родственникам.

Апай. Старшая сестра, тетя. دنباب /
пабәнд/ (*фарси*) دنب /
пелёнки (дنب)
/бәнд/ верёвка, повязка). Рêṣandîn /печандын/ (*курд.*) завёр-
тывать, укутывать, пеленать. Епыште (*талыш.*) обматывать,
заворачивать, обвёртывать. Таким образом, «ап-» («па-») оз-
начает «вокруг». На русском языке «об(в)ернуть» и авестий-
ском /paigi/ («вокруг») включают составной частью слова
«уәер» (круг). За старшими сестрами закреплялась обязан-
ность ухаживать за младшими детьми. ‘Пеленающая’.

Еңгә, еңгәй. Жена старшего брата. *Гьяенгә* – опора;
هنگني /йенге/ (*фарси*) – женщина, подготавливающая невесту к брачной ночи, женщина, сопровождающая молодую в дом мужа, подруга невесты, помощник.

Кыз, кызыкай (*ласкат.*). Дочь, девочка, девушка. *Киз-гә, кизгай* (*ласкат.*) – девушка.

Обычаи:

Барымта. Имущественная месть. *Барæмодзун* отнять, *барæмд* – отнятый.

Музыкальные инструменты, народное искусство:

Кумыз. Кубыз, варган. *Ком* – рот, *мур* – звук (в башкирском языке звуки р и з также замещающиеся, например, *күз* (глаз) – *күр*- (видеть).

Курай. Курай, духовой музыкальный инструмент, изготавливаемый из сухого полого стебля растения реброплодника уральского. *Хора* – заготовленные дрова для быстрой сушки (*коро* – сухой); роҭ (*тадж.*) щель, паз, отверстие. ‘Высушенное с отверстиями’.

Йыр. Песня. *Зар* – песня.

Ритайым. Ритаям. Массовый хороводный танец под ритмичную музыку курая (гармони). Держась за руки, танцующие ходят приставными шагами отбивая ритмичную дробь. Солирующие в круге меняются, поочередно приглашая партнеров на смену из круга. Иногда в круге соперники танцуют на выносливость. *Рæтаун* – стегать, строчить, прошивать. Сравни: ритм, рифма (из греческого *ῥυθμός* – размеренность, соразмерность, ритм, такт).

Бейеу. Танец. *ап* /па/ (*фарси*) – нога, стопа. *ي زاب ياپ* /пайбази/ (*фарси*) пляска («играть ступнями»); *бозй* (*тадж.*) игра, движение, колебание, колыхание, танец; *пойкӯбй* (*тадж.*) топтание, притопывание, танец, пляска (‘бить ступней’). *Зеу* – артель, толока, коллективная помощь. ‘Коллективный танец’.

Жилище:

Ой. Дом, изба. *Уйнæ* – бытие, существование.

Йорт. Дом, двор, хозяйство. *Зурун* – крутиться, вертеться; *درگ* /герд/ (*фарси*) круглый, круг, окружность. Отсюда – юрта. Круг символизирует порядок жизнеустройства.

Аласык. Обитый корой лесной балаган, лачуга, летний дом в подворье. *Аласæхъ, алацахъ, алацæхъ* – шалаш, ба-

лаган (на охотничьем языке). *Ала* – чад, *сәхәг* – студеный. ‘Чад и холод’.

Бура. Сруб, стены рубленого дома. *Бурау* – ограда, вал, ограждение с канавой, крепостная стена, ров. Вероятно, общность фортификационных сооружений с рубленным домом в материале и технологии изготовления. *Бүрәнэ* – бревно (рус.).

Нигез. Фундамент, завалинка. *Нигәд* – похороненный, погребенный, зарытый.

Национальные блюда, посуда, приготовление пищи:

Кымыз. Кумыс. *Хъумуз* – молоко. *Гом* – отверстие, открытый, раскрытый; *موك* /кум/ (*фарси*) отверстие; *ком* – рот. *Мәз* – струя (*мәз-мәзәй* – хлестать, литься струей, струиться). Сдаиваемое или отсасываемое молоко.

Бишбармак. Мясное блюдо с нарезанным кусками мяса и лапшой, без бульона. *Бесеу* – резать, кроить. *Баредзә, барән* – мера; *баех* – лошадь. Порционно нарезанная конина. Махан – мясо (*монг., калм.*); маханина (рус.) – конина (Оренбургская губ.), баранина (Казанская губ.).

Куллама. Куллама, порционные куски мяса, лапша и овощи (морковь, картофель, лук) в наваристом бульоне. *Хәләмулә* – смесь, смешанный; *хәләт* – погром; *хәлеу* – разбросанный, рассыпанный. *Лами* – жижа. «Бульон со смесью». Хашлама, дымлама – аналогичные блюда восточной кухни.

Казы. Конская колбаса. *Къәдзә* – изгиб, кривизна, кривой. Название по форме колбасы. Аналогично: *цәг* – кольцо, петля и колбаса на охотничьем языке.

Бәрәмес. Перемяч. Маленькие открытые пироги на тонком тесте с начинкой из мяса, творога, картофеля. *Баредзә, барән* – мера; *баразг* – отмеряющий. *Мацьә* – луб, лыко, дрань (тонкие дощечки или рейки); семантически объединяет плоские и тонкие предметы. Вероятно отсюда – мочало (русск.), *وزتام* /matzu/ (араб.) и *מצה* /маца/ (ивр.). Отмеренное (порционно) на раскатанное тесто.

Эремсек. Творог. **Уәрағ** – изгиб (бурление при кипении, отсюда – «вар(ить)» (рус.)). **әм-** – с, со (*совместность*); **цағ** – звено (*зерно*); **уәлахсағ** – творожные зерна, образующиеся на поверхности свежествороженного молока. Сворачивающиеся при кипячении заквашенного молока зерна.

Как. Плодово-ягодная пастила, заготавливается на зиму. **Хахъ** – запас. **һаклау** – хранить, запасать, оберегать.

Какланған каз. Вяленый гусь. **Хахъ** – запас.

Сәксәк. Чакчак. Приготовленная в кипящем жире мелкая нарезка теста. **Цағ** в разн. знач. звено. По семантике близки: **борсак** – горох; **бурца** – черный перец (*мор* – кроха, частица). ‘Один к одному’, ‘друг за другом’, ‘цугом’. Отражает процесс нарезки кусочков из полоски раскатанного теста.

Бауырһак. Бурсак, кусочки теста, скрученные в шарики и приготовленные в кипящем жире. **Ба-** – глагольная приставка, придает значение совершения действия; **уәрағ** – колено, изгиб. Колено в смысле «округлое». Аналогично в башкирском языке: **тубык** – колено, **туп** – ядро, мяч. В русском языке «колено» также имеют смысл «округлое» (колобок, коловорот). Существует семантическая связь со словом **уәр** (ягненок) – шкура молодого ягненка (мерлушка, каракуль) с кольцеобразными завитками. Таким образом, **бауырһак** означает ‘скрученные и собранные вместе’.

Буза. Буза. Слабоалкогольный напиток из пророщенных и перемолотых зерен злаков, иногда с добавлением животного жира или ягодного толокна. **Боза, буза** – смешивание, перемешивание. Название отображает перемешивания зреющего напитка за счет выделения газов во время активного брожения. Отсюда: **бутау** (*башк.*) – перемешивать и **كزوب** /боузәк/ (*фарси*) дрожжи, закваска. Также бузить (рус.) – устраивать свару (от **уәр** – переворачивать вверх дном), все перемешать.

Бәрәмес. Перемяч. Маленькие открытые пироги на тонком раскатанном тесте с начинкой из мяса, творога, карто-

феля. **Барæн** – мера; **барæг** отмеряющий. **Маецъæ** – луб, лыко, дрань (*тонкие дощечки или рейки*) – семантически объединяет плоские и тонкие предметы. Вероятно, отсюда мочало (*русск.*) и маца (*ивр.*). Перемяч – ‘отмеренное (порционно) на тонкое (раскатанное тесто)’.

Йүрмæ. Блюдо из нутряного сала, брюшины и тонких кишок барана. **Дзормæ** колбаса из тонких кишок, обернутых требухой. **Зурун** крутиться вертеться. Сравни: **дзуркъа** – узорчатая обшивка сверху чувяков, **йүрмәү** – шить через край.

Таба. Сковорода. **Тæбæк** – придавленный, сплюснутый, плоский.

Куштабак, табак. Большая неглубокая чаша для подачи общих блюд (мясо, бишбармак и др.). **Къос** – чаша, миска, чашка. ‘Плоская чаша’.

Тæпән. Низкая кадушка из ствола липы. **Тъæпæн** – плоский приземистый (**тæпән** – прозвище человека низкого роста). **Тъæпæнæг** – кадушка (**тæбәнэк** – карлик).

Кузы. Лукошко, кузовок. **Къози** – деревянная чашка с ручкой.

Бешереу, бешеренеу. Варить, готовить пищу на огне. **Фесарун** – жарить, поджаривать.

Традиционная одежда, национальный костюм:

Күлдэк. Мужская рубаха и женское платье свободного туникообразного кроя. **Кол** – круглое, замкнутое: **колдуар** ворота (‘двери округи’); **гүлүл** (*талыш.*) – клубок, моток; **ко** – лобок, коловорот (*рус.*). **Дагъ** складка, слой. ‘Окружающий слой (складками)’.

Елән. Свободный халат с рукавами, который и надевают, и накидывают на плечи как бурку. **Зелән** – поворот. Одежда для оборачивания тела, для запаха.

Сарык. Обувь из сыромятной кожи с расшитыми орнаментом суконными голенищами. **Цар** – кожа, шкура; **саерак** – сафьян, кожа, замша; **саерак дзабуртæ** – сафьяновые чупьяки.

Кэмэр. Широкий мужской (редко женский) пояс с ювелирной серебряной пряжкой. **Камари** – серебряный женский пояс с позолотой.

Бурек. Зимний головной убор. *Бурæу* – бурав; *бурдзеу* – поползень (птица, оборачивающаяся вокруг ствола). **Бырау** – бурав; **бороу** – поворачивать; закручивание. *Рæх*- прошивать, стегать: *рæхаст*, *рæхсад* – стеганный, прошитый. ‘Стеганный по кругу’.

Яка. Воротник. *Дагъ* – складка слой. Образующий складку (слой) отворот одежды у горловины.

Животноводство:

Колон. Жеребенок первого года жизни. *Хæлау* – расставленный, раздвинутый. По расставленным ногам новорожденного жеребенка в первые дни жизни. *Хæлаур* – паук, *хæлаф* – штаны. Вероятно, ранее новорожденный жеребенок.

Тай. Жеребенок второго года жизни, стригунок. *Дæйæг* – сосущий. Вероятно, ранее жеребенок первого года жизни.

Тай-гулак. Молодняк лошадей. *Толась* – отставка, развод. Из арабского *قالطال* /*altalaq*/ – развод, однако словообразовательный аффикс –*aq* (–*æg*) и корень «*тл/tl*» в словах **телем** (ломоть), **телеу** (нарезать), **толика** (*рус.*) и *teilen* (*нем.* делить, разделять) дает возможность предположить индоевропейское и восточно-иранское происхождение слова. ‘Отделенный (от дойных кобыл) молодняк’.

Тулак. Не выделанная, высушенная шкура павшего молодняка. *كلوت* /тулак/ (*фарси*) – линька. Тулак (*тадж.*) – линька (*отделение шерсти*). Отделенная, снятая шкура или отделившаяся (павшая) часть молодняка.

Конан. Лошадь (бычок) от второго до третьего года жизни. *Хонаг* – зовущий, называющий, именующий. Доживших после падежа молодняков лошадей брали на учет, давали имя (кличку). Отсюда коняга и конь (*рус.*); коник (польская порода некрупных лошадей).

Дүнэн. Лошадь четвертого года жизни. ريگن‌اند /дәндангир/ (*фарси*) подходящий, приемлемый. **Йүн** – толк; **йүнле** – стоящий, подходящий. Пригодный для упряжи и верховой езды.

Аргымак. Аргамак. Рослая и быстрая породистая лошадь. **Аргъаеу** – табун, гурт, стадо; **баех** – лошадь, конь. Косачный (табунный) жеребец, вожак.

Айгыр. Жеребец. Уайаг – скачущий, бегущий. Гур – масса, толпа. Собирающий или возглавляющий косяк.

Байтал. Не жеребившаяся кобыла. **Майае** – луна, месяц (*зарождение, возрождение*); مایه /майе/ (*фарси*) – дрожжи, закваска, первопричина; моя (*тадж.*) дрожжи, закваска, мужское семя; меуа /мәйа/ (*курд.*) закваска, дрожжи, вино, мужское семя, зародыш, суть, сущность; **мэй** – хмельной напиток; **мая, маяу** яйцо подкладыш. **Тал** – побег, поросль. **Тал** – ива (дерево, образующее после рубки интенсивную поросль). ‘Дающие приплод’ (вероятно, возрастная характеристика – все кобылы табуна).

Бейә. Ожеребившаяся дойная кобыла (**бейә һотө** – кобылье молоко). Поә (*талыш.*) часть, доля, кусок; воя (*тадж.*) доля, часть. Отделяющая (рождающая) приплод или отделенные дойные кобылы.

Алаша. Мерин. **Уәл-** первая часть сложного слова над, наверху, сверх. **Ласәг** – везущий, тягловый. ‘Сверх тягловый’. Выхолощенная лошадь более смиренная и сильная, лучше приспособлена для работы в упряжи. Отсюда лошадь (*рус.*) – ‘тягловая’.

Ат. Уад – бег. ‘Бег’, ‘бегущий’.

Юрға. Иноходец. **Дзоргъа** – иноходь, **серагә** – иноходец.

Бызау. Теленок. **Будзаеу** – шут, клоун. يزاب /бази/ (*фарси*) игра, забава, затея, шутка; baz /баз/ (*курд.*) игра, веселье; бозй (*тадж.*) игра, движение, танец, забава, шутка. ‘Подпрыгивающий, брыкающийся’.

Тана. Тёлка. **Тәнаг** – тонкий, мелкий, жидкий. **Тән-вәдәг** корова, которую легко доить (**тән-** – легко). Семан-

тика слова **таен** – отображение сравнительной уменьшительной степени. **Тана** – ‘молодая’.

Һәүкәш! Этим словом успокаивают корову во время дойки. واگ /гав/ (*фарси*) бык, вол, корова; гов (*татск.*) корова; /gao/ (*авест.*) корова; /gāw/ (*пехлеви*) корова; говядина (*рус.*) мясо коровы. Русское говядо (гов+вядо) – дойная корова (сравни, **таен-вәдәг** – легко доить). **Гац кәнун** ждать, терпеть до времени; نديشك /кешидән/ (*фарси*) терпеть, переносить, выдерживать. ‘Потерпи коровка!’.

Кәртә. Хлев, ограда, жердь, огражденный жердями загон для скота, карда. **Кәртә-кәртә** – кучами. Полисемантность слова результат переноса содержания понятия от скопления скота к ограде, далее к жерди.

Бортевое пчеловодство:

Солок. Борть. **Сул** – роевня. **Лухь** – углубление, впадина; **лух** – отрезанный, разрубленный. Вырубленное углубление (дупло) для роя.

Аркагау. Веревка для подъема инвентаря бортевика и спуска батмана с медом. **Арха** – укрепление, крепление; **дәвдәг** – твердый, затвердевший, крепкий. Веревка (**аркан** – аркан) для крепкого удержания инвентаря.

Ашкан корт. Пчелы в естественном дупле. **Асхаун** – разыскивать шарить; **аскъяун, әскъяун** – уплетать, хавать. Поиск и разорение для еды.

Кирәм. Плетеный кожаный (иногда из лыка) ремень для лазанья и удержания на бортевом дереве. **Кир** – ряд, ячейка; **кирвәз** – плетеный короб (этимология: «плетеный для переноски тяжестей» (**уәзә** – тяжесть)). **Раемун** – ждать, терпеть, ожидать, стоять, держаться на месте. Плетеный (ремень) для удержания на месте.

Умарта. Улей. **Әмбурд** – собрание, сборище, скопище.

Күс. Рой. **Гоц** – перелет (птиц), переселение; چوک /куч/ (*фарси*) кочёвка, переселение, семья, род, племя. ‘Переселяющийся (переселяемый) рой’.

Батман. Посуда из ствола липы для перевозки и хранения мёда. *Бәтман* – улей, сапетка, корзинка, мера зерна.

Сөрөк. Сухие гнилушки для дымара. *Сор* – сушь, сухой, просохший.

Рәшә балы. Мёд падевый (падъ выделяемые тлей капли сладкой жидкости). رەشە /rəshə/ (*фарси*) капля, брызги пот; рашха (*тадж.*) выпот, капля, брызги.

Сырпы. Веник для утепления должеи (крышки) борти. *Сәрфәг* – подметальщик, подметающий.

Бөрөз. Орудие для скобления и отделки внутренней части борти. *Мура, маера* – дупло; *раес* – подпилоч, напильник.

Земледелие:

Бойзай. Пшеница. *Бийде* – железный наконечник стрелы. Сравни: *башак* – колос; *ук башағы* – наконечник стрелы. ‘Колос’.

һоло. Овёс. *Хелә* – зерно.

Көлтә. Сноп. *Бәкъяуәл* – копна, стог соломы.

Ырзын. Гумно. *Уәраг* – колено, изгиб. Ручной веялкой зерно подбрасывается по дуговой траектории. *Дымгамаә дарын* (ирон.) – веять. دیمد /dämidän/ (*фарси*) дуть, веять. Дун- (*рус.*) – движение воздуха.

Сенокосение:

Салғы. Коса. *Цәелә* – сломанный, надломленный. Срезает (ломает) траву.

Сабыу. Косить, хлестать. *Цәвәг* – коса, *цавд* – удар.

Бакуй, бакуй. Скошенный ряд травы. *Бахъой* – убрать в сторону от себя;

Күбә. Копна. *Къуыпп* (ирон.) – холм, бугор, выпуклость, горб *Къубур* – холм, небольшая возвышенность, пригорок, бугор.

Металлы:

Тимер. Железо. Дам, дзам – звукоподражание (звонящий звук). *Дамбаца* – пистолет. Дам (*тадж.*) звук. *Мур* – звук. Звонкий, звенящий.

Оружие:

Һөңгө. Копье. *Цаердхуынкъ кәнын* – протыкать, пронзать насквозь, ранить навылет (*цаерд* – насквозь; *хункъае* – дыра, отверстие); *kûn /кун/ (курд.)* дыра. Отсюда русское кунка (‘дыра, дырка’), куница (‘живущая в дыре (дупле)’). *Сунæгдухае* – пассивное колющее вооружение, которое находилось на плечах всадника или на груди лошади.

Кылыс. Сабля. *Къæлæс* – кривой; *къæлос* – изгиб, кривизна, кривой, согнутый, дугообразный.

Бойза. Большой нож (*насаженный на древо*); *Бийде* – железный наконечник стрелы, колчана.

Хэйнэр. Кинжал. *Гъæнае* – рана; *дзæргъагонд* – сошник (*то, что пропарывает почву*). *Йэрэхэт* – рана. ‘Пропороть рану’.

Ук. Стрела. *Уæгъдае* – освобождать, отпускать.

Ян. Лук. *Хъандзал* – упругий.

Йэйæ. Лук. *Дада* – крючок из кожи на ярме; кудри. По изогнутой форме оружия.

Растительный мир:

Комалак. Хмель (растение). *Хумæллæг* – хмель. *وخ* /ху/ (*фарси*) – вьющееся растение, вьюнок, плющ; *hүæмe* – (*талыш.*) хмель, плющ; *химел (тадж.)* опьянение, хмель; хмель (*рус*) – опьянение, растение. Хаома - в древнеиранской религии обожествлённый напиток и растение, из которого он изготовлялся. ‘Опьяняющий’.

Кайын. Береза. *Гагъон* – зигзаг, извилина, поворот. ‘Извилистая’. У березы свилеватая древесина ствола и, особенно, капа.

Саған. Клен. *Саггон* – разветвление, ответвление (дерева); промежуток между пальцами рук или ног. По пальчатолопастной форме лисьев.

Шыктым. Пион Марьин корень. *Сугъдае* – пожар, пламя; *тамаен* – блеск, сияние, сверкание. ‘Сияние пламени’. Растение с очень крупными цветками цвета пламени.

Карама. Вяз. *Хъарман* – вяз.

Бөтнөк. Мята. *Бетъина* – мята. Пудина (*тадж.*) – мята. Животный мир.

Өкө. Сова. *У₂* – сова.

Буре. Волк. *Бераегъ* – волк. Peritandin /пәрытандын/ (*курд.*) разрывать, терзать. ‘Терзающий’.

Дунгыз. Кабан, свинья. *Донгъуз* – темно-серый, мышинного цвета, цвета темной воды; свинья.

Каузы. Аист. *Къадза* – аист.

Төлкө. Лиса. *Тæли* – обруч, кольцо; *къубулойна* – клубок (*булай* – вокруг, около, окружать; *кьу-* – наматывать, сворачивать). Go /го/ (*курд.*) клубок; гүлүл (*талыш.*) клубок, моток. ‘Сворачивается кольцом’.

Куян. Заяц. *Кьода* – куций, бесхвостый.

Айыу. Медведь. *Уад* – бег; *дзууарае* – крест. Бег с перекрестием лап, косолапый. Вероятно, что отсюда *уәйуэ* – мощный, сильный, гигантский; *фольк.* великан, циклоп, богатырь.

Бурһык. Барсук. *Баераг* – заметный, приметный, видный, отчетливый; *суг* – полоса; *дзугьур* полосатый. ‘Примета – полосы’. Черно-белые полосы на голове.

Кеҗэртке. Ящерица. *Кеза* – грубиян; грубый, жесткий; *аердаг* – половина. При грубом обращении «делится» – отбрасывает хвост. Аналогично на осетинском языке: *макь-олаг*, *макьуләг* – прыткая ящерица; *мухъ* – удар; *мухъ-хьитә* – резкие выходки, грубое обращение; *хьуәл* – ломоть, обломок.

Кондоз. Бобр. *Гъун* – волос (*йөн* – шерсть); *туд* – оципаный. ‘Оципанная шерсть’. Животное с голым хвостом.

Гөбөргәйел. Черепаха. *Губур* – горбун, горбатый; *гайла* – ниша; ячейка. ‘Горбатый домик (ниша)’.

Бесәй. Кот, кошка. *Бецьо* – ус. ‘Усатый’.

Суртан, сурак, сурағай. Щука крупная, средняя и мелкая. *Цорк* клин. *Тән* – тело. ت /тән/ (*фарси*) – тело; ten /

тән/ (курд.) – тело; /tanu/ (авест.) – тело. Названия по клинообразной форме тела.

Сабак. Плотва. *Сәбәкк* – плоский.

Сөгә. Стерлядь. *Цәг* в разн. знач. звено. Тело рыбы покрыто пятью рядами костных чешуй.

Бикре. Осетр. *Бекъә* – выступ, отросток. *Къуар* – ряд. Qor /qor/ (курд.) ряд, линия. У рыбы пять рядов крупных чешуй.

Кырпа. Белуга. **Кыр** – грань, **кырғыс** – терка, **керпе** – ёж. *Хәруәг*, *хәрв* (ирон.) – чешуя. *Хъургъах* – бугорки, неровности на дорогах. Название по наличию крупных костных чешуй.

В названиях всех осетровых рыб отражается общая особенность внешнего вида. То же антакай – рыбы, водившиеся в Днепре (по Геродоту). *әен-* с (приставка, выражающая совместность). *Тагә* – полоса, гребень горы. ‘С гребнистыми полосами’.

Имена собственные:

Ысмакай, Ысмак, Макай. *Әцәг* – настоящий, истинный; **ысын** – настоящий, истинный. **Бәх** – лошадь, конь. Фамилии Смакаев, Смаков, Ишмаков, Шмаков. **Ишпакай** – имя царя скифов (VII в до н.э.). Ай – характерное для скифских и башкирских имен уважительно-ласкательное окончание.

Ишкуза, Искужа, Кузай, Кузакай, Хазый. Фамилии Ишкузин, Искужин, Кузеев, Кусеев, Кудакаев, Хадыев. *Хада* – бродяга; *хәтәг* – путешествующий, кочевой, бродящий. Русское «ходить». **Куз-** движение (например, **кузгалыу** – сдвинуться с места, начать движение). **Ишкуза** – истинный кочевник, завоеватель новых земель (**күсеу** – переселение). Ишкуза – царство скифов VII–VI вв. до н. э. в Передней Азии.

Байрас. *Байраезуйнаг* отрок, дитя, тот, кто должен еще подрасти; *байраг* – жеребенок.

Байтирэк (Байтиряк). Дарәг – держащий, имеющий, владеющий, кормящий. ‘Владеющий богатством’.

Талха. Тәелхә – необузданное, чрезмерное стремление; **тәлхәер** -целеустремленный, неудержимый.

Населенные пункты:

Мәләүз. Мелеуз, город. Расположен на реке Мелеуз – **Мәләүз.** Мал – омут; **аузаг** запруживающий, **ауазун** – прудить (реку), перекрывать (поступление воды). Река, ток воды которой останавливается омутами. В Башкортостане несколько рек с названиями: **Мәләүз, Мәнәүз, Мәлүз.** Для этих рек характерно нахождение по руслу глубоких омутов, обусловленных, как правило, карстовыми явлениями.

Туймазы, город. Дойнаг – водяной, подводный, речной. **мәз-мәзәй** – струиться (про воду); **мезагә** – протекающий, с течением. میز [миз] (*фарси*) мочиться (устаревшее); мезаг – моча (*тадж.*) Название реки, в устье которой возник одноименный населенный пункт. ‘Струющаяся река’.

Мәскәү. Москово. Несколько деревень в Республике Башкортостан. **Мәз-** струя, течение, река; **гъәу-** – село в сложных словах (**гъәуәгәрон** – околица, край села). Поселение у реки.

Көлсәм. Кульчум. Урочище и одноименная заброшенная деревня украинских переселенцев в Ермекеевском районе. **Хьулф** – глубокий; **хьулут** – очень глубокое место. **Цъәсум** – расщелина. ‘Глубокая расщелина’. Урочище названо по протяженной, очень узкой и глубокой балке.

Кужан. Кужаново. Деревня в Абзелиловском районе. **Къозбәләсә** – сосна, хвойное дерево (калька – ‘куцое дерево’). Общеупотребительное дигорское название сосны – **нази.** Деревня широко известна по произрастающим в окрестностях лиственницам с уникальной мутацией – кроны деревьев округлой формы, очень густые из-за обильно ветвящихся очень коротких побегов.

По результатам этимологического анализа лексики башкирского языка можно выдвинуть гипотезы:

- об автохтонности башкир на территории исторического проживания и северо-восточно-иранском (по принятой сегодня классификации) происхождении башкирского языка и этноса;

- о первичности специфической фонетики башкирского языка;

- Южный Урал и прилегающие территории включаются в область исторического проживания общих предков башкир и осетин;

- исторически распад предкового языка на древнебашкирский и древнеосетинский языки произошел не ранее раннежелезного века (VIII - VII в. до н.э.), о чем свидетельствуют названия металлов и железных орудий труда.

Использованная литература

1. *Ахмеров К.З.* и др. Башкирско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 804 с.

2. *Гайсина Г.Р.* Исторические корни башкирско-персидских языковых взаимоотношений // Гуманитарные науки в Башкортостане. История и современность: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2007. С. 65-66.

3. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 276 с.

4. *Дыбо А.В.* Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков. М.: Академия, 2004. 766 с.

5. *Киекбаев Д.Г.* Фонетика башкирского языка: Опыт описательного и сравнительно-исторического исследования. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1958. 210 с.

6. *Таказов Ф.М.* Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. Владикавказ, 2015. 869 с.

Давид Эршлер
 г. Тель-Авив, Израиль

О СТАТУСЕ ИМЕННОГО СУФФИКСА *-æ* В СОВРЕМЕННОМ ДИГОРСКОМ (ОСЕТИНСКОМ) ЯЗЫКЕ

У значительного числа дигорских существительных в единственном числе присутствует окончание *-æ*. В этой заметке я выдвигаю и аргументирую точку зрения, что *-æ* слугит в современном дигорском одним из алломорфов показателя единственного числа.

1. Введение

Финальное *-æ* встречается в нескольких сотнях непроеводных существительных в словаре Таказов (2015), кроме того, оно присутствует в нескольких весьма продуктивных именных суффиксах (*-агаæ*, *-(и)адаæ*, *-ийнадаæ*), а также ещё в ряде непроедуктивных суффиксов. Русские существительные на безударное *-а* адаптируются в дигорском, получая окончание *-æ* (*машинаæ* ‘машина’, *службаæ* ‘военная служба’, и т.д.). Таким образом, суффикс *-æ*, или, выражаясь более осторожно, тип основы на *-æ* широко распространён и даже продуктивен в современном дигорском. Был он продуктивен и в относительно недавнем прошлом – его получили некоторые кабардинские заимствования, например, *гурусхаæ* ‘сомнение, подозрение,’ очевидно происходящее от каб. *гурышхъуэ* ‘подозрение’; *гузаваæ* ‘сомнение, подозрение’ восходящее к каб. *гузэвэз* ‘беспокоиться’, *ацъагъуаæ* ‘талант, мастерство’ от каб. *Ицълагъэ* ‘ремесло’, Абаев (1958: 28), и др. Более того, *-æ* было присоединено и к некоторым заимствованиям, кончавшимся на согласный в языках-источниках: *колаæ* ‘лука, озерцо’ (видимо, от балкарского *кёл* ‘озеро’), *цумаеданаæ* ‘чемодан’, *(æ)стъолаæ* ‘стол’.

Напрашивается вопрос о грамматическом статусе финального *-æ* у дигорских существительных. Имеющиеся работы по дигорской грамматике (Миллер 1962; Исаев 1966; Таказов 2009) не рассматривают этого вопроса сколько бы то ни было подробно (Миллер (1962: 73) замечает, что «з[ападно]ос[етинское] окончание *-ǣ* перед суффиксом множественного числа постоянно выпадает». Это наблюдение является ключевым для правильного понимания грамматической функции *-æ*).

Логически возможно анализировать *-æ* как

1. часть основы, не выделяемую в отдельную морфему;
2. показатель номинатива (именительного падежа);
3. показатель номинатива единственного числа;
4. показатель единственного числа.

В этой статье я предлагаю доводы в пользу того, что *-æ* служит показателем единственного числа, не выражая при этом никаких других грамматических значений. С самого начала оговорюсь, что речь идёт лишь о *-æ* непосредственно следующем за корнем существительного, а не о части суффикса аллатива *-maæ* и не о части суффикса множественного числа *-taæ*. Кроме того, меня интересует функционирование *-æ* в современном языке, а не его историческое происхождение.

Логика моей аргументации такова. Вариант 1 опровергается тем, что во многих случаях *æ* опускается в сложных словах и перед многими словообразовательными суффиксами; варианты 2 и 3 опровергаются тем, что *-æ* не опускается перед другими показателями падежа. Наконец, вариант 4 совместим со всеми наблюдаемыми фактами и подтверждается наблюдением, что *-æ* никогда не сохраняется в формах множественного числа.

Данные для настоящей работы в основном взяты из словаря Таказов (2015). Я признателен Федару Таказову за неизменную помощь в моих занятиях дигорским осетинским.

Я также благодарю за помощь в работе над этой статьёй Урузмага Абаева.

2. Морфонологические свойства финального *-æ*

Перед любой морфемой, начинающейся на гласный, будь то словообразовательный суффикс, вторая основа сложного слова, или падежный суффикс, финальное *-æ* опускается. Перед морфемами, начинающимися на согласный, оно может сохраняться, причём перед падежными суффиксами с таким свойством оно сохраняется всегда.

Проиллюстрируем примерами поведение *-æ* в сочетании со словообразовательными суффиксами, начинающимися на гласный. *Уосæ* ‘женщина, жена’ даёт *уос-он* ‘женатый’ и *уос-ийнаæ* ‘женщина, жена’; *хæдзарæ* ‘дом’ даёт *хæдзар-он* ‘домашний’ и *хæдзар-адаæ* ‘хозяйство’; *сæрдаæ* ‘лето’ даёт *сæрдигон* ‘летний’; *билаæ* ‘губа’ даёт *билой* ‘тонкогубый’, и т.д. Последовательность из двух гласных (зияние) в таких случаях не допускается (**уосæаг* /Здесь и далее звёздочкой помечены грамматически неправильные или невозможные формы/, **сæрдаæигон*, **хæдзарæон*), не происходит и вставления эпентетического согласного между двумя гласными (**уосæ-й-аг*, **сæрдаæ-й-игон*, **хæдзарæ-й-он*).

У корней, оканчивающихся на другие гласные, между корнем и суффиксом на гласную вставляется эпентетическое *-й-*: *дуйне-й-он* ‘мировой’, *даесни-адаæ* ‘искусство, ремесло’, *æвзалу-й-аг* материал для угля и т.д.

То же самое можно наблюдать и в композитах, первый элемент которых – существительное, заканчивающееся на *-æ*, а второй – существительное, начинающееся на гласную: *кизгæ* ‘девушка’ и *агор-* ‘искать’ дают *кизг-агор* ‘жених’, *заенхаæ* ‘земля’ и *астæу* ‘посредине’ дают *заенхастæу* ‘посередине дома’, *финкаæ* ‘пена’ и *есаен* ‘номинализация глагола брать’ (Начальное /j/ перед /ε/ имеет нефонематическую природу в дигорском осетинском, оно вставляется в силу

запрета начинать слово с гласного. В силу этого же запрета в начале слова перед гласными *a* и *æ* (/v/ в транскрипции МФА) автоматически вставляется гортанная смычка /ʔ/, перед *u* и *o* – глайд /w/, а перед *i* – глайд /j/) дают *финкесаен* ‘шумовка’, *тухае* ‘сила’ и *ист* ‘основа прошедшего времени от ес- ‘брать’” дают *тухист* ‘грабёж’ и т.д.

Для падежных суффиксов верно то же самое наблюдение. В таблице 1 падежи разбиты на три группы: первую группу составляет номинатив; вторую группу – те падежи, чьё окончание начинается на гласный (аккузатив-генитив *-и*, датив *-аен*, аблатив *-аей*, экватив *-ау*), а третью группу – те падежи, чьё окончание начинается на согласный (аллатив *-мае*, суперэссив *-баел*). Из таблицы видно, что финальное *-ае* всегда исчезает перед гласными и всегда сохраняется перед согласными. Прочие финальные гласные ни перед какими падежными суффиксами не исчезают, вместо этого между ними и падежными суффиксами вставляется эпентетическое *-й-*.

	Единственное число на <i>-ае</i>	Множественное число	Единственное число на <i>-а</i>
Номинатив	золкъае	баех-тае	кьибила
Группа I			
Аккузатив/ Генитив	золкъ-и	баех-т-и	кьибила-й
Датив	золкъ-аен	баех-т-аен	кьибила-й-аен
Аблатив	золкъ-аей	баех-т-аей	кьибила-й-аей
Экватив	золкъ-ау	баех-т-ау	кьибила-й-ау
Группа II			
Аллатив	золкъае-мае	баех-тае-мае	кьибила-мае
Суперэссив	золкъае-баел	баех-тае-баел	кьибила-баел
	‘червяк’	‘лошади’	‘ведро’

Исчезает *ае* и перед суффиксом *-е(м)-*, употребляющимся при склонении существительных в сочетании с числительными, как это проиллюстрировано в Таблице 2 для существительного *кизгае* ‘девочка, девушка’.

Номинатив	фараст кизг-и
Аккузатив/Генитив	фараст кизг-е-й
Датив	фараст кизг-ем-аен
Аблатив	фараст кизг-ем-аей
Экватив	фараст кизг-е-й-ау
Аллатив	фараст кизг-е-мае
Суперэссив	фараст кизг-е-баел
	‘9 девочек’

В корнях, оканчивающихся на все прочие гласные, кроме *e*, такого удаления не происходит. В случае корней на *-e-* последовательность из двух *-e-* упрощается до одного. Последнее явление вероятно связано с избеганием последовательностей из двух идентичных гласных.

Номинатив	аѳта кѳере-й	аѳта сара-й	аѳта пѳолци-й
Аккузатив/ Генитив	аѳта кѳер-е-й	аѳта сара-е-й	аѳта пѳолци-е-й
Датив	аѳта кѳер-ем-аен	аѳта сара-ем-аен	аѳта пѳолци-ем-аен
Аблатив	аѳта кѳер-ем-аей	аѳта сара-ем-аей	аѳта пѳолци-ем-аей
Экватив	аѳта кѳер-е-й-ау	аѳта сара-е-й-ау	аѳта пѳолци-е-й-ау
Аллатив	аѳта кѳер-е-мае	аѳта сара-е-мае	аѳта пѳолци-е-мае
Суперэссив	аѳта кѳер-е-баел	аѳта сара-е-баел	аѳта пѳолци-е-баел
	‘3 пирога’	‘3 сарая’	‘3 платья’

Подытоживая дискуссию это раздела, финальное *ae* в дигорских существительных автоматически исчезает перед гласными.

3. *-æ* не является показателем падежа или одновременно падежа и числа

Поскольку *-æ* присутствует в номинативе единственного числа, можно было бы предположить, что это показатель номинатива или одновременно номинатива и единственного числа. Однако то, что оно сохраняется в аллативе и суперэссиве, а также исчезает в остальных падежах по чисто фонологической причине, свидетельствует против этой версии. Ни в каких других случаях двойное падежное маркирование в дигорском осетинском не наблюдается, и предполагать его лишь в случае сочетания *-æ* с аллативом и суперэссивом было бы неестественно.

4. *-æ* не является частью корня

Во многих случаях образования композитов и присоединения словообразовательных суффиксов, начинающихся на согласную, *æ* немотивированно исчезает. Если бы *æ* было частью корня, это явление было бы неожиданным. Однако если рассматривать *-æ* как отдельную словоизменятельную морфему, его исчезновение при словообразовательных процессах становится совершенно естественным. Проиллюстрируем это наблюдение примерами.

Продуктивными словообразовательными суффиксами, начинающимися на согласную, являются в современном дигорском *-донæ*, *-гун*, *-гин* и *-бун*.

Существительное	Производное с суффиксом
хуасæ ‘сено’	хуас-донæ ‘сеновал’
бæласæ ‘дерево’	бæлас-донæ ‘питомник’
хæдзарæ ‘дом’	хæдзар-гин ‘домовладелец’
фагæ ‘пшено’	фаг-гун ‘пшённый’
синдзæ ‘колючка’	синдз-гун ‘тернистый, колючий’
каэрзæ ‘ясень’	каэрз-бун ‘ясеневая роща’

толдзæ ‘дуб’

толдз-бун ‘дубрава’

Этот процесс остаётся продуктивным – он применим к заимствованным словам, например, *фанер-гун* ‘сделанный из фанеры’, *машин-гун* ‘имеющий машину’, и т.д.

Исчезновение *-æ* наблюдается и в сложных словах.

Существительное

Сложное слово

уадæ ‘ветер’

уад-гуройнаæ ‘ветряная мельница’

зæнхæ ‘земля’

зæнх-косæг ‘земледелец’

сæгъæ ‘коза’

сæгъ-дзар ‘козья шкура’

рæзæ ‘фрукты’

рæз-бæласæ ‘плодовое дерево’

кæсалгæ ‘рыба’

кæсалг-дзау ‘рыбак’

зæйæ ‘лавина’

зæй-ласæн ‘место, где бывают лавины’

дабонаæ ‘черемша’

дабон-дзосæ ‘рассол из черемши’

гъæдæ ‘лес’

гъæд-гæрон ‘опушка’

сифæ ‘лист’

сиф-къах ‘черешок’

хæдзарæ ‘дом’

хæдзар-гæс ‘присматривающий за домом’

хæдзар-дарæг ‘кормилец’

барæ ‘право’

бар-дарæг ‘господин’

Нужно добавить, что иные гласные в конце основы в сложных словах не опускаются (Одним из немногочисленных исключений является назу ‘ель’, дающая композиты наз-гъæдæ ‘еловый лес, еловые дрова’, наз-хех ‘хвоя’, а также суффиксальное образование наз-гун ‘ельник’).

дзæхæра ‘сад, огород’

дзæхæра-гæс ‘садовник’

бурку ‘шабаш (ведьм)’

бурку-дзау ‘участник шабаша ведьм’

цилле ‘шёлк-сырец’

цилле-бæласæ ‘шелковица белая’

мархуа ‘пост’

мархуа-дарæг ‘постник’

5. *-æ* как показатель единственного числа

Основное наблюдение (сделанное уже в цитированной

выше работе Миллера) заключается в том, что финальное *-æ* никогда не сохраняется при образовании множественного числа. Вместе со сделанным в предыдущих параграфах выводом, что *-æ* не является частью корня, это приводит нас к заключению, что *-æ* служит одним из алломорфов показателя единственного числа. Другим, гораздо более распространённым алломорфом этого показателя служит нулевой суффикс.

Для того, чтобы обосновать это обобщение, нам нужно рассмотреть способы образования множественного числа от существительных на *-æ*. К сожалению, сведения о форме множественного числа опубликованы не для каждого такого существительного. В дальнейшем обсуждении я опираюсь на данные, приведённые в словаре (Таказов 2015), формы множественного числа, найденные мной в опубликованных текстах, а также на результаты моей полевой работы.

Если бы *-æ* не имело отношения к числу, мы ожидали бы, что существительные на *-æ* будут образовывать множественное число присоединением *-тæ*, как прочие основы на гласную.

кьибила-тæ	‘вёдра’
стъалу-тæ	‘звёзды’
къере-тæ	‘пирогы’
пъолци-тæ	‘платья’
дзикко-тæ	‘волосы’

Этого, однако, не происходит. В сочетании с существительными на *æ* встречаются все имеющиеся в дигорском алломорфы суффикса множественного числа (Эти алломорфы суть *-тæ*, *-ттæ*, *-у(т)тæ*, *-итæ*, *-титæ* и *-тæлтæ*. Является ли материал, предшествующий *-тæ* в этих суффиксах, отдельными морфемами, несущественно для моих целей. Также несущественны для моих целей и происходящие иногда в корне изменения гласных (выпадение гласного в последнем слог, а также превращение *а* или *о* в последнем

слоге в *æ*). Эти явления, несомненно, нуждаются в отдельном исследовании), а само *æ* никогда не сохраняется.

*агæ-тæ	æг-тæ	‘котлы’
*хæдзарæ-тæ	хæдзæр-ттæ	‘дома’
*сифæ-тæ	сиф-тæ	‘листья’
*зæнхæ-тæ	зæнх-итæ	‘зёмли’
*кизгæ-тæ	кизг-уттæ	‘девушки’
*тевгæ-тæ	тевг-утæ	‘деталь упряжи быка’
*ностæ-тæ	ноститæ, ностæлтæ	‘невестки’
*уосæ-тæ	уос-титæ	‘жёны’
*дзорагæ-тæ	дзораг-итæ	‘говоруны’

Слова с алломорфами показателя множественного числа, начинающимися на гласную, т.е. *-итæ* и *-ут(т)æ*, не дают нам никаких сведений о поведении финального *-æ* во множественном числе, из-за того, что в таких случаях оно исчезает по чисто фонологическим причинам. Однако неизменно исчезает оно и в сочетании с алломорфами, начинающимися на согласный.

æхсæвæ	æхсæвтæ	‘ночь’
барæ	бартæ	‘право’
гъæунгæ	гъæунгтæ	‘улица’
харæ	хартæ	‘шёлк’
зиндзийнадæ	зиндзийнæдтæ	‘трудность’
хуæрæ	хуæртæ	‘сестра’
асийнæ	асинттæ	‘лестница’
сапойнæ	сапæнттæ	‘мыло’
хæдонæ	хæдæнттæ	‘рубашка’
сæйгæдонæ	сæйгæдæнттæ	‘больница, госпиталь’
мадæ	маддæлтæ	‘мать’
фидæ	фиддæлтæ	‘отец’

Новые заимствования могут образовывать множественное число по этим моделям, так что они продуктивны.

машинаæ	машинттæ
---------	----------

бригадаæ

бригаæдтæ

Исчезновение æ было бы необъяснимо, если бы æ было частью корня или морфемой, не выражающей единственное число. Таким образом, естественно заключить, что -æ не может быть ничем иным, как показателем единственного числа.

6. Статус æ в показателе множественного числа -тæ

Наконец, возникает вопрос, не является ли финальное æ в составе показателя множественного числа -тæ отдельной морфемой, идентичной обсуждавшейся выше. Однако никаких свидетельств в пользу того, чтобы -æ, входящая в состав -тæ, вела бы себя как отдельная морфема, не имеется: основы с -тæ не могут присоединять никаких суффиксов, кроме падежных окончаний. Я предполагаю, что показатель множественного числа -тæ в современном дигорском мономорфемен.

7. Заключение

Таким образом, дигорский осетинский относится к языкам с типологически необычным свойством – он обладает ненулевым показателем единственного числа у существительных, не выражающим одновременно никаких других грамматических значений.

Использованная литература

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1958.
2. Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка. Москва: Наука, 1966.
3. Миллер В.Ф. Язык осетин. Пер. с нем. М.И. Исаева. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1962.

4. *Таказов Ф.М.* Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009.

5. *Таказов Ф.М.* Дигорско-русский и русско-дигорский словарь. Владикавказ, 2015.

Эмина Шахингёз (Цорити)

г. Франкфурт, Германия

ЦУБУР ДЗУРД *и* ДИГОРОН АЕВЗАГИ (НАРТИ КАДАЕНГИТИ БУНДОРБÆЛ)

Рагон Дигорон грамматиктæмæ гæсгæ хайæг *и* дзурд бæлвурдгæнæг хайæг æй. Æбæлвурд номдари (indefinite noun) разæй ку лæууа, уæд æй бæлвурд кæнуй. Исати Мæхæмæт (1966: 33-34) æма Тахъазти Федар (2009: 43-44) аци хайæг цубур дзурдбæл ниффинстонцæ. Исати Мæхæмæтмæ гæсгæ æ нисанеуæг (function) Англисаг, Французаг кенæ Немуцаг æвзаги артикли хузæн æй, фал аци *и* артикли хузæн арæх нæ фæууй, æма ефстæгмæ фембæлуй дзубандийи астæу. Давид Эршлер, Исати Мæхæмæти гъудий хæццæ арази уогæй, никкидæр ма ибæл бафтудта, факультативи нисанеуæг ма ин ке ес, уой. Адæмон исфæлдистади, уæдта Нарти кадаенгити текстти арæх фæззиннуй.

Дигорон хайæг æма немуцаг артикли рабаргæй æнгъезуй зæгъун: немуцаг æвзагии ес æртæ æрди, алли æрдæн дæр ес æхе артикл: нæл æрдæ *der*, силæ ‘рдæ *die* æма астæуккаг æрдæ *das*. Немуцаг æвзаги дзурдуати 120 мин дзурди ес æма айдагъ нæл æрди артикли æмбæлуй 11 мин хатти, еугур дзурдти корпуси 11% уогæ. Хæдæгæй, дигорон æвзаги дзурдуати ба 40 мин дзурди ес æма æгас корпуси цубур дзурд *и* айдагъ 1262 хатти æмбæлуй. Æдеугур дзурди астæу айæ 0,05% хатти фæззиннуй. Нимæдзæмæ гæсгæ бæлвурдгæнæг *и* немуцаг артиклæй ефстагдæр æй. Æ функций ба æцагæй дæр ести номдари бæлвурд кæнун æй æви нæ, æма цæхуæн контексти си зиннуй аци дзурд, е аци фарстатæбæл æй мæнæ аци куст. Уой туххæй Нарти кадаенгитæй дæнцæнттæ райиндзинан.

Хамицати Тамара æма Бизæрти Александри араст киунугæ “Нарты“ 1990-аг анзи, кæцими æмбурдгонд æнцæ дигоронау æма иронау кадаенгитæ. Æдеугур 182 кадаенгитæй 51 кадаенги Дигоронау æнцæ, æма си цубур дзурд *и* 242 хатти

æмбæлуй. Ци дæнцæнтæ æмбæлуй, уони æнгъезуй 4 категорибæл бахай кæнун:

1. Номдари рази рацæугæ хайæг
2. Дзубанди цæбæл фæццæуй, еци дзурди хæццæ рацæугæ хайæг
3. Ассоциативон-анафорикон дзурди хæццæ рацæугæ хайæг
4. Бæлвурд-анафорикон дзурди хæццæ рацæугæ хайæг

Алли категори лæдæрун кæндзæнæн æма 2, 3 æма 4-ймаг категорийи дæнцæн ку раттон уæд дæнцæнтæн сæ дискурс исбæрæг кæндзинан. Аци анализи туххæй «АнтЦонц», зæгъгæ, програми хæццæ кустон æма уордигæй гъудиæдти корпусгонд анализ кодтон. 51 дигорон кадæнгемæй 44 кадæнги бафтудтон æма си корпус исрæвдзæ кодтон. Аци финстбæл еуæй еу хатт корпусæй скринсшот ес.

1. Категори: номи рази рацæугæ хайæг

Æгас кадæнгити æхсæн, цубур дзурд и 20 хатти номдари хæццæ æмбæлуй. Аци фæззинд фулдæр *Нарт* дзурди хæццæ æй:

Галеу контекст	хайæг и & ном	Рахез контекст
1.	<i>и нарт</i>	<i>сæ хæдзарæмæ иссудæнцæ</i>
2.	<i>и нарт</i>	<i>сæ «хуæздæр уон»-</i>
3. <i>уæдмæ ба</i>	<i>и нарт</i>	<i>еугурæй дæр ранæхстæр</i>
4. <i>син кодта алцæмæй дæр æма</i>	<i>и нарт</i>	<i>сæ уодæн нæбал</i>
5. <i>кæрæдземæ бакæсиуонцæ</i>	<i>и нарт,</i>	<i>аци уæлдай хай</i>
6. <i>етæ ба фæс-</i>	<i>и-нарт</i>	<i>хуæздæгæтмæ фæццудæнцæ.</i>
7.	<i>и нартæ</i>	<i>судæй мæлунцæ, нихæси</i>
8. <i>устур</i>	<i>и нартæ</i>	<i>исфæндæ кодтонцæ:</i>
9. <i>уотемæй</i>	<i>и нартæ</i>	<i>судæй мæлæтсæй раервазтæнцæ.</i>
10. <i>[...] мæгур бæнттæ фæйидтонцæ</i>	<i>и нартæ,</i>	<i>фал син гъомурун</i>

11. [...]	уомæ
æрифтудæнцæ	и нартæ.	Сирдон ба Субæлций
12. [...]	уæд ранæхстæр
унцæ,	и нартмæ	‘й æрхонунцæ.
13.	нихъхæрттæй [...]
Ацæмæз	и нартмæ,	куд ранæхстæр æнцæ,
14.		и нартæмæ	еу хабар ес:
	[...] бахæрттæй	и нартæмæ;	æрдзубандитæ кодта йин
	æхсæ-будай	и нартбæл	æстæмæй-астмæ
ниббадтæй.
	уазими фурт минги
Ацæмæз	и нартмæ	ниццæуы.

Таблицæ 1: Хайæг и æма Нарт*

6 хатти Нарт, 5 хатти Нартæ, 2 хатти Нартæмæ, 3 хатти Нартмæ æма еунаг хатт Нартбæл дзурди рази фæззиннуй. 4 хатти хайæг æма ном гъудиади идайуй. *Нарт*’æй уæлдай хайæг зиннуй ма æртæ номи хæццæ:

Галеу контекст	хайæг и & ном	Рахез контекст
1.	и стур нарти
аци фурт
ацæмæз	ранæхстæр
2. уæд	и сосланмæ	цæун ку байдæдтонцæ
3. [...] разæй цæуæг,	и уорс йелиа	ба æ алли фарс

Табло 2: Хайæг и æма нæмттæ

Нарти хузæн, Сослан дæр, Елиа дæр, Аци фурт Ацæмæз дæр æнkkæтæнзунд адæймæгти нæмттæ æнцæ. Цалдæр Гермайнаг æвзаги артикл номдари хæццæ æмбæлуй: *Æнæ* артикл ном финсун не ‘нгъезуй æма уæхæн артикл *проприал артикл* (proprial article) хуннуй. Дигорон æвзаги ба нæмттæ фулдæр æнæ и финсгæ æнцæ, уой туххæй проприал менеуæг имæ нæййес. Аци 20 дæнцæнмæ ку кæсæн, уæд исбæрæг æй, айдагъ æнkkæтæнзунд адæймæгти хæццæ ке æмбæлуй, уой. Хайæг æндæр æнkkæтæнзунд нæмтти хæццæ нæ рацæуй, дæнцæн и *Хуцау* зæгъун æгириддæр не ‘нгъезуй. Уой туххæй хайæг номи хæццæ ку рацæуа, уæд мæнмæ гæсгæ æ функцитæ

Фонси фиццаг разинд финсти ахсхан аци гъудиади хурфи аѳ:

(1) “Хонх уордаг занхæ лигъз къулдунтæ-къулдунтæ рахаста, уонæбæл ба еуæрдæгæй бæхæргъæуттæ ама гъогæргъæуттæ, халæ-нихсау, еѳи-еу æзмæлд кодтонцæ; иннæ фарсæй ба и листæг фонсæй дуйней бæститæ басау æнцæ ама дæрæз-бæрæз кодтонцæ.”

(Хамицати Т. & Биазæрти А. 1990: 280, 91)

Аци гъудиади фæсте фондс 5 хатти ма исæмбæлуи финсти, ама хайæги хæцæ ба ма еуæг хатт фембæлуи. Фал уæддæр нæбæл дискурси фиццаг хатт разинд аѳ ама уои туххæй уоци гъудиадæ аци категорийæн дæнцæн нæ ратдзæнæн.

Æндæр еу кадæнги æгас финсти ахсхан дзурд куй еуæг хатт æмбæлуи, ама уоци еуæг хатт ба хайæг и-йи хæцæ:

Target Corpus
Name: custom
Files: 44
Tokens: 35679

KWIC Plot File Cluster N-Gram Collocate Word Keyword
File Hits 1 File Types 396 File Tokens 748 File Name 124 Субалци ама Соппарти æртæ фурти.txt

субалци ама соппарти æртæ фурти

нæртæ адтæ зæрдæ уæргæй, нæртæ æмбæсæй мулхæй дæрт æмæдæмæй дæрт æдтæнцæ уæргæй, уосæ ба нæ куадта уæргæй, æ адтæ ка дæрт, йæтæ йæтæ сабæтæ мад æмбурд æртæнцæ æмæ йæтæ загтонцæ:
- уосæ рагорæ, уæргæй, кенæ ба æ 'уосæн хъæлмæ рандæ уодинæ!
уæргæй фæтæртæстæй æмæ æхæ уосæ куорнæл исæфтигъта, дуадæс баурадта фæдурæцæгътæуæтæй, дуадæй ба - кафæутæй, дуадæс - хæтæцæгътæуæтæй, дуадæй ба - кафæутæ, уотæмæй болат-хæмæнцæ рæнæстæстæ æй.
болат-хæмæнцæ ба адтæй тæрæбæлæбæдæг кигæ, уæргæй уои куорнтæ исæмдæ, бæннææвæрдæг болат-хæмæнцæ 'мæ, цуадæг адтæй, и кигæ нæ куадта уæргæй, æртæдæг нæмæ куæ фæцæуæн, зæгъгæ.
уæргæй æртæбæдæй 'мæ йæтæтæй æхæтæ кæтæнæ мæдæг, йæ 'мæбæтæ гъзæтæнцæ уоимæ, æхæдæг ба сæ æстæуæ бæдтæй 'мæ дини кинунтитæ кæстæй, æ æнæтæ кигæ бæдтæй æмæ йæтæ рæдурдæтæ:
- цæй фæидæттон (цæй фæидæттон) нæ хæцæтти хæдæртæй æхæдæг дæсгæ ба нæмæ фæидæттон: уæртæ кæтæнæ адæм гъзæтæнцæ, сæ æстæуæ ба еу æртæдæг æвæг бæдтæй æмæ дини кинунтитæ кæстæй!
бæдæг кигæ рæлæстæй къæрæзгæй, уæргæй æмæ кинунти тæгъæ фæхæхтæ, æмæ и кигæ фæстæмæ бæхæдæг, йæтæ фæидæг и кигæ бæртæстæ æ фæидæг, болат-хæмæнцæ, æз уотæмæй æддæр нæмæ æцæу, зæгъгæ.
уæргæй æнæ 'мæбæтæ фæидæгæдæн æнцæ 'мæ 'и уотæмæ ахæй-булæй æхæдæтæнцæ.
цæй йæтæ рæдурдæй, хуæу зонæй, æмæ и кигæ бæхæзæу æй, уæргæй æнæ бæнтæтæ ниймæу байдæтæ, йæ 'гъдæ ку 'хæртæтæй, уæд æн (хæртæбæдæг нæмæ куæдæг, æхæцæй фæстæмæ) æйгъдæг лæхæуæн, уæргæй æй æ уорæмæ дæмæгæтæн хæртæн батхæ, хуæдæй æн исæудæмæ лæхæуæ æдтæй, æмæ исæудæтæ:
- уæ хуæдæтæ мæхæ куæу! цæдæн æхæ бæхæуæ тогæ къæбæрæ фæста, уæдæн æн мæлæт куæ нæ уæ, уотæ!
нæмæ йæтæ исæудæтæ уæргæй æй фæртæ субæлци.
уæдæн æн субæлци рæлæстæ-мæлæт æй, æмæ йæтæ уæргæй ракуадта уосæ æхæ куæн бонини кигæ, субæлци рæдæй 'и кæуæрæ бæдтæ.
еу бон кæмæ адтæй, уоимæ уæргæй æ дуæдæй æсфæртæ рæлæстæ доннæ, уотæ рæгæтæ æ уæлæтæтæй æртæбæдæгæн соппарти æртæ фурти æмæ и дон ниймæуæн кодтонцæ, дуæдæй æсфæртæй фæидæгæмæ рæлæстæнцæ æмæ рæлæстæнцæ уæргæй.
уæргæй æн зæгътæ:
- мæ лæхæуæн æн æмæ ку адтæдæ, уæдæ дæсæстæ фæидæгæн кодтæдæ!
соппарти æртæ-фурти æмæ æртæдæгæн æмæ йæтæ æ рæгæтæй гæртæ растигътонцæ, æ уорæмæ ба йæтæ листæг къæхæтæ ниймæдæтæ.
уæргæй къæхæ-къæдæтæ бæдтæй сæ хæдæрæмæ.
и æхæдæгæ субæлци æртæхæртæй æмæ æ уæтæмæ бæдурдæтæ, æ уосæ йæтæ рæдурдæтæ:
- цæдæн æн дæрт æртæбæдæгæн, уæдæн æнæ бæдтæ!
йæ йæтæ бæдурдæтæ:
- æгæтæ æмæ æгъуæн æсфæртæ æхæдæг æстæуæн, хуæйæн куæдæ нæ ниймæдæтæ, æмæ мæлæт!
æсфæртæ ниймæуæнцæ кодтонцæ æмæ фæидæгæмæ рæлæстæнцæ, уотæдæг æмæ бæнтæстæуæ æй æмæ сæмæ исæудæтæ 'мæ фæртæ æн æмæ ку адтæдæ, уæдæ æнæ уæргæй фæидæгæн кодтæдæ! йæтæ йæтæ уæргæй бæдæртæнцæ æмæ йæтæ æ рæгæтæй гæртæ рæлæстæнцæ, сæмæдæгæ ба йæтæ æртæдæгæ æмæ, æмæ сæмæдæгæн æнæ 'стæуæн æдæн æнæ уæргæй фæидæгæн, уои æнæ ниймæуæнцæ кодтонцæ.
субæлци æ æхæдæгæтæ исæудæтæ фæстæмæ, æмæ æнæ йæтæ ниймæуæн æхæгæтæ 'мæ 'и, зæгъгæ, æмæ æ фæидæ уæргæй æнæ фæидæгæй æ бæхæл рæдæдтæй 'мæ рæдæй 'и соппарти æртæ фурти æртæ фæстæ.
йæтæ соппарти мæртæ уосæнцæ куæ исæудæтæ, уотæ субæлци æ сæмæгæ бæдæртæй æмæ æнæ зæгътæ:
- кæртæ æмæ фæидæй æнæ цæй гæртæ рæлæстæнцæ, уои æнæ рæдæтæ!
хæстæр дæртæй кæстæрæмæ:
- цæгæ æмæ 'и фæидæгæй кæстæр рæдæдтæй æмæ 'и сæмæдæгæй фæста, сæмæдæгæ субæлци æ æртæдæй сæри исæмбæдæгæй æмæ 'и еу бæлæсæмæ рæдæтæ, субæлци æ иуæртæй рæдæртæ и бæлæсæ, æхæдæг ба фæста соппарти кæстæр фурти 'мæ 'и фæтæмæуæн кодта.
хæстæр дæртæй æстæуæнцæ:
- цæгæтæй, æнæ рæдæгæ куæ нæмæ зæннæу!
æхæдæгæ рæдæдтæй æмæ, йæ 'рæдæй мæрдæй куæ рæдæтæ, уæдæгæ фæста субæлци, фæт æ æртæдæй сæри сæмбæдæгæй 'мæ 'и еу бæлæсæй рæхæдæтæ дæмæ, 'мæ 'и ниймæдæгæ фæста, субæлци бæлæсæбæл æ иуæртæй рæмæстæй 'мæ и бæлæсæй рæдæтæ, сæмæгæ 'рæдæгæтæ, фæ-йæтæ æ-йæтæ

Search Term ☒ Words ☐ Case ☐ Reges **Hit Location** 1 5

куй Start ☐ Adv Search

Progress 100%

Time taken (creating file view) 0.0209 ms

Хуæ 2: Корпусгонд анализ, кадæнгæ
Субалци ама Соппарти æртæ фурти

Xajæg u arf metəj zæhgæ frazi xəccsæ fɪnsgæ æj. Voj tuxxəj xajægi raxez farsbæl læygæ ajdah jey dzurdmæ nəj fal ægas frazæmæ kəsun hæyuj. Korpugond analizmæ ku kəsæn yæd met dɪksursi razdær dær ke rafɪnstə voj rajɪnæn:

Target Corpus
 Name: custom
 Files: 44
 Tokens: 35679

KWIC Plot File Cluster N-Gram Collocate Word Keyword
 File Hits 3 File Types 701 File Tokens 1587 File Name 127.NARTU SAY ROBAC.txt

нарту сау робас
 устур и нартæ исфæндæ кодтонцæ: «фæгуæ сог содун нæбæл фæразæн, нур ба исон уæлбонн скоди тæгæри тæлæтæммæ толдæ: сог ласунмæ ка нæ фæццæу, е
 сæвæл фæгуæд»
 сæвæл дæлгæл синни фæдæуæг сæвæл, уæллаг синни фæдæуæг ба тæрæзон сæвæл фæгуæгцæрд кодтонцæ.
 нартæ рæнхæстæв æнцæ тæгæри тæлæтæммæ, сог æрцæттæ кодтонцæ, хæссæвæ сæвæл уæрдун бурæу æркодтонцæ æмæ сæвæл зæйтти нууардта, æлæ æлæ
 14. Ордæмæти бæлцæ æмæ Сæт
 18. Нартæ Сатанæ æмæ Ордæмæ
 19. Уонæй зарбт
 20. Нæ фæснæ Сатанæ зарбт
 21. Нартæ нæуæр фæнтæлæт
 26. Уорæзмæ æмæ йæ «нæнон»
 27. Нартæ Уорæзмæ æмæ уæлбун
 30. Сослан ссæ-дæрæй иууардт
 31. Сослан æмæ Сæрдон иууардт
 32. Ссæ-дæрæй иууардт нартæ
 34. ОРЕЗМЕТИ БОРДÆТАЕ КУ
 35. Сослан Ордæмæти куд фæ
 45. ГОРИ ВЕДАРИ ХÆССÆДÆ
 48. СОСЛАН-ÆМÆ НАРТУ ЦАД
 49. ЗИНОДНИ ЦАДÆ-хт
 51. НАРТУ СОСЛАН УОДÆГАС
 52. СОСЛАН МЕЛЕТÆМ АС
 55. СОСЛАН-МÆРДÆТАЕ КИ
 64. Сæрдон уонæй зарбт
 67. СИРДОН-ÆМÆ ХÆССИРИ КИ
 74. БАТРАЗИ РАЙУРÆН-хт
 82. Батра нарту ууттæриууардт
 86. НАРТУ УАЦИДМОНГ-хт
 89. Нартæ æз хæуæдæ-бæл дæ
 91. НАРТУ СИНОДт
 102. ХÆМИЦА ФУРТ БАТРАЗИ
 106. НАСИРАН-ИДЛАД-хт
 107. НАРТУ АЦЕМÆЗИ ЗАР-хт
 108. Уæн фæрт зарбт
 109. Нартæ хæстæв Уæнни ф
 110. АЦИ ФУРТ МИНЧТИ АЦЕ
 111. АЦИ ФУРТ МИНЧТИ АЦЕ
 114. Борæтæ æмæ Хæсвæртæ
 117. НАКАРИ ФУРТ ХÆССÆ-БУ
 118. АЦЕМÆ ФУРТ МИНЧТИ
 121. ДОДÆМÆТИ ФУРТ ЕРЦÆЦ
 124. Сулбæни æмæ Сотпарæ
 126. КВАНДЗИ ФУРТ СÆУА
 127. НАРИН-САУ РОБАС-хт
 128. СОСЛАН-ÆМÆ СÆРИ-хт
 131. СОСЛАН ТÆЛÆРТИ АРТ

нарту сау робас
 устур и нартæ исфæндæ кодтонцæ: «фæгуæ сог содун нæбæл фæразæн, нур ба исон уæлбонн скоди тæгæри тæлæтæммæ толдæ: сог ласунмæ ка нæ фæццæу, е
 сæвæл фæгуæд»
 сæвæл дæлгæл синни фæдæуæг сæвæл, уæллаг синни фæдæуæг ба тæрæзон сæвæл фæгуæгцæрд кодтонцæ.
 нартæ рæнхæстæв æнцæ тæгæри тæлæтæммæ, сог æрцæттæ кодтонцæ, хæссæвæ сæвæл уæрдун бурæу æркодтонцæ æмæ сæвæл зæйтти нууардта, æлæ æлæ
 14. Ордæмæти бæлцæ æмæ Сæт
 18. Нартæ Сатанæ æмæ Ордæмæ
 19. Уонæй зарбт
 20. Нæ фæснæ Сатанæ зарбт
 21. Нартæ нæуæр фæнтæлæт
 26. Уорæзмæ æмæ йæ «нæнон»
 27. Нартæ Уорæзмæ æмæ уæлбун
 30. Сослан ссæ-дæрæй иууардт
 31. Сослан æмæ Сæрдон иууардт
 32. Ссæ-дæрæй иууардт нартæ
 34. ОРЕЗМЕТИ БОРДÆТАЕ КУ
 35. Сослан Ордæмæти куд фæ
 45. ГОРИ ВЕДАРИ ХÆССÆДÆ
 48. СОСЛАН-ÆМÆ НАРТУ ЦАД
 49. ЗИНОДНИ ЦАДÆ-хт
 51. НАРТУ СОСЛАН УОДÆГАС
 52. СОСЛАН МЕЛЕТÆМ АС
 55. СОСЛАН-МÆРДÆТАЕ КИ
 64. Сæрдон уонæй зарбт
 67. СИРДОН-ÆМÆ ХÆССИРИ КИ
 74. БАТРАЗИ РАЙУРÆН-хт
 82. Батра нарту ууттæриууардт
 86. НАРТУ УАЦИДМОНГ-хт
 89. Нартæ æз хæуæдæ-бæл дæ
 91. НАРТУ СИНОДт
 102. ХÆМИЦА ФУРТ БАТРАЗИ
 106. НАСИРАН-ИДЛАД-хт
 107. НАРТУ АЦЕМÆЗИ ЗАР-хт
 108. Уæн фæрт зарбт
 109. Нартæ хæстæв Уæнни ф
 110. АЦИ ФУРТ МИНЧТИ АЦЕ
 111. АЦИ ФУРТ МИНЧТИ АЦЕ
 114. Борæтæ æмæ Хæсвæртæ
 117. НАКАРИ ФУРТ ХÆССÆ-БУ
 118. АЦЕМÆ ФУРТ МИНЧТИ
 121. ДОДÆМÆТИ ФУРТ ЕРЦÆЦ
 124. Сулбæни æмæ Сотпарæ
 126. КВАНДЗИ ФУРТ СÆУА
 127. НАРИН-САУ РОБАС-хт
 128. СОСЛАН-ÆМÆ СÆРИ-хт
 131. СОСЛАН ТÆЛÆРТИ АРТ

Search Term Words Case Regex Hit Location
 мæ* Start Adv Search

Progress 100%

Time taken (creating file view) 0.0259 ms

Xuzæ 3.2: Korpugond analiz, Kadængæ Nartu say robas

Diskursi met, xajægi xəccsæ racudi razdær jey xatt zinnuj:

(3) “*Æхсæвæ сæхæбæл уæрдун бурæу æркодтонцæ æмæ сæвæл зæйтти мет нууардта.*”

(Хамицати Т., Биазæрти А. 1990: 395, 127)

Аци разинди фæстæ æ кой нæуæгæй ку рацæуй уæд хайæгæ хæццæ фæууй.

Дуккаг категорийи фиццаг дууæ дæнцæн дискурси фиццаг хатт ци зиннуй, уæхæн дзурди хæццæ рацæугæ хайæг

бавдесунцæ. Уæхæн позицыйи хайæги медес бæлвурдгæнæн нæййес, уомæн æма дискурси анафорикон позицыйи рацæугæ дзурди хæццæ ку æрцæуидæ (3-аг æма 4-ймаг категори), уæд бæлвурдгæнæн уидæ. Кæд нæуæг дзурди хæццæ ку рацæуи уæд дзорæг еци дзурд базонун кæнунмæ æма еци дзурди дискурси туххæй сæрустур ке æй, уой лæдæрун кæнунмæ гъавуй. Æндæр естæбæл ке нæ фæццæуи дзубанди, фал аци номдари туххæй, уой æвдесæг фæуи. Зæгъæн, естæбæл кенæ ескабæл ку нæ фæццæуи дзубанди, æма уæддæр номдари хæццæ ку рацæуа аци хайæг, уæд уой æвдесæг фæуи æма “ка/ци зонис, уой” хузæн ахедундзийнадæ (meaning) лæдæрун гъавуй.

3. *Категори: ассоциативон-анафорикон (associative anaphoric) дзурди хæццæ рацæугæ хайæг*

Номдар хайæг *и*-йи хæццæ ку фембæлуй æма еци æмбæлди размæ аци номдар дискурси еу кенæ фулдæр хатт æндæр хузон форми ку фæуи, уæд е хуннуй ассоциативон-анафорикон (associative anaphoric) номдар. Дæнцæн:

(4) *Етæ аласай раластонцæ, ра ‘й кæдзос кодтонца ‘ма загътонцæ сæ мадаен, аласабæл нин-еу кæрдзин рахæссæ, мах хуасæ кæрдунмæ цæуæн, зæгъгæ.*

И уосæ бездахтæй, æма син фæйна уæраси гæбæти, ‘ма син фæйна æхсæз кæрдзини фæххаста.

(Хамицати Т. , Биазæрти А. 1990: 86, 6)

Фиццаг *сæ мада*-бæл цæуи финст, уой фæсте ба *и уосæ*-бæл. Ами *мада* æма *уосæ* еу адæймаг æвдесунцæ. Уой туххæй ассоциативон-анафорикон дискурс æй. Номдари æндæр формæ нæ, фал минеуæгони хæццæ дæр ассоциативон-анафорикон дискурстæ ес. Дæнцæн:

(5) *“Донбеттирæн æ хестæр кизгæ сæйгæ кæнуй, æма уой фæрсæг адтан, – зæгъгæ.*

Æхсæртæг æхе медамæ баласта, ку ‘й фæййининæ и сæйги, зæгъгæ.”

(Хамицати Т. , Биазæрти А. 1990: 84, 5)

Аци дәнцәни фиццагидәр Донбеттирән кизги хабар цауй ама сәйгә ке кәнуй, уоци хабар игъосун кәнунцә. Уой фәсте сәйги хабар ку рацауй, уәд бәрәг әй: и сәйгә әй Донбеттирән ә хестәр кизгә.

Аци дәнцәнти хузән ассоциативон-анафорикон номдар хъәбәр арәх зиннуй кадәнгити ама хайәги медес (function) ами бәлвурдгәнәг хайәги функцийи хузән әй. Фал фулдәр дәнцәнтәмә кәсгә структурә уинун әнгъезуй: гъудиadi сәйрат (subject) иннә гъудиadi сәйрати хәццә әмхузон ку нә уа, дәнцән фиццәг гъудиadi сәйрат адтәй ама иннә гъудиadi объект әй, уәд хайәг и финсун гъәуй:

(6) *Орузмәг нәмуй ә уарзон бәхи; дәргъцәй, уәрхцәй архайуй, фал бәх не 'нкъусуй. Акула-рәсугъд кәсуй къәразәй; дес, тәмәстә кәнуй и зәронд ләгбәл.*

(Хамицати Т. , Бязьрти А. 1990: 280, 91)

Уой туххәй хайәг аци позицибәл дәр бәлвурдгәнән артикли хузән нәй. Фулдәр дискурсон хайәг әй ама темә әйевунгәнәг хайәг әй.

4. *Категори: бәлвурд-анафорикон (direct anaphoric) дзурди хәццә рацаугә хайәг*

Фәстаг категори ассоциативон-анафорикон категорийи хузән номдармә гәсгә әй. Номдар фиццәг гъудиadi финсгә куд адтәй, дуккаг гъудиadi дәр гъе уотә финсгә ку уа, уәд фәххуннуй бәлвурд-анафорикон (direct anaphoric) категори. Тәккә фулдәр дәнцәнтә аци категорийи иссерун ес:

(7) *Цотә ама ухст сурх-зинг искәнтә ама ин уой е 'скъелти исцәветә! И ухст ә уәрагисәрәй ку искәсә ама ку нә фезмәла, уәд рамардәй, әндәра ми уой рамәләт нә баруагәс уодзәнәй.*

(Хамицати Т. , Биазьрти А. 1990: 179, 45)

Әртиккаг категорийи хайәги хузән аци категорийи хайәги дәр фулдәр сәйрати хабармә гәсгә сәйраг иннә

гъудиади объекти позиции ку уа, кенæ 7-аг дæнцæни хузæн объект ку уа, уæдта сæйрат ку уа, уæд æй финсун гъæуй:

(8) Уоци рæстæги арви цъæхти Хуцау хой бæргæ æрбауадзуй.

Нарти Сатана, æ цæстисугтæ цæппозурæй æгъзалгæй, и хоймæ ку сдзоруй:

Æ уæлæ хой, дæ хуарзæнхæ мæ тухгин ку гъæуй.

Нартæ мæ уодагасæй майрæнбони зиндони ку гæлдздзæнæнцæ,

Уæ, корун ди, уæлæ хой, æма мин хабархæссæг фæууо Сосланмæ, – зæгъгæ.

Уæд и гиаур хой Сатанамæ фæстæмæ ку ‘рхъуахъ кæнуй: [...]

Фуддæр фудтæ дæр ма дин ку уинина», – зæгъгæ.

Уæд и хойиу Сатана ку ралгъетуй:

(Хамицати Т. , Биазæрти А. 1990: 193, 49)

Аци категоримæ кæсгæ хайæги функци исбæрæг æй, æма нæ бон æй хайæг *и* айдагъ номдар исбæлвурдгæнæн нæ, фал дискурсгонд номдар бæлвурд гæнæн хайæг (discourse particle) хонун.

Хатдзæг (Conclusuon)

Хайæгæн дууæ функцийи ес: фиццаг нисанеуæг (function) теми хайæги функци (function) æй, иннæ ба бæлвурдгæнæн хайæги функци (function) æй. Теми хайæги функци (function) атæ лæдæрун гъæуй: дискурси ести дзурд ку финса æма фæстæдæр уоци дзурд нæуæгæй ку рацæуа, уæд фиццаг хатт рацæугæ дзурд нæуæгæй бæрæг кæнунмæ рацæуй. Аци бæрæгкæнундзийнадæ бæлвурдгæнæн дзурди хузæн æй, фал æндæр æвзæгути бæлвурдгæнæн артиклти хæццæ ку барæн, уæд артикл ке нæй, е бæрæг æй. Æндæр уавæри ба бæлвурд æвдесæг хайæг æй, æма дискурси раздæр ести номдар ку рацæуй, уæд уоци номдари хæццæ æрцæуй æма ‘й бæлвурд кæнуй.

Испайдагонд литература

1. *Исаев М.И.* Дигорский диалект осетинского языка. М.: Наука, 1966.
2. *Таказов Ф.М.* Учебник осетинского языка для невладеющих. Владикавказ, 2007.
3. *Таказов Ф.М.* Дигорон-Уруссаг Дзурдуат. 30 мин дзурдемаæ хæстæг. Дзæуæгигъæу: Аланистон, 2003.
4. *Хамицаева Т.А., Бязыров А.Х.* Нарты. М.: Наука, 1990.

В.В. Миндзаева
г. Владикавказ, Россия

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДИГОРЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

«...Язык обладает колоссальной центробежной энергией, сообщаемой ему его временным потенциалом – то есть всем лежащим впереди временем. И потенциал этот определяется не столько количественным составом нации, на нем говорящем, хотя и этим тоже, сколько качеством стихотворения, на нем сочиняемого. Достаточно вспомнить авторов греческой или римской античности, достаточно вспомнить Данте. Создаваемое сегодня по-русски или по-английски, например, гарантирует существование этих языков в течение следующего тысячелетия. Поэт... есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он – тот, кем язык жив. Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны, и на котором вы их читаете, останется. Не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации...» Такое определение континуума «язык, время, поэт» Иосифа Бродского вселяет уверенность в том, что создаваемая сегодня поэзия на дигорском – верное средство сохранения языка в течение, если не тысячелетия (учитывая, все-таки, влияние такого фактора, как количественный состав нации), то, во всяком случае, ближайших сотен лет.

Устное народное творчество, создававшееся веками, затем первое опубликованное (в 1898 году) художественное произведение Блашка Гурджибети, творчество двух других «отцов» дигорской поэзии Созура Баграева и Георгия Малиева, их последователей... Логическое продолжение этого процесса, то есть многовекового опыта поэтического твор-

чества на дигорском языке – современная дигорязычная поэзия, которую представляют имена ушедших: Таймураз Тетцоев, Васо Малиев, Александр Рамонов, Оскар Гибизов, Юрий Габеев, Виктор Гетоев, Ехйа Хидиров, Цараг Тобоев, а также имена ныне здравствующих...

Творческие пути никогда не бывают легкими. Дорога в художественную литературу тем, кто писал на дигорском языке, всегда была усыпана дополнительными трудно преодолимыми сложностями.

Что такое современная дигорская поэзия? Какие вопросы она ставит? О чем предлагает порассуждать читателю, как соавтору? Каково участие поэтов в сегодняшних процессах? Какую реальность они отражают, какое будущее «программируют»? Как они чувствуют, ощущают ритмы, пульс мироздания? Как сегодня звучит поэзия на дигорском языке, или, как звучит дигорский язык в поэзии? Другими словами, что извлекает поэт из стихии родного языка, что «улавливают» его «чувствительные антенны», какие ритмы, вибрации, энергетику, и какую гармонию из всего этого он создает, что транслирует в мир?

В связи с вопросом об основных тенденциях дигорязычной поэзии представляется важным одно обстоятельство. Языковая среда, в которой представители старшего поколения современных поэтов росли, была совершенно иной. Конечно, они получали образование на русском языке, но все же дигорский в их жизни присутствовал в полной мере: формировал их сознание, мышление, оказывал влияние на когнитивные и, соответственно, творческие способности. Не повезло им в другом – в сложившейся вокруг языка политике. Но это другая история. Воспитание же, образование, формирование личности, развитие творческих способностей младших происходило уже в других условиях, под гораздо большим влиянием русского языка и гораздо меньшим – родного, материнского (в контексте не только

школьной программы, но и общения в семье, со сверстниками и т.д.).

И тем удивительнее тот факт, что сегодня в молодых людях, пусть редко, но рождается этот импульс, и у них возникает желание творить на дигорском, несмотря на то, что они никогда его не изучали, иногда даже не знакомы с литературой на нём. Это не обо всех, естественно. Возможно, это то же самое явление, те же процессы, которые много веков назад побуждали людей искать формы выражения чувств, формы постижения и передачи последующим поколениям жизненной мудрости в виде песен, легенд, сказаний, сказок, пословиц, поговорок... Впрочем, это можно объяснить понятием «искурдиадæ».

Поэтический потенциал дигорского языка безграничен. Во-первых, замечательная, сама по себе музыкальная, фонетика, обширная лексика, интереснейшая семантика, образность, во-вторых, колоссальная по значимости, по уровню поэтическая база, в-третьих, высокий уровень советской школы, связанные с ней широкие возможности знакомства с выдающейся мировой культурой (разумеется, упоминание советского образования в данном случае имеет отношение только к старшему поколению современных поэтов; у младших в этом смысле другие возможности). Несомненно, все эти факторы – объяснение тому, что сегодня мы имеем высокого уровня дигорскую поэзию со своим почерком, своей индивидуальностью, отвечающую самым высоким требованиям. Другими словами, современная дигороязычная поэзия, – являясь «наследницей» всей предшествовавшей ей дигорской поэтики, конечно, несет на себе ее печать, ее влияние, и, разумеется, вносит что-то свое, новое, сообразно новым реалиям.

А новые реалии, действительно, как писала Анна Ахматова в своем цикле «Северные элегии» – «зрелища невиданные». Происходит невероятное ускорение всех процессов...

Рушатся старые каноны, формируются новые. На этих границах, в такой реальности и создается современная культура, и поэзия, как часть этой культуры.

Темы – те же, что волнуют и будут волновать человечество всегда: жизнь и смерть, место человека в мире, мир и война, поэзия, множество и разнообразие миров, их взаимосвязи, человек и природа и др. Каждый поэт «пропускает» жизненный опыт сквозь призму собственного темперамента, характера, миропонимания и, соответственно, по-своему выражает чаяния определенной части своего народа, способствуя, таким образом, сохранению национального самосознания.

Конечно, есть отличие поэзии сегодняшней. Раньше более суровые условия жизни диктовали соответствующую поэтику: на первом плане всегда было национальное, общественное. С этим было связано даже личное переживание. Процессы последних десятилетий не могли не повлиять на поэзию. Она уже более смелая в самовыражении – сегодня другая эпоха. Основная тенденция, которую можно наблюдать среди всех современных авторов – это индивидуализация, поиски внутри себя и через свое внутреннее – познание окружающей действительности.

*«Мае уалдзаеги цонгбаел – гелаботæ,
Мае фæззаеги уæрагбаел – халон.
Мае гъæбеси – мард сæнтти дзыккотæ,
Игон арми – тæифсагæ фæсмон...»*

*...
Мае фæсте – æнахур размæнсонæг,
Мае разæй – фæстæтæри аууон...
Нæбал ес æрлаууни рæуонæ,
Нæбал ес райампъези æфсон...»*

«Тупик, цейтнот» – так описывает состояние рефлексии лирического героя стихотворения поэт Руслан Бабочиев. «За мной – тот, кто толкает меня вперед, передо мной – тень

того, кто тащит меня назад. И нет причины остановиться, и нет повода сделать шаг». «Здесь и сейчас», – миг для осознания всей глубины мироздания.

«Сонти бонтәй ци ма ес?
 Дон сә фәлласта.
 Ма бәллецтә – цәмаедес?..
 Маргъ сә фәххаста.
 Зуст әнсудәй, тухтәрәй
 Састән, басастән.
 Рохс дуйнейән ә дуарәй
 Уотид бакастән.
 Неци зонун йә адән
 Нурмәдәр цардән,
 Куд цардтән ‘ма ци цардтән.
 Уогә ба, цардтән?!»

«Я всего лишь заглянул за дверь «света белого». И до сих пор не знаю вкуса жизни, как и чем я жил... А жил ли вообще?» – вопрошает герой стихотворения Амурхана Кибирова.

Большое место в современной дигорязычной поэзии занимает тема любви к родному языку, переживания о его состоянии, о сложности ситуации, связанной с этой «болезненной» на сегодняшний день темой.

«Ду – цъай – дә әнәбун.
 Ци рәсог әй дә дон,-
 Айдәнау си зиннун.
 Сәрәй есгә дә ‘ма
 Дәләуәзи ахедгә».

О неисчерпаемости бездонного колодца родного языка эти строки стихотворения Амурхана Кибирова «Дигорон әвзаг».

Разными голосами, разными образами выражали и выражают свое отношение к непростой ситуации, в котором находится дигорский язык, современные поэты.

*«'Ма куд баййевон абони
 Аендær æвзагбæл не 'взаг,
 Ма минкыйй фуртаен æ коми
 Куд æрлух каенон е 'взаг?!»*

Так выражал свою боль за судьбу родного дигорского языка Ехйа Хидиров.

*«Хуцау, дæ хатирæй, ма фарст корун æй –
 Ес ма дигоронау барæ дзорунæй?!»*

Просьба-вопрос к Всевышнему поэта Эльбруса Скодтаева: «У меня есть право говорить на дигорском?!»

*«Æз æвæдзи нурма нæ райгурдтæн,
 Æрзилдæй мабæл кæд замана, –
 Пахампарти финсти гоби мур дæн,
 Къуæтти ма 'й Задæлески Нана?*

...

*Дигорон дзурд нийдæдта кæунтæ,
 'Ма фегъал æй, бецал, æ уæлвæд...
 Е уидта, цæветтонгæ, фудфунтæ, –
 Æрдзæ-æрдзи æгас æрцæуæд!..»*

«Я, наверное, еще не родилось, или, может быть, я – немой звук в писаниях пророков», – само дигорское слово в стихотворении Казбека Мамукаева («Монолог дигорского слова») «плача, просыпается от кошмарного сна»...

Еще один «сон»...

*«Арви колдуар рæстæгмæ фегон æй,
 Фæууидтон æндær цард æхсицгонæн:*

...

*Уарзт æносон иссæй сенæййевдзи,
 Æриздахтæй фæстæмæ ПОЭЗИ...»*

В этом чудесном, радостном сне лирического героя в стихотворении Виталия Колиева («Фун») на миг приоткрылась небесная дверь, и свершилась мечта ПОЭТА – любовь

на земле стала вечной, и вернулась ПОЭЗИЯ... Такую реальность «программирует» для нас, читателей, поэт.

*«Рахаудтаен.
 Бахаудтаен арти.
 Басугьдтаен.
 Аз загьтон, –
 Рамардтаен.
 Аз ба райгурдтаен.»*

«Я упал. Упал в огонь. Сгорел. Я думал, что умер. Оказалось, родился». Творчество молодого поэта Сослана Гегкиева вселяет уверенность, что у старшего поколения поэтов появляются достойные преемники, и это лишнее подтверждение тому, что поэзия на дигорском языке продолжает жить и развиваться.

Музыка современного лирического стиха на дигорском языке часто напоминает музыку стихов Георгия Малиева.

*«Фæббунæй унцæ мæ фæндтæ,
 Архунæй мæлун, – ци фæдтæ?!
 Мæ фунæй уинун дæ фæдтæ,
 Агæр уарзун дæ, æгæр!
 Нæ мин æй зин дæ æфхуæрдæ,
 «Еминæй» уæддæр дæ зæрди
 Кæмидаер ке дæн æвæрди, -
 Е мин бон кæнуй ме 'зæр».*

Накал чувств, мощь страсти бушует в сердце лирического героя в стихотворении Эльбруса Скодтаева «Умираю от тоски». Тоска по ушедшей и любовь к ней настолько сильны, что он с благодарностью готов принимать от любимой любые чувства, даже самой негативной окраски.

*«...Æгъзæлуй росæй мæ базмæ
 Мæ цæстисуг гæр-гæрæй,
 Эх, баба, дæуæн дæ размæ
 Нур рабадæ изæрæй!..»*

Пожилой отец, сидящий возле печи вечером и тоскующий по сыну, и сын, живущий вдали от родного очага и проливающий слезы на подушку от тоски по отцу – такая картина видится читателю в стихотворении Федара Хохова, хотя о чувствах отца в этих строках ничего не сказано.

*«...Раст цума æвзонг зæрдæбæл
Исæмбалдаей уарзти уадæ –
Æригон кизгæ зæлдæбæл
Фæццæйуадæй бæгъæмбадаей...»*

Легкий ветер любви, коснувшийся молодого сердца юноши от увиденной картинки – девушка босиком бежала по траве. Мелодика строк этого раннего стихотворения Царага Тобоева вызывает ощущение воздушности, радости.

В жанре пейзажной лирики написано следующее стихотворение.

*«И мудибиндзæбæл
Деденæги къос
Æруадæй. Риндзæбæл
Раст цума – кизгæбæл
Æрдаудта æ рос.*

*Е ‘мдзæвгæ гув-гувæй
Рæвдудта мæ гъос...
Уæхæн уарзтивулди,
Фурбоц мудивдудлаей,
Бацæрæ æнос!..»*

Жужжание пчелы, «занявшей» «миску» цветка, – как стихотворение о разлитой в природе любви, «сочиненное» самой природой, – такими образами поэт Энвер Хохов доносит до нас голос природы, ее поэзию («Разлив любви»).

...У Марселя Пруста в романе «В сторону Свана» в его размышлениях о литературе, литературном акте есть фраза:

«... не нужно бояться зайти слишком далеко, потому что истина всегда ещё дальше...» Эти строки, несомненно, можно отнести к поэзии Оскара Гибизова, имя которого, к счастью, сегодня хорошо известно любителям поэзии, и к творчеству еще одного уникального, но малоизвестного поэта Юрия Габеева. К сожалению, им обоим выпала трагическая судьба, и, кто знает, возможно это и есть цена, которую приходится платить за стремление «зайти слишком далеко»... Однако желание постичь, стремление к пониманию этой поэзии поднимает читателя на новую высоту самосознания, мироощущения, выводит за рамки привычного восприятия реальности и себя самого в ней...

«Ду – туасæ мæ уорс сæнтти голлаг,
Ду – фест нерв фун-айдæни дæндаги.
Сурх сиппа – уорс тæлæнти зæнгти хсæн.
Мæ дзурди растæвдесæг æхснирст дæ.
Мæ зæрди гæмæх сæрбæл (æууæндæ!) –
Æрмастдæр дæубæл мæти къуар гъуни,
Æмдзæвги сæрвасæнæй кæдфæнди
Рафасун æз уони. Цъух-уæрдун
Фæлласун дæ гъости гуратæмæ
Дæндæгути цæлхнадбæл хуар-дзурдтæ:
«Рагæй бæллун... фембæлæн. Курдæмæ
Æрбацауон? Мæ хæцца æмзунд дæ?»

«Оскар принес в дигорскую поэзию такие новшества, о которых до тех пор мы не то что не знали, но даже не предполагали о таковых», – писал в предисловии к сборнику стихов О. Гибизова «Слезы солнца» составитель Виталий Колиев. Невероятные, непривычные образы в этом стихотворении – тому подтверждение: «шило в мешке моих светлых грез», «нерв оголенный в зубе моего сна-зеркала», «во рту-телеге по шоссе зубов везу в амбары твоих ушей урожай слов»...

«Дæ ми дзиуарбæл
 ‘Зæдфæдзæхст:
 Сæуми дуарбæл
 Уæд дæ «дзæхст».

Дæ хъор фунти –
 Дæггæл – узт дæ.
 Дæ хор тунти –
 Дæ фæлустæ.

Исуæд мадæн
 Цæст-тавд æма
 Изæдбадæн
 Дæ авдæнæ.

Амонд де ‘нцуд –
 Дæ цъæхбæл.
 Дæ фæббенцъу –
 Ертæхбæл».

Трудно понять после первого прочтения эти строки (не самые сложные в стихах Юрика Габеева), но до понимания они привлекают внимание совершенно непривычным, необычным сочетанием образов, звуков, чем-то еще неуловимым, «зашифрованным» между строк, возможно – и между букв. Может быть, это «закодированное» пожелание своему ребенку счастья «от самой люльки», покровительства ему (или ей?) ангелов?..

На дигорском языке прекрасно звучит русская и зарубежная – западная и восточная – поэзия.

Есть замечательная поэзия на дигорском для детей, но, к большому сожалению, детских книг издается очень мало.

Пробуют писать стихи на дигорском наши соплеменники за рубежом, в частности, родившиеся в Турции. Они не

имели возможности изучать дигорскую литературу, не очень свободно владеют языком, но, тем не менее, в них рождается желание выразить себя на родном дигорском, иногда довольно успешно.

Стихи подающих надежды молодых талантливых авторов Ланы Шавлоховой, Азамата Канукова – тоже лишнее подтверждение тому, что язык дигорский жив, независимо от политических, общественных коллизий по поводу его судьбы.

Одним словом, о перспективах развития современной дигорской поэзии можно с уверенностью сказать, что общий уровень поэтической культуры на языке высок, и это вселяет надежду и уверенность в долгой жизни дигорского языка, поскольку поэзия в этом процессе – наиважнейший инструмент.

*Кабло Джабаг
г. Йена, Германия*

ДИГОРЦЫ В СИРИИ

Это исследование направлено на изучение реальности Осетин Дигорцев с момента их прибытия в Сирию вместе с остальными беженцами с Северного Кавказа после окончания Кавказской войны в России в 1864 году до настоящего времени. Это было сделано путем предоставления дигорским семьям, прибывшим в Сирию, мест, в которых им было дано жить и, их отношениям с остальными кавказскими группами, вместе с которыми они приехали, арабскую общину, в которой они должны были жить, бизнесу, которым они занимались, и насколько они сохранили свою этническую идентичность и свои отношения с Родиной.

Ключевые слова: Осетины, Дигорцы, Русская кавказская война, аль-Джолан, аль-Кунейтра, Бойдан, Дамаск, Алеппо.

С окончанием Русско-Кавказской войны 21 мая 1864 г, продолжавшаяся почти сто лет, началась массовая компания по переселению народов Северного Кавказа с их исконных мест на земли Османской империи. Хотя наибольшее количество вынужденных переселенцев было из адыгов, со своими разными племенами, Однако процесс перемещения затронул и другие народы, такие как Дагестан, Чечня, Ингуши, Карачай и Осетин.

Вначале отметим, что, несмотря на то, что существует множество книг и исследований, опубликованных на тему вытеснения кавказцев с их исконной родины со времен царизма, исследования вытеснения Осетин незначительны, и это создает много трудностей для тех, кто хочет исследовать эту тему¹. Это касалось и всех перемещенных лиц с Кавка-

¹ Чочиев Г.В. Осетины на Ближнем Востоке: Поселение, адаптация, этносоциальная эволюция (краткий очерк) // Известия СОИГСИ. №4. 2010. С. 48-66.

за, они были известны в документах Османской империи и в отчетах европейских консулов, которые отправляли отчеты в свои посольства о прибытии этих перемещенных лиц в османские порты в восточное Средиземноморье (Бейрут, Акко, Триполи, Латакия) под названием «черкесы» Независимо от национальной принадлежности на Северном Кавказе, и это увеличивает сложность исследования, так как мы не находим в этих разных источниках название «Осетин», но перемещенные лица отличались друг от друга в зависимости от их принадлежности, и члены каждой этнической группы часто собирались друг с другом. В городе Аль-Кунейтра, который был самым большим скоплением кавказских иммигрантов на аль-Джолане, был черкесский квартал и еще один район Дагестана, так что была одна черкесская мечеть и еще одна – для Дагестана. То же самое происходило в деревнях, которые часто делились как минимум на две части в зависимости по племенной или этнической принадлежности, для тех, кто там живет. В деревне Бир Аджам, например, был район для кабардинцев, а другой для абадзехов, а в деревне аль-Мансура был район для абадзехов, а другой для бжедугов, и так далее.

Что касается осетин, из-за очень небольшого числа перемещенных лиц они были распределены по разным местам в зависимости от того, каким путем они прибыли в Сирию, как это будет рассмотрено позже.

Я не хочу здесь вдаваться в подробности войны и обсуждаемые в российском руководстве планы относительно того, как следует относиться к северокавказцам по окончании войны. В конце концов возобладало мнение о переселении на земли Османской империи. Была начата крупная кампания по сбору большого числа жителей северо-западного Кавказа на побережье Черного моря, для подготовки их к переселению на Балканы. Этим людям приходилось подолгу ждать

на этих побережьях без какого-либо укрытия и без достаточного количества еды и одежды, чтобы защитить себе от холода, что привело к распространению среди них болезней, а затем и к смерти большого числа из них². Тем, кто выжил и добрался до Балкан, и особенно Болгарии, пришлось вступить в столкновение с местным населением, которое все чаще жаловалось на этих прибывших, чтобы удовлетворить свои потребности в еде и одежде. Те, кто выжил и достиг Балкан, и в частности Болгарии, были вынуждены вступить в столкновение с местным населением, чьи жалобы увеличивались в отношении этих пришельцев, которые, чтобы удовлетворить свои потребности в еде и одежде, начали нападать на местное население. Это побудило российское царское правительство оказать давление на Османскую империю с целью переселить их на свои азиатские земли. И здесь началась новая кампания перемещения, на этот раз в сторону восточного Средиземноморья³. Здесь возобновилась трагедия, описание которой мы находим в различных дипломатических отчетах. В некоторых из этих отчетов говорится о затоплении кораблей в водах Средиземного моря и потоплении всех перемещенных лиц, которые находились в них, а в других отчетах говорится о состоянии крайней нищеты, в которой находились эти перемещенные лица, когда они прибыли в Бейрут. Власти, в некоторых портах отказались разрешить перемещенным лицам высадиться на берег, вынудив суда, перевозящие их, перейти в другие порты, что усугубило страдания этих перемещенных лиц⁴.

² Абрамов Я. Кавказские горцы / Пер. Ратеб Стасс, Зухди Стасс; Публикации Комитета по культуре Черкесской благотворительной ассоциации. Дамаск, без даты. С. 23-24.

³ Richmond, Walter : The Circassian Genocide. Rutgers University Press, New Brunswick . New Jersey and London. 2013. P 114.

⁴ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первой половина XX века). Москва: ИВ РАН, 2001. С. 62-63.

Перемещенные кавказцы в Сирии

Османская империя распределяла кавказских иммигрантов по разным регионам Сирии и не намеривалось собирать их в одном месте. Похоже, что османские власти, зная о высокой воинственности этих перемещенных лиц, хотели разместить их в районах, где наблюдаются беспорядки, восстания или нестабильность в плане безопасности. Чеченцы, например, поселились в районе Рас-эль-Айн в нынешней сирийской губернии Хасака в противостоянии с бедуинами и курдами и заселила большую часть перемещенных адыгов вдоль теоретической линии, простирающейся с севера на юг Сирии, которая является линией, отделяющей бедуинов от городских районов. На севере Сирии они поселились в районах Манбидж, Ханассер и Айн-Дакне, а несколько опоздавших семей поселились в городе Ракка. Другая группа поселилась в центральной Сирии, распределенной между нынешними провинциями Хама и Хомс, а на юге Сирии перемещенные лица в основном селились в районе Голан, а небольшая группа поселилась в деревне Мардж аль-Султан, около 15 км к востоку от Дамаска, в дополнение к двум небольшим группам к югу от Дамаска около 40 км, в районе, который в настоящее время принадлежит провинция Дараа – Бойдан и Блей⁵. Все они столкнулись с бедуинами, расселявшимися в сирийской пустыне, и с друзьями. Адель Абд аль-Салам Лаш, профессор адыгского происхождения из Университета Дамаска, назвал линию, на основании которой были распространены перемещенные с Кавказа, названием «Линия черкесских лимс»⁶. Османская империя

⁵ О распределении кавказских перемещенных в Сирии см. Бардахан, стр. 95-96. Однако в этой таблице есть ошибка: жители Бойдана считаются из Карачай, что противоречит действительности. Большинство жителей Бойдана – осетины, в то время как карачаевцы раньше жили в деревне Блей, находящаяся примерно в 3 км от Бойдана.

⁶ Личный разговор с профессором Адель Абдель Салам Лаш.

предоставила перемещенным лицам участки сельскохозяйственных угодий и некоторое количество домашнего скота и освободила их от обязательной службы на определенный период и от уплаты налогов на период от 6 до 10 лет⁷. Такое распределение привело к кровавым столкновениям между перемещенными лицами и представителями арабских бедуинских племен, которые считали земли, переданные этим перемещенным людям, своей собственностью, хотя они фактически не принадлежали им, но использовались ими в качестве пастбищ для своих стад, и бедуинские племена взимали обязательную плату с жителей деревень вблизи линии Бадиа. Присутствие перемещенных черкесов на линии, разделяющей бедуинов и горожан, лишило бы, в таком случае, племена прибыли с этих земель, что неминуемо привело бы к ожесточенным столкновениям бедуинов с перемещенными лицами. А друзья увидели в присутствии перемещенных лиц с Кавказа на Голанах опасность свободного сообщению между их центром в Джабаль-эль-Арабе и их центром на Голанах. В этой связи не следует забывать, что большинство выходцев с Северного Кавказа не знали арабского языка, что затрудняло понимание ими вопроса взаимопонимания между ними и местным населением. Османской империи часто приходилось посылать свои силы, чтобы положить конец столкновениям между двумя сторонами, и нередко приводило к многочисленным жертвам среди перемещенных убитыми и ранеными⁸. Некоторые черкесские народные поэты написали элегии для тех, кто выпал из своих рядов в этих битвах, которые на черкесском языке называются именем «Гебзе». В результате плохих условий, в которых проживало большинство перемещенных лиц, среди них зародились признаки восстания и призыв к

⁷ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первой половина XX века). Москва: ИВ РАН, 2001. С. 62-63.

⁸ Richmond, op.cit. P. 117.

их возвращению на родину, на Кавказ, но российские власти отклонили эти требования⁹.

Что касается осетин, то, согласно мемуаров Муссы Кундухова, именно он был зачинщиком исхода осетин с чеченцами и частью кабардинцев на земли Османской империи сухопутным путем через Грузию и земли берберов. Как мы уже упоминали выше, чеченцам были предоставлены земли в районе Рас-эль-Айн на северо-востоке современной Сирии, на границе с Турцией. Однако по имеющейся у нас информации, в этом регионе нет семей осетин, большинство семей осетин находится на юге Сирии, и поэтому мы полагаем, что большинство тех осетин, которые сопровождали чеченцев на первом пути миграции, поселились в Турции, в то время как другие, а их немного, с адыгейскими черкесскими группами, продолжили свой путь на юг, где поселились с ними в районе Голан.

Осетины-дигорцы в Сирии

Как мы уже говорили ранее, прибытие Осетин в Сирию совпало с прибытием в эту страну первых партий кавказских эмигрантов. То есть, между серединой 60-х и концом 70-х годов XIX века. Но есть семьи, которые приехали сюда в начале 20 века, а другие — после окончания Первой мировой войны.

Семьи осетин-дигорцов не осели в одном месте, а жили в разных местах Сирии, в основном среди других кавказских мигрантов, а иногда и в арабской среде. Похоже, что первое поселение дигорцов было на Голанах, но некоторые семьи покинули эту местность и перебрались в другие места из-за распространения смертельных болезней, которые были здесь распространены, таких как малярия и брюшной тиф, приведшие в первые годы их прибытия к смерти большого числа из них. Что касается другой группы дигорцев,

⁹ Ibid. P. 118-119.

то оно было в деревне Бойдан, расположенная в 40 км к югу от Дамаска и в настоящее время входит в состав провинции Дараа. Некоторые семьи поселились в Дамаске, другие – в Алеппо.

Семьи дигорцев в Сирии занимались разными видами работы, в зависимости от места своего проживания. Семьи, которые поселились в Аль-Кунейтре, в основном работали в правительстве, служили в армии или занимались торговлей, в то время как семьи, жившие в Бойдане, в основном работали в сельском хозяйстве, совмещая ведение сельского хозяйства с торговлей сельскохозяйственными культурами. Что касается семей в Дамаске и Алеппо, то они служили, в основном, в армии, первоначально во французской армии, когда Сирия находилась под французским мандатом, затем большинство из них перешли в Сирийскую национальную армию, и некоторые из них достигли высоких чинов в ней.

Но у осетин-дигорцев, проживавших в Бойдане, условия начали ухудшаться из-за борьбы с засухой. Сельское хозяйство здесь зависело от дождя, так как других водных ресурсов для орошения земель не было, в последующие годы из-за засухи большинство жителей этой деревни были вынуждены покинуть ее и переехать в сирийскую столицу Дамаск, чтобы начать в ней новую жизнь. Что касается их земель в Бойдане, они сдавали их в аренду или продавали бедуинам, которые использовали их в качестве пастбищ для своего скота. Настала очередь дигорцев, проживавших в Джолане, вынужденно покинуть свои дома, земли и предприятия и переехать в Дамаск после того, как Израиль оккупировал Голанские высоты в июне 1967 года. Таким образом, в течение почти пятидесяти лет дигорцы были вынуждены дважды покинуть свое место жительства и начать все заново.

Переселение осетин-дигорцев с Джолана или Бойдана, несмотря на его негативные последствия, отразившиеся на некоторых аспектах их жизни, все же имело и положитель-

ные стороны. Поскольку это открыло возможности для их детей получить высшее образование, поступить в университеты и получить высокую академическую квалификацию. Некоторые из них выезжали за пределы Сирии, особенно в Советский Союз, чтобы изучать и специализироваться в областях, в которых нуждается Сирия. В настоящее время есть дигорцы, которые являются врачами-специалистами, инженерами, профессорами университетов и школ, сотрудниками различных государственных ведомств и профессионалами высокого уровня.

Как я уже упоминал выше, осетины-дигорцы жили либо среди адыгов, либо среди арабского окружения. Их отношения были отмечены дружелюбием со всеми соседями, хотя их отношения с адыгами более близки в силу схожести обычаев и традиций, а также их происхождения из одного региона. Отношения между двумя сторонами укрепились благодаря многочисленным бракам. Вряд ли в семье сирийских дигорских семей нет адыгской невесты или адыгского зятя, и большинство дигорцев говорят на различных адыгских диалектах, в то время как с арабской общиной дело обстояло иначе, поэтому мы редко слышим о браках между дигорцем и арабской девушкой, или наоборот. Основным препятствием для заключения межнациональных браков с арабами являлись культурные различия, несмотря на единство религии.

Дигорцы в Сирии старались максимально сохранить свой язык и обычаи, но я думаю, что не всё им удавалось конкретно в области языка. Хотя первое и второе поколение мигрантов-дигорцев свободно говорили на родном языке, с третьим поколением и последующими ситуация изменилась. В этом отношении сыграло роль несколько факторов. Как я упоминал ранее, большое смешение с адыгской общиной, возможно, сыграло определенную роль в ассимиляционных процессах, так как численность дигорцев, по

сравнению с адыгами, была небольшой. И я могу привести вам пример от себя лично: моя бабушка по отцу была адыгейкой, и мой отец свое детство провел у своих дядей по материнской линии из адыгейцев, поэтому сначала он заговаривал на адыгейском, и лишь когда вернулся со своей матерью жить в родительский дом своего отца, он стал говорить и на дигорском, однако он также женился на адыгейке и, в силу того, что его жена не знала дигорский язык, он стал общаться с ней на адыгейском языке. То же самое относится к моей бабушке, которая общалась со своей снохой на общем для них адыгейском языке. А когда родились мои старшие братья, они жили с бабушкой и мамой, которые передали им адыгейский язык. Таким образом, вся семья стала говорить на адыгейском и потеряла осетинский-дигорский язык. Я думаю, что так было и с другими дигорскими семьями. Еще одна вещь, которая повлияла на сохранение языка – возросшее смешение с арабским сектором, благодаря обучению в арабских школах и благодаря работе в государственных ведомствах, в армии или частном бизнесе. У детей дигорских переселенцев возросла потребность в изучении и использовании арабского языка. Результатом этого является, что большинство не понимало и не чувствовало, что их национальный язык не принесет им пользы в жизни, они начали постепенно его забывать. Насколько мне известно об общине дигорцев в Сирии, кто говорит на дигорском языке можно пересчитать на пальцах, и почти столько же, которые могут составить несколько предложений на родном языке. Пока я готовился к данному исследованию, во время беседы с многими представителями сирийских дигорцев, большинство обвиняли своих родителей, которые не говорили с ними на своем родном языке и не учили их говорить на нем. Я имею в виду случай, который, возможно, был уникальным: деревня Бойдан, населенная дигорцами и другими национальностями, как мы упоминали выше, языком меж-

национального общения выступал турецкий язык. До недавнего времени, когда старейшины этой деревни собирались на свое ежемесячное собрание, они вели беседы на турецком языке, которым большинство из них владело, а иногда они говорили по-арабски.

Что касается практики дигорских традиций, особенно в случаях брака или после смерти, то здесь нет ясности, то есть, придерживаются ли это дигорские традиции, то ли это общекавказские традиции. На самом деле сложно ответить на этот вопрос, так как схожесть традиций у разных народов Кавказа затрудняет принятие решения по этому поводу. С другой стороны, традиции, которые практиковались, особенно в случае брака, различались в разные времена, когда дигорцы жили на Джолане и Бойдане, и после того, как они переехали в Дамаск. Празднование свадьбы длилось неделю или больше, и жених в это время не присутствовал в том месте, где находилась невеста, поскольку он проводил это время в доме одного из своих родственников или близких друзей. Я не раз слышал от стариков, что проводились скачки, а иногда и соревнования по стрельбе среди деревенской молодежи. Некоторые молодые люди пытались похитить жениха из дома, в котором он находился, и не возвращали его до тех пор, пока не получили крупный денежный приз от людей из дома, который они принимали, и похищение жениха считалось оскорблением для тех, кто принимал его. Среди прочего, что происходило во время свадебной церемонии, когда невеста выходила из дома своей семьи и направлялась к дому своего мужа, группа молодых людей и девушек из ее родственников стояла у дверей дома, не давая ей уйти до получения суммы денег от семьи жениха и родственников, прибывших забрать невесту. Полученная сумма затем поровну распределялась между ними. Вечером молодые люди и девушки встречались у жениха или в доме, где была невеста, играли в игры и танцевали традиционные танцы.

Родным и близким невесты было стыдно присутствовать на свадьбе дочери. Было принято, что невесту сопровождали в дом ее мужа какие-то женщины из ее семьи, но они прибывали там недолго, так как вскоре возвращались в дом семьи невесты. Дигорцы сохранили некоторые из этих практик после переезда в Дамаск, но со временем они отказались от большинства из них, и свадебное торжество теперь ограничено несколькими часами и проводится в одном из залов, предназначенных для этих целей. Среди вещей, которые были почти запрещены – брак между членами одной семьи, и этот вопрос по-прежнему актуален для большинства кавказцев, перемещенных в Сирию. Среди социальных обычаев отмечалась традиция не обращаться друг к другу по имени. Я никогда не слышал, чтобы мой отец называл мою мать по имени, или моя мать называла отца по имени, и я также никогда не слышал, чтобы моя мать называла имя моего брата по имени.

Что касается ритуалов, которые практиковались при наступлении смерти в семье, они были связаны с ритуалами, определенными исламской религией. Мертвого следует похоронить в день его смерти, откладывать захоронение нельзя, за исключением веских причин. Траурные церемонии проходят в доме умершего, куда родственники и друзья приходят ежедневно в течение недели и приносят с собой различные продукты, однако в последние годы приношение продуктов заменили денежной суммой. Кроме того, в последнее время стали проводить церемонии в специальных залах, пристроенных к мечети.

Дигорцы в Сирии мало чем отличаются от остального сирийского общества, среди которого они живут. Некоторые из них придерживаются своей религии и соблюдают все ритуалы, а некоторые из них не совершают обязательные акты поклонения, хотя и не отрицают, что они мусульмане, и соглашаются с тем, что допускают упущения в намазе, и есть очень ограниченная группа тех, кто абсолютно не верит.

В некоторых общественных мероприятиях дигорцы готовили традиционные блюда, такие как керета (осетинские пироги), фидгуны и дзика (плавленый сыр) и т.д.

Что касается отношений с родиной, я не могу говорить в этом отношении о представителях первого и второго поколения, но на основании того, что читаем в некоторых документах и некоторых книгах путешественников, которые встретили перемещённых лиц в первые годы их пребывания в Сирии, обнаруживаем, что эти перемещённые люди тосковали по своей родине с большой ностальгией, и что они всегда сравнивали свою родину с новыми местами, в которых они жили, а в некоторых документах упоминается, что некоторые из перемещённых лиц ослушались и восстали против Османов, требовали их возвращения на родину, но власти категорически отвергали эти требования. Что касается более поздних поколений, и я здесь говорю о дигорцах, и это также относится к остальной части перемещённых лиц с Кавказа, некоторые из них полностью интегрировались со своей новой родиной и забыли все, что связано с их исконной родиной, и есть группа, которая не забыла своего происхождения и пытается передать это своим детям, но убеждена, что Сирия — их родина и дом их детей, и их не интересует, что происходит на родине. Третья категория — это те, кто не забыл о своем происхождении и стремится привить это своим детям и озабочен всем, что происходит на родине, но по разным причинам она не смогла принять окончательное решение относительно возвращения на Кавказ.

Семьи дигорцев Сирии по местам проживания

Ранее указывалось, что некоторые семьи осетин не записывали имена своих семей в сирийских официальных документах. Они либо записывались под именем «Кошха», и это имя было дано адыгскими черкесами осетинам, либо они были написаны от имени одного из их предков. В данной

работе приводятся фамилии, как они известны в Сирии, а в скобках – дигорская и русская формы фамилий.

Абисал (Абисалтæ – Абисаловы): эта фамилия прибыла в Сирию из Турции после Первой мировой войны. Приехал Камаль Абисаль (Он родился в Турции в 1902 году), который служил офицером французской армии, а затем сирийской арабской армии, и у него в Сирии родились трое детей (Нехад, Фуад и Хасан). Они работали на различных гражданских и военных должностях. Сейчас в Сирии есть только внук от его сына Нехада, который носит его имя, в то время как два других сына умерли, не оставив потомства¹⁰. □

Кошха (Батæртæ – Батыровы): Согласно тому, что мне рассказал один из членов фамилии, у них были османские документы, свидетельствующие о том, что его дед, Хадж Мухаммад, его брат Шаабан и их двоюродный брат Брик находились в Аль-Кунейтре в 1865 году. Но они потеряли эти документы после того, как им пришлось покинуть Аль-Кунейтру после оккупации ее Израилем в 1967 году¹¹. □. Хадж Мухаммад и его брат Шаабан торговали между Дамаском и Кунейтрой. У Хаджа Мухаммада два внука, старший Насреддин изучал машиностроение в Советском Союзе, а младший Махди изучал сельскохозяйственное машиностроение в Дамасском университете. Амин, сын Брика, был первым руководителем электростанции в городе Аль-Кунейтра, а его сын Камаль служил офицером в сирийской арабской армии и дослужился до звания бригадного генерала военно-воздушных сил. Что касается количества членов фамилии, которые в настоящее время находятся в Сирии, это одиннадцать мужчин и женщин.

Таймур (Темуртæ – Темировы): Они двоюродные братья фамилии Батæртæ. В Сирию приехал дедушка Сослан. От этой семьи в Сирии осталась только его внучка Фалак, а

¹⁰ Разговор с Камалом Абисалом, внук Камала Абисала.

¹¹ Разговор с Насреддин Кошха (Батæртæ), внук Хаджа Мухаммеда.

другая внучка уехала в Соединенные Штаты Америки. Что касается его внука Файеза, то он изучал инженерное дело в конце шестидесятых годов прошлого века в Советском Союзе и остался там, где он сейчас проживает в Северной Осетии.

Кабло (Хъæбæлотæ – Кабалоевы): Это одна из фамилий, переехавших с Джолана на Бойдан. Первым человеком из этой фамилии, прибывшим в Сирию, был Сулейман Кабалоев, у него было два сына: Али и Мохсен, и по крайней мере одна девочка по имени Бачи. Все члены фамилии Кабалоевых, которые сейчас находятся в Сирии, – их внуки. Эта фамилия поселилась в Бойдане в конце пятидесятих годов прошлого века, когда сельскохозяйственные условия в этом районе ухудшились в результате засухи, вынудив их переехать в Дамаск и работать инженерами или военнослужащими. Примечательно, что большая часть женской ветви этой фамилии закончила учебу в учебных заведениях и практиковалась в школах Дамаска. Число членов этой фамилии в Сирии в 2011 году составляло около шестидесяти, но их количество здесь уменьшилось после событий, которые Сирия пережила с 2011 года, когда некоторые семьи этой фамилии покинули Сирию и были распределены между Германией, Голландией, Финляндией и Норвегией. Одна из них, семья Джамала Кабалоева, вернулась в Северную Осетию, где она сейчас живет в Беслане, а двое ее сыновей, Мухаммед и Нур, закончили инженерное образование в университетах Нальчика и Владикавказа. Сирина Кабалоева в 2020 учебном году заняла первое место с высшей оценкой на уровне Сирии на экзаменах на аттестат средней школы. Автор этих строк также является профессором древней истории в Дамасском университете с 1992 по 2016 год, был главой исторического факультета этого университета и членом Высшего совета древностей Сирии в период с 1997 по 2016 год.

Сирка (Цæрикъатæ – Царикаевы): Дедом этой фамилии, который приехал из села Чиколы в Северной Осетии, был Аслан Царикати, у которого было шестеро детей, в том числе Ибрагим (см. фотографию), который родился в Бойдане в 1890 году и умер в черкесской деревне Мардж аль-Султан в 2000 году. Члены фамилии сейчас живут между Бойданом и Дамаском, деревней Мардж аль-Султан. Среди этой семьи – художник Мухаммад Саид Царикати, который родился в Бойдане в 1953 году, изучал искусство в Университете Дамаска и работал профессором живописи в школах Дамаска перед поездкой в Саудовскую Аравию, где изучал живопись и каллиграфию, в Джидде и Мекке много лет и участвовал в многочисленных художественных выставках в Сирии, Саудовской Аравии, Судане, Ливии, Тунисе и Франции. Его сын Билал владеет художественной мастерской в Дамаске, где рисует различные кавказские картины. Сейчас в Сирии 43 члена фамилии Царикати¹².

Мако (Махъотæ – Макоевы): Тот, кто покинул Осетию и приехал в Сирию, – это Хаджи-Муса и его брат Аслан-Джерри, а все члены фамилии Макоти, которые сейчас живут в Сирии, являются потомками Хаджи Мусы. У его брата Аслана Джерри был один сын, который умер, не имея детей¹³. С момента прибытия в Сирию семья владела большими участками сельскохозяйственных угодий, недалеко от деревни Бойдан, где они в основном выращивали зерно (пшеницу и ячмень). Некоторые из них также служили в черкесском батальоне во время французского мандата над Сирией. После того, как семья поселилась в Дамаске, многие из них уехали из Сирии, чтобы работать в Королевстве Саудовская Аравия, где в настоящее время проживают 13 из них, а одна семья уехала в Соединенные Штаты Америки, а остальные 35 членов все еще находятся в Дамаске¹⁴.

¹² Разговор с Билалом Царикати, сын внука Аслана Царикати.

¹³ Разговор с Мухаммадом Магаев, внук Хаджа Мусы, который в настоящее время проживает в Королевстве Саудовская Аравия.

¹⁴ Разговор с Мухаммедом Магаев, внук Хаджи Муса Магаев.

Тауказан (Гаухъзахтае – Тавказаховы): К сожалению, информации об этой *фамилии* очень мало. Насколько я знаю, в основе этой *фамилии* лежали две семьи, семья, в которой были сын и сестра. Брат, которого зовут Мохиеддин, женился на арабке и имел сына и дочь, которые были убиты вместе с их матерью во время недавних событий в Сирии. В другой семье была одинокая девочка по имени Фариха. Ее отец, Фаози, приехал из Осетии и поселился в Бойдане. Фариха вышла замуж за Иронского человека и до сих пор живет в Дамаске¹⁵.

Муса, Милан Кул (Ильгарт): Эта *фамилия* первоначально поселилась на Джолане в адыгейском селе под названием Аль-Хушние, но переехала в Бойдан в начале шестидесятых годов двадцатого века. Возможно, дедом *фамилии*, приехавшей в Сирию, был Муса, в то время как брат остался в Турции, а другой уехал в Иорданию. Поскольку Аль-Хушние, в котором *фамилия* поселилась в начале своего прибытия в Сирию, была последней из деревень, основанных перемещенными черкесами на Джолане (примерно в 1896 году), я думаю, что прибытие этой *фамилии* в Сирию было в это время тоже. Большинство членов *фамилии* Ильгарт в настоящее время проживают между Дамаском и деревней Мардж аль-Султан их 39 человек¹⁶.

Кина (Кинатæ – Кинаевы): Из этой *фамилии* приехал из Осетии Ахмед Хасан Кинати, его старший сын Хасан родился в Бойдане в 1914 году. Но эта *фамилия* покинула Бойдан в середине шестидесятых годов прошлого века и поселилась в сирийской провинции Хасака, где работали в сельском хозяйстве. В настоящее время в Сирии проживают две семьи из этой *фамилии*, одна из которых живет в Дамаске, а другая все еще живет в Аль-Хасаке. С другой стороны,

¹⁵ Беседа с Мухаммадом албегов, сын Фариха Тауказавта

¹⁶ Разговор с Ахмедом и Аднаном, внуками Муса.

третья семья из них мигрировала, в результате нынешней ситуации в Сирии, в Швецию¹⁷.

Черкес, Джаркас (Цоритæ – Цориевы): эта *фамилия* с самого начала поселилась в Дамаске. В официальных документах эта *фамилия* известна как «Шаркас». Их дед, Хадж Рида, работал в торговле между Дамаском и Бейрутом и был женат на ливанской женщине. У него был сын по имени Мухаммад. Он специализировался на тяжелой технике из Франции. Он был первым, кто открыл танковую мастерскую в сирийской арабской армии после независимости от Франции в 1946 году. У Мухаммеда родился сын, его звали Наср. Он врач, специализирующийся в ортопедической хирургии. Эту специальность он изучал в Германии. Он был первым, кто провел операции по удлинению конечностей в партнерстве с другим черкесским врачом по имени Бурхан Трамах в Сирии, прежде чем он переехал работать в больницы Королевства Саудовская Аравия. У доктора Насра пятеро дочерей, каждая из которых имеет высшее образование: две из них – фармацевты (Мэйс и Лана), Рана – дантист, Хела специализируется на дизайне, и, наконец, Зейна имеет докторскую степень по экономике и работала в британских университетах. Сейчас она работает во Всемирном банке, и к тому же занимается плаванием и пересекла Ла-Манш между Великобританией и Францией в 2019 году В знак солидарности с беженцами и стала первой сирийской женщиной, переплывшей Ла-Манш. Две сестры доктора Насра живут в Дамаске: Ноха и ее муж из семьи Албеговых, а также Май, которая долгое время была высокопоставленным чиновником в одной из крупнейших больниц сирийской столицы Дамаска. У *фамилии* был еще один филиал (семья Сабах Жаркс) в Сирии, но ни один из них не остался здесь, так как все иммигрировали в Соединенные Штаты Америки¹⁸.

¹⁷ Разговор с Насером Кинатой, сыном Хасана Кинаты, который в настоящее время проживает в Швеции.

¹⁸ Разговор с доктором Насром Черкес (Цуратом)

Хантемир (Хъантемуртæ – Кантемировы): Покинув Осетию, эта *фамилия* на какое-то время поселилась в Турции (возможно, в районе Карса), а затем часть переехала в северную Сирию, где поселилась в городе Алеппо. Их деда, переселившийся в Сирию, звали Мухаджир. С ним был его брат Северби, и это было примерно в 1919 году. Мухаджир умер молодым, и его брат Северби заботился о воспитании его единственного ребенка Омара. Первое поколение этой *фамилии* работало в вооруженных силах как во время французского мандата, так и после того, как Сирия обрела независимость от французов в 1946 году, и члены этой *фамилии* поднялись до высоких должностей в сирийской арабской армии.

Первым известным офицером этой *фамилии* был Сферби, который служил во французской армии в Сирии и достиг звания капитана. Перед тем, как Сирия обрела независимость, он дезертировал со своим батальоном из французской армии и присоединился к национальным силам, поэтому французы убили его в 1946 году. Есть Омар, который родился в 1911 году и служил в сирийской армии, пока не получил звание бригадного генерала и не был назначен командующим центральным районом Сирии, а в пятидесятых годах прошлого века он несколько раз занимал эту должность на севере Сирийского региона. После ухода в отставку из армии он был назначен директором нескольких сирийских экономических институтов и умер в 1973 году. У Омара было шестеро детей, двое из которых остались в Сирии, двое иммигрировали в Соединенные Штаты Америки, где они открыли для себя бизнес, один – в Турцию, и один – умер в Эль-Рияде в Королевстве Саудовская Аравия¹⁹.

Кубати (Хъубадтæ – Кубатиевы): Дедом этой *фамилии*, который уехал из Северной Осетии в Турцию, является Омар аль-Ахмар (прозвище рыжий Омар), и кажется, что

¹⁹ Разговор с Саадуллахом Кантемиров, сын Омара Кантемиров, и Джавадом, внук Омара.

его волосы были рыжими. После того, как *фамилия* обосновалась в Турции, некоторые из них уехали в Сирию, в разное время до и после Первой мировой войны. Среди тех, кто прибыл в Сирию, особенно в город Аль-Кунейтра, были дети Хаджа Хусейна (Хадж Хусейн умер в Турции) Салеха, Джамала и Наузата. Салех и Джамал умерли в молодом возрасте, не состояв в браке. Что касается Наузата, то он служил во французской армии, а затем в сирийской арабской армии и дослужился до звания капитана. Переехал в Сирию также Омар (высокий, чтобы отличать его от Омара Хантимера, которого прозвали коротышкой). Он также служил во французской армии в Сирии, а затем в Сирийской арабской армии и достиг звания майора. У Омара было три сына, и все они иммигрировали в Соединенные Штаты Америки после того, как Омар ушел на пенсию. Они жили в городе Алеппо на севере Сирии. Другая часть этой *фамилии* поселилась в Дамаске, и их фамилия в официальных документах была «Наджи», Дед этой ветви – Мухажер, у него было два сына Ибрагим (1905–1969 гг.) – он был офицером в черкесской бригаде, и потом работал на государственной службе в руководстве французской армии в Сирии. Уехал из Сирии с французами, когда их власть ослабла, и умер во Франции в 1969 г. Он не был женат. Также и его брат Сулейман (1911–2001 гг.). Сулейман изучал военное инженерное дело в Политехническом университете во Франции, затем был призван в сирийскую армию и дослужился до звания полковника. Он занимал в этой армии много высоких должностей, в том числе командовал инженерным корпусом в армии, а в 1956 году получил звание полковника. На него возложили обязанности создать и возглавить Управление гражданской обороны в Сирии. В этой должности он находился до 1963 года. Сулейман сыграл важную роль в создании Черкесского благотворительного общества в Сирии, где он и другой высокопоставленный черкесский офицер, Мухаммед Али Азмат, который был командиром жандармерии в Сирии в

конце 1940-х – начале 1950-х годов, использовали свое влияние для получения официального статуса. Получение этой лицензии являлась серьезной проблемой. Сулейман Кубати возглавил эту ассоциацию в начале семидесятых годов прошлого века, он также внес значительный вклад в создание ассоциации ветеранов в Сирии и какое-то время возглавлял ее. После службы в армии он основал, в сотрудничестве со своими родственниками из семьи Анзур, частный бизнес в области инвестиций в сельское хозяйство. В дополнение к этому Сулейман Кубати написал ряд книг о сионизме и масонстве, в том числе «Коррупцированные люди на Земле» и «Посягательство чумы». Сулейман Кубати умер в Дамаске в 2001 году в возрасте почти 90 лет. Хочу отметить, что в Сирии осталась только семья Фариса бин Наузата Кубати, проживающая в Алеппо, а остальные в разное время иммигрировали в Соединенные Штаты Америки²⁰.

Фамилия Кубати также живет в Иордании. Согласно тому, что глава этой *фамилии*, проживающий сейчас в Аммане, г-н Зухаир Кубати (родился в Аммане 1945 г.) сказал мне, что мать его деда, г-жа Хава Мамсер, из Кабарды, приехала в Амман со своей семьей после смерти ее мужа Ибрагима Кубати, приехавшего с Кавказа в Турцию. Немногие в Иордании знают, что эта *фамилия* имеет дигорское происхождение, большинство знает их как кабардинцев²¹.

Есть *фамилии*, которые присутствовали в Сирии, но ни один из их членов не остался сегодня, либо потому, что они эмигрировали за пределы Сирии, либо потому, что последний из их членов умер, не оставив потомства.

Туган (Туйгъантæ – Тугановы): Две семьи этой *фамилии* были обнаружены в Сирии. Иззат Туганов, родившийся в Осетии в 1867 году, переехал с семьей в Турцию, а затем иммигрировал в Сирию с женой после Первой мировой во-

²⁰ Разговор с Фарисом Кубатиев сын Навзатом Кубатиев

²¹ Разговор с Зухаиром Кубатиев, внук первого приехавшего в Оман из семьи Кубатиев.

йны. Он жил в Дамаске и умер там в 1953 году. У него было два сына, одним из которых был Орхан, который служил в сирийской арабской армии и был помощником военного атташе в посольстве Сирии в Турции. Он умер в Алеппо в 1995 году. Другой сын, Наждат, служил в черкесском батальоне и был убит в Сирии в 1940 году. У двух братьев не было детей, и таким образом эта семья закончилась в Сирии. Второй семьей этой фамилии была семья Джинкиза Туганова. Джинкиз жил со своей семьей в Турции. В 1952 году, будучи еще ребенком, умер его отец, Мухаммед. Его тетя, которая была замужем в Сирии за Джавадом Анзуром, одним из знаменитых офицеров сирийской армии во время войны в Палестине 1948 года, привезла его в Сирию, где он прожил до 1993 года, когда вернулся в Северную Осетию и умер там, а его сын, врач-стоматолог Наджати Туганов, все еще живет там. У Джинкиза есть единственный внук, который живет с матерью в Сирии после смерти отца²².

Семья из этой семьи раньше жила в городе Алеппо на севере Сирии, но семья покинула Сирию и вернулась в Северную Осетию, где они сейчас живут.

Канука (Хъанухътæ – Кануковы): В Сирии от этой *фамилии* не осталось никого, последний член этой *фамилии*, Камаль Канука, умер, не имея детей. Камаль был офицером в армии, командовал кавалерийским батальоном и дослужился до майора.

Кондох (Кундухтæ – Кундуховы): Семья из этой *фамилии* жила в Сирии, но эта семья, состоящая из братьев Нехад и Исмат, Хикмат, Нихал и Нариман, переехала в Саудовскую Аравию, где их дети и внуки живут до сих пор под именем «Кандухзаде». Отметим здесь, что Нихал Кондох вышла замуж за принца Мусайда бин Абдул Рахмана, брата короля Абдель Азиза Аль Сауда, основателя Королевства Саудовская Аравия.

²² Разговор с врачом Наджати Туганов сын Дженкис Туганов

В заключение скажу, что осетины-дигорцы в Сирии в целом находятся на грани потери своей национальной идентичности, как я уже упоминал выше, поэтому редко из них говорят на своем национальном языке, а большинство из них, особенно из молодого поколения, не говорят на своем языке, и ничего не знают об их истории, обычаях и традициях, и самое досадное то, что мало кто из них заботится об этом. Кроме того, к ним не проявили никакого интереса и власти Северной Осетии.

Приложение

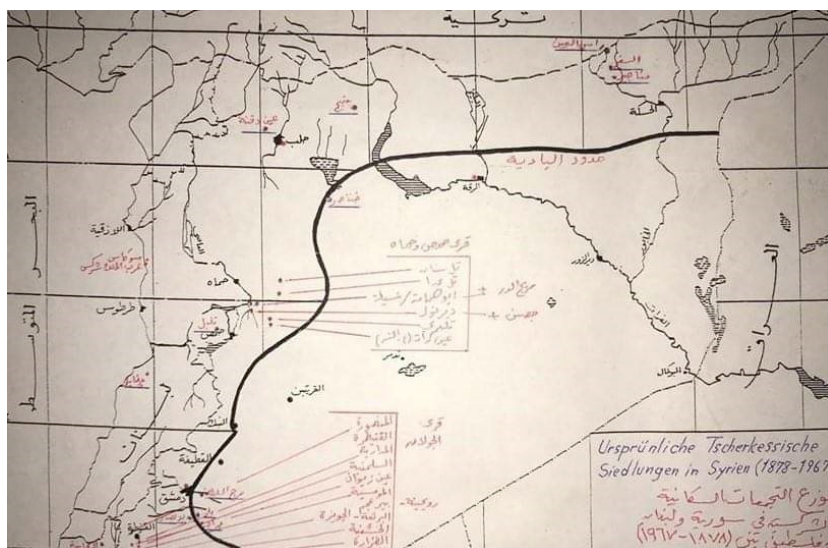

Фото 1. Распределения кавказских мухаджиров в Сирии «Линия черкесских лимс»

Фото 2. Капитан Омар Кубатиев

Фото 3. Бригадный генерал Омар Хантимер, командующий Северным регионом, принял Анвара Садата, спикера Палаты представителей в период единства между Египтом и Сирией (1958-1961), а затем и президента Египта.

Фото 4. Омар Хантимер, командующий Северным фронтом

Фото 5. Наузат Кубати

Фото 6. Наузат Кубати во время празднования сирийской армии в День независимости

Фото 7. Джавдат Туган

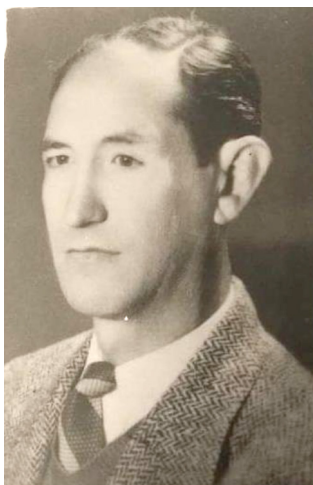

Фото 8. Орхан Туган

*Фото 9. Полковник Сулейман
Наджи Кубати, основатель
и командующий гражданской
обороной Сирии*

*Фото 10. Сефаль-дин Кабло в
детстве (Хъабæлотæ)*

Фото 11. Нихад Абисал справа и Дженгиз Туган слева

Фото 12. Художник Саид Сирка(Цәрәктә)

REPUBLICQUE SYRIENNE
MINISTÈRE DES FINANCES

تذكرة هوية
وزارة المالية

Carte d'Identité

ذات قيمة ق.س (٢٥) P.S. 25
PRIX :

الاسم والتبوة
Nom et prénom

الجنسية
Nationalité

ولد بتاريخ ٨٧١١
Ne le

الاب
Le père

الام
La mère

المهنة
Profession

المسكن
Domicile

وضعية العائلة
Situation de famille

رقم البطاقة
N° de la carte

رقم السجل
N° du registre

تدليز
Delivre

الشكل
SIGNALEMENTS

القامة
Taille

الشعر
Cheveux

العيان
Yeux

الانف
Nose

الفم
Bouche

علامات فارقة
Signes particuliers

التوقيع
Signature

طابع الإيداع
Empreinte digitale

ضابط الأحوال المدنية
L'officier de l'Etat civil de

Фото 13. Удостоверение личности Мохсена Кабло (Хъабæлотæ) (1871-1948)

الشكل
القامة
الشعر
العيان
الانف
الفم
علامات فارقة

التوقيع

طابع الإيداع

ضابط الأحوال المدنية

الاسم والتبوة
وزارة الداخلية

الجنسية
ولد بتاريخ
الاب
الام
المهنة
المسكن
وضعية العائلة

رقم البطاقة
رقم السجل
اعدت بتاريخ

Фото 14. Удостоверение личности Камала Абисал

Фото 15. Доктор экономических наук Зена Черкес (Цорити), переплывшая Ла-Мани

Фото 16. Сирина Кабло, занявшая первое место в Сирии в аттестате о среднем образовании

Фото 17. Из работ художника Билала Сирка (Царекти):

М. Абдуллахи
г. Тегеран, Иран

ШАХНАМЕ И НАРТЫ: НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Для того, чтобы понимать суть символов Шахнаме и Нартнаме, необходимо знать контекст и способ создания и возникновения символа, мифа и эпоса. Символ связан с сознательной и бессознательной совестью человеческой психики и составляет язык мифов, легенд и эпоса, а язык мифических и эпических произведений является символическим.

Основной проблемой иранской мифологии является двойственная природа творения, и во время перехода от мифа к эпосу битва между двумя силами добра и зла проявляется в разных аспектах существования, и некоторые персонажи выражают символические концепции больше, чем другие. Элементы, символизируют эволюцию, и Боги превращаются в Шахов, а перед ними демонические цари, которые являются символом засухи.

Понимание мифов и символов — ключ к пониманию культур и цивилизаций. Мифы и символы были созданы человеком в ответ на его постоянную тревогу и беспокойство. Человек всегда создавал, чтобы компенсировать неспособность, которую он чувствовал во Вселенной. Человечество всегда имело более высокие потребности, которые оно не могло удовлетворить, поэтому воображение и мысль заставили его создать в своем уме гипотетические совершенства, и по этой причине он создал мифы и символы. Древний человек, из-за его присутствия на ранних этапах формирования цивилизации и небольшого осознания и знания, слабости и неспособности понять настоящие причины явлений существования и сотворения мира, человека и великих природных сил, таких как огонь, буря и и другие стихийные явления, старался найти убежище. Изучение мифов и символов нашей нации позволяет нам осознать, как они смотрели на явления Вселенной.

К постановке проблемы

Изучение и анализ мифов освещает мировоззрение и восприятие прошлого из внешнего и окружающего мира, и мы возвращаемся в человеческое прошлое в максимально возможной степени и открываем секрет сверхчеловеческих истин и содержание мифов, сверхъестественных деяний героев и мифических персонажей, а также переживания героя за пределами царства. Это обычные значения и переживания необходимы для того, чтобы узнать через внешний вид текста, путь к истине и внутреннему, то есть пересечь осязаемый мир и войти во внутренний мир и истину. Согласно теории, миф является первичной моделью идеологии [3, с. 11], а эпос создается из его сердца. Составляющие элементы эпоса также являются символами. Согласно утверждению немецкого теоретика символизма Э. Кассирера, символический мир сконструирован соответственно со структурными формами и с функцией народной фантазии неким трансцендентным «я». Миф, по его мнению, представляет собой символическую форму культуры, обладающая своим собственным средством моделирования внешнего мира [12, с. 17]. Поэтому анализ структуры и содержания символов помогает лучше понять смысл мифа, чтобы читатель мог лучше и точнее понять послание, скрытое в мифах и эпосах.

История вопроса

В исследованиях, связанных с символизмом и анализом историй Шахнаме и Нартнаме; уже были изучены мифологическая часть, необычные действия мифических героев и персонажей, а также их странные и нереальные события; Но эти аналитические и аллегорические интерпретации очень ограничены. Мало работ, которые независимо анализировали символы и методы символизации историй Шахнаме и Нартнаме;

В определенных исследованиях о Шахнаме и Нартнаме символизм был изучен; например, можно назвать (Древнее письмо) и (Мазхае Раз) два произведения Мир Джалалуд-

дина Казази. В данном исследовании, обращая внимание на указанные случаи, были проанализированы символы мифологической части Шахнаме.

К ирано-осетинским схождениям в Шахнаме обращался и В.И. Абаев при лингвистическом анализе Авесты [2], а также в исследованиях изначальной географической области зарождения Зороастризма [1, с. 52-88]. Однако сюжетные мотивы в Шахнаме и Нартнаме остались вне поля его внимания.

Многие сходные сюжеты и мотивы в иранском и осетинском эпосах были рассмотрены Э.Б.Сатцаевым в его монографии «Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы)» [5].

Символ, миф и эпос

- Символ

Слово «символ» на персидском языке является переводом английского слова *symbol*, которое означает «имя или даже изображение, которое может представлять что-то знакомое в повседневной жизни. В дополнение к своему обычному и очевидному значению, он также имеет особое неявное значение. Символ представляет собой нечто неопределенное, неизвестное или скрытое от нас. Таким образом, слово или форма считаются символическими, если они означают нечто большее, чем его очевидное и прямое значение. Этот символ имеет более широкий аспект бессознательного, который никогда не был точно определен или полностью объяснен (Punamdarian). Согласно приведенному выше определению, наиболее важной особенностью символа является его двусмысленность и незнание, что не позволяет ему определить для него конкретное значение. Чтобы проследить корни этого, кратко обсуждается слово «символ» и то, как он был создан. Он является производным и указывает на то, что было разделено на две части (Hosseini). С другой стороны, «каждый символ изначально был знаком познания и узнавания; То есть половина объекта, которая была разделена на две ча-

сти, и соединение этих двух половинок позволило владельцам узнать и принять друг друга как братьев еще до того, как они когда-либо увидели друг друга. Точно так же в мире мысли и значения каждый символ – это связь, двух частей с точки зрения возможностей опосредствования и сопоставления двух вещей (Jones). Смысл повествования – двойная активность символа; То есть функция символа такая же, как и значение многомерного символа. Можно сказать, что такой способ функционирования символа зависит от процесса его создания. Человеческая психика создает символы, которые имеют форму. Они возникают бессознательного. Подсознание определяет форму лица, но эта пустая и непостижимая форма немедленно заполняется соответствующими ей материальными и формируемыми элементами самосознания и, таким образом, становится очевидной, как только форма найдет себе тело и одежду, она становится проявляемыми, проявляются как подходящий символ; Следовательно, эта форма может быть как объективной, так и субъективной: внешность этого явления выступает в форме легендарных и героических событий и является творцом мифов, легенд, сказок и эпосов (Мортазави). Следовательно, символ, это вид или тип, который связан с сознательной и бессознательной психикой человека, и в легендах много символов, поэтому необходимо расшифровать их: двусмысленность символов очень важна. Эта особенность символа сделала его выше знака, который всегда одномерный и монотеистический, считается очень богатым источником для размышлений и созерцаний и ведет к открытию неизвестного.

- Миф

Слово «миф» произносится на европейских языках (Myth) и в слове со словом (Historia) означает повествование, речь и историю. Следовательно, слово (Story) на английском языке, означающее новости и рассказ, а греческое слово (Mouth) означает рот, выражение и повествование от одного и того же корня (Ismailpour). В предыдущие столетия мифы,

как и мифы, считались ложными, сфабрикованными и незначительными, так что «на обычном языке девятнадцатого века все, что противоречило реальности, называлось мифом [11, с. 52], но в XIX в. больше внимания уделялось мифу, который считали поэтической фантазией или вымыслом, в то время как первобытные люди различали миф и сказку. Они считали миф правдой, а сказку – неправдой. Тот факт, что миф был представлен в противопоставлении реальности или поэтической фантазии, может быть выведен из того факта, что в мифологии силы природы изображались как человеческие существа, а их действия и приключения имели символическое значение. Это при том, что мифические существа неестественны, их вдохновляет природа, но они сверхъестественные, подобно богу ветра, бури и т. д., Каждый миф – настоящий рассказ, даже если он несовместим с обычными переживаниями. Кроме того, поскольку миф по своему содержанию повествует о великих первобытных событиях, начале сотворения человека, мира, верованиях и происхождении природных явлений, он считается синонимом слова “воображаемый” или “нереальный”, в то время как это представление полностью ложно, потому что в мифологические времена человек всегда хотел начать; то есть он вернулся в вечный день, когда, по его словам, боги мира создали его, и с этим возвращением он хотел поставить себя в начале мира и таким образом объединить свое время и богов.

Элиаде выделяет пять основных положений, касающихся любого мифа. В самом общем смысле миф, каким он является в первобытных сообществах (а именно в них миф представляется истиной, а не вымыслом):

- составляет историю подвигов сверхъестественных существ;
- представляется как абсолютная истина (так как он относится к реальному миру) и обладает сакральной наполненностью (поскольку является результатом творческой деятельности сверхъестественных существ);

- всегда имеет отношение к “созданию”: рассказывается, как что-то явилось в мир, или как возникли определенные формы поведения, установления и трудовые навыки;

4) в процессе познания человеком объясняет “происхождение” вещей, что позволяет овладеть и манипулировать ими по своей воле; речь идет не о “внешнем”, “абстрактном” познании, но о познании, которое “переживается” ритуально, во время ритуального воспроизведения мифа или в ходе проведения обряда (которому он служит основанием);

5) так или иначе “проживается” аудиторией которая захвачена священной и вдохновляющей мощью воссозданных в памяти и реактуализированных событий [11, с. 61-62].

Следовательно, миф – это повествование, которое возрождает изначальную реальность и удовлетворяет глубокие религиозные потребности и является фундаментальным элементом человеческой цивилизации, а мифология и повествование ни в коем случае не бесполезны.

Последователи школы естественной мифологии считали все мифологические проявления отражениями явлений природы, элементов мироздания и сверхъестественных сил; Соответственно, происхождение мифологии - это явления природы, а мифология явилась ответом на онтологические потребности древнего человека и определение некоторых природных явлений. Чудо человеческого разума перед лицом явлений и событий мира сопровождалось познанием создателя мира и привело к возникновению мифов о творении. Существует два типа мифов о творении:

1. Этиологические мифы, обосновывающие основу творения; Почти во всех религиях процесс творения начинается с просветления. Фактически, именно извержение этого минойского элемента строит и утверждает мир.

2. Ритуальные мифы о том, что устное повествование является религиозной и повторяющейся традицией образа творения. Следовательно, миф о сотворении Вселенной оправдывает все человеческие действия и является приме-

ром набора ритуалов и ритуальных систем. Любая идея питья, обновления и возрождения в смысле рождения и создания вселенной может быть истолкована. С возвращением весны, каждый раз, когда сотворение вселенной обновляется, каждый признак воскрешения растений равен полному сотворению вселенной. Ритуальные представления, которые проводятся по случаю Нового года или прихода весны («Битва весны с зимой, победа над смертью, убийство зимы и т. д.») - все это схемы мифа о сотворении вселенной.

Истоки мифов почти одинаковы у всех народов, и их изучение обязательно в связи с достижением глобальной, национальной и региональной эпистемологии, а также закладкой основы для изучения иранской и индийской мифологии и подготовки к пониманию мифологических текстов, таких как Ригведа и Шахнаме.

- Эпос

Эпос был первым стихотворением, придуманным человеком, и древние народы в начале его создания сочинили его для описания поступков своих героев. Эпос складывался в три этапа:

А) Религиозный этап: На этом этапе герои предстают в образе богов; Потому что идет битва между добром и злом, тьмой и светом.

Б) Героический этап: на этом этапе люди хотят показать божественные дела в человеческой форме, следовательно, между племенами происходит борьба, и в результате развивается героизм, потому что герой – зеркало этнического и племенного превосходства.

В) Литературный или культурный этап: третий этап эпоса происходит, когда речь идет о независимости, чести и сохранении самобытности нации.

- Связь мифа и символа

Символ и миф рождаются из общей утробы (человеческого подсознания) и, следовательно, являются противоположностями двух полюсов, но в связи между символом

и мифом, миф считается результатом символа, поскольку криптография считается основой любого знания мифа и мифологии. С другой стороны, миф – это самое основное место возникновения символа, ибо природа мифа такова, что его можно объяснить только символом. В результате этой тесной связи миф – это область символов. Фигуры и события в мифе символичны. Реальные и исторические фигуры и события переплетаются, таким образом удаляясь от своего первоначального образа и события. Следовательно, способ выражения предшественников не может быть понят иначе, как с помощью символов, а для того чтобы понять их, необходимо знать характеристики кода.

- Связь мифа и эпоса

Миф и эпос имеют между собой тесную и фундаментальную связь. Настоящая и фундаментальная эпопея может исходить только из самого сердца мифа. Он появляется только в культуре и литературе людей, имеющих древнюю историю и древние мифы. Следовательно, миф – это исток эпоса, и чтобы понять эпос, нужно сначала познакомиться с мифом.

Взгляд на основание мифологической части Шахнаме и Нартского эпоса

Национальный эпос Ирана имеет мифологическую основу с начала правления Гайомарта, и до конца правления Кайхосрова, и все цари, упомянутые в этой части Шахнаме, являются мифическими фигурами. Фундамент этой мифологической конструкции основан на религиозном мировоззрении и особых верованиях древних иранцев и дает эпическую картину иранских верований о первом человеке и вселенной. В Шахнаме, мы находим то же мировоззрение эпических образов. В основе мировоззрения древних иранцев лежат два принципа двойственности и конечности. Двойственность, то есть – вера в две противоположные ветви добра и зла, что существование и жизнь произошли в результате их столкновения и борьбы, и вера в конечность,

то есть – продолжительность жизни мира ограничена определенным количеством тысячелетий. По мнению иранцев, продолжительность борьбы добра и зла – это продолжительность жизни мира. Жизнь мира имеет два повествования в иранских мифах:

1. Согласно зороастрийской мифологии, возраст мира составляет двенадцать тысяч лет, и жизнь мира делится на четыре периода по три тысячи лет. Период первых трех тысяч лет: существа возникли из Ормазда, и в минойском пространстве они были свободными и неподвижными. Второй период трех тысяч лет: создание неба и материального мира. Творение в этот период находится на земле, без греха и земля как рай в этом периоде. Третий период трех тысяч лет: дьявол вторгается в мир света и сеет смерть и разрушение повсюду. Период четвертой тысячи лет: конец времен, распад полового акта и приход трех сушьянтов, или спасителей.

2. Согласно сообщениям Зарвани, продолжительность жизни в мире составляет девять тысяч лет, которые делятся на три равных периода по три тысячи лет: период в три тысячи лет - это первый период правления Ахмазда, средний период. три тысячи лет - это период правления Ахримана, а последний период в три тысячи лет - последний период смещения, который происходит как во рту дьявола, так и во рту Юпитера.

Фундаментальная часть мифа иранского национально-эпоса укладывается в эти два общих взгляда и основную черту этих двух мировоззрений, то есть дуализм, являющийся важным принципом иранского мировоззрения в иранской эпической мифологии. Это дуальность осетинском эпосе о Царциатах.

Как правило, нижний мир в осетинской мифологии символизируют существа, противопоставляемые человеку. Согласно эпическим сказаниям о Царциатах, первочеловек, сотворенный Богом, завладел небесным огнем. Зэды, боясь

его возвышения, решили отобрать у него огниво, из которого тот высекал огонь. Украденное у человека огниво спрятали на месте своего обитания, на горе Уарп (Эльбрус). Но человек взобрался на эту гору и начал истреблять зэдов и дуагов, вернув себе свое огниво. Зэды пожаловались Богу и стали просить его убить человека, пока тот не поднялся к самому Богу. На это Бог ответил им, что он не убивает свои творения, а лишь учит. В то же время, идя навстречу зэдам и дуагам, Бог создает еугуппаров, существ, превосходящих человека силой. По замыслу Бога они должны были или убить, или умерить пыл человека. Еугуппары обрушиваются на первочеловека, но уступают ему в уме и ловкости. К тому времени первочеловек сделал себе из небесного камня меч, с помощью которого он начал отражать нападки еугуппаров. Первочеловек, боясь оказаться в окружении, встал спиной к воде. Еугуппары боялись заходить в воду, а лицом к лицу не могли одолеть человека, т.к. не умели пользоваться подручными материалами как оружием. Видя, что еугуппары не могут одолеть человека, Бог создает Донбеттаров, водных жителей. Донбеттары напали на человека со спины, поразив его стрелами [6].

Вторая характеристика иранской мифологии состоит в том, что они временны, то есть у них есть начало и конец, которые сами по себе являются отражением жизни в течение девяти тысяч лет или двенадцати тысяч лет Вселенной. Продолжительность мифологического периода в национальном эпосе Ирана определяется составляет три тысячи лет. Временность также является характеристикой нартского эпоса. У всех рассказов нартского эпоса есть начало и конец.

Теперь мы исследуем и проанализируем символы мифологического сектора, в обоих произведениях:

1. Символические персонажи

И в Шахнаме и в Нартском эпосе есть символические персонажи. При изучении особенностей этих персонажей мы найдем общие черты характера у многих этих героев.

Например Рустам и Батраз. Люди в этих героях видят своих идеалов. Оба они сильные, отважные и иногда хитрые. Рождение обоих героев является чудом. Детство и их жизнь также с точки зрения необычных событий в их жизни похожи. Если смотреть на детство обоих героев и их силу, мы видим сходство между ними. Рустам одним ударом пальца убил белого слона и Батраз также был очень сильным и в игре калечил детей. Если смотрим на детство Батраза, он проводит первые годы детства в море. Вода в иранской мифологии воспринимается как источник жизни. Хотя такого аналога в Шахнаме нет, но в иранской мифологии, вода - второе материальное творение и один из четырех основных элементов жизни, который древние иранцы считали полезным и полезным. Охрана вод - это ответственность Хордада Амшаспандана. «Амшаспандан Хордад - это хранитель воды, который, согласно Бандешани, есть рождение и воспитание материального мира из воды. Согласно древним поверьям, в криптографии воды можно сказать, что вода является символом великой матери и вызывает рождение, женское начало, лоно вселенной, плодородие и полномочия и источник жизни.

Вода в осетинской мифологии символизирует нижний мир. Женское начало, лоно вселенной и плодородие также относятся к нижнему миру. Мифологическая система осетин, по утверждению Федара Таказова, основана на трехчастном делении мира, включающего верхний мир (мир небесный), средний мир (земной мир) и нижний мир (подземное царство или царство мертвых) [9, с. 477-492.].

В этом плане мифологическая система осетин отличается от иранской дуальной системы. В то же время связь Батраза с водой, который Ф.М. Таказов рассматривает как инициационный акт [8, с. 8-12.], может характеризовать и деяния Рустама как инициацию.

Нарт Батраз рождается из опухоли на плече Нарта Хамица [4, с. 5-70]. Не менее необычно рождение Рустама:

Заль чудо-перо подобрать поспешил
 И все по совету Симурга свершил.
 Меж тем, все вокруг в ожиданьи стоят,
 И каждый трепещет, боязнью объят.
 И кровь проливает Синдхут из очей:
 Когда же ножом извлекали детей?
 Явился искуснейший в деле своем
 Мобед; Рудабе, одурманив вином,
 Он чрево прекрасной рассек без труда,
 Ребенка слегка повернул и, вреда
 Ему не доставив, наружу извлек
 Кто чуду такому поверить бы мог?
 Дитя великан появилось на свет.
 И каждый глядит на него, изумлен:
 Где видан ребенок, могучий, как слон [10, с. 255].

На сходство появления на свет нартовского героя Батраза и иранского героя Рустама обратил внимание Э.Б. Сатцаев: «Начав жить среди нартов, Батраз не показывал силы и редко выходил из дому. Однако, когда он вырывался на улицу, то в неосторожной игре с ребятами калечил их, т.е. он с детства стал обладателем такой неумной силы, что приводило в изумление нартов. Необычным способом рожденный Рустам, подобно Батразу, также с младенчества удивляет окружающих своим ростом и силой» [5, с. 55].

Таких мифических персонажей в Шахнаме и Нартском эпосе со многими сходствами много. Например Батраз и Исфандяр. Оба они неуязвимы. Хотя каждый из них разным способом стали неуязвимыми.

2. Мифические, воображаемые существа.

В Шахнаме; помимо описания и создания странных событий, мы видим удивительных существ и псевдо-воображаемых существ с неизвестными и символическими способностями. Среди этих воображаемых существ:

Соруш – в Авесте является символом «послушания, и повиновения божественным заповедям и побуждает каж-

дого следовать добрым путем. Соруш также появляется в Шахнаме как посланник Бога и ангел-посланник во сне и бодрствовании, и каждый раз особым образом героям Шахнаме передает божественные послания.

Посланниками осетинского Бога обычно служат в эпосе жаворонок, ласточка или голубь. Ласточка фигурирует в древнем похоронном обряде осетин посвящения коня. Голубь же, возможно, восходит к известному библейскому образу.

В Шахнаме и Нартсоке эпосе таких необычных существ очень много. Например: Симург- мифическая птица, которая является самой важной божественной фигурой Шахнаме после Соруша. Перо Симурга волшебное и лечебное. Ее перо вылечит раны Рустам. В Нартском эпосе также мы видим лечебное свойство пера. Перо снимает боль Дзерассы, когда она была ранена стрелой Ахсартата во время кражи ею яблока нартов.

Таких примеры в Шахнаме и Нартском эпосе нередки.

3. Символика воды и огня.

Вода - второе материальное творение и один из четырех основных элементов жизни, который древние иранцы считали полезным и полезным. Охрана вод - это ответственность Хордада Амшаспандана. «Амшаспандан Хордад - это хранитель воды, который, согласно Бандешани, есть рождение и воспитание материального мира из воды. Согласно древним поверьям, в криптографии воды можно сказать, что вода является символом великой матери и вызывает рождение, женское начало, лоно вселенной, плодородие и полномочия и источник жизни. В исламских источниках, в том числе в Коране, говорится, что творением является вода. Переход через воду имел особое значение в иранской мифологии и был испытанием для проверки обвиняемых, что было обычным явлением («холодная погода») в древнем Иране. В этом испытании, чтобы доказать свою невиновность или заслуги, человека бросали в воду: если он утонул, то делали

вывод, что он грешник, если же он мог выбраться из воды и не пострадать, его считали невиновным. В Шахнаме Кайхосров и Ферейдун проходят испытание холодом.

Вода, символизирующая в осетинской мифологии нижний мир, аналогом которого в нарративных текстах часто выступает Царство мертвых.

- Огонь – один из четырех основных элементов жизни и последнее материальное творение в эволюции Вселенной. Огонь – самый старый элемент, которому поклонялись древние иранцы, он известен как символ иранской религии и считается средством очищения и проверки, чтобы доказать невиновность и отличить виновных от невиновных. Огненное испытание называется на языке пехлеви. Теплота заключалась в том, что грешник был вынужден пройти через огонь, ибо древние считали, что чистый огонь сжигает только грешников, и если кто-то невиновен, огонь не сжигает его, а выходит из него при первой возможности. В «Шахнаме» Сиаваш использует горячее испытание, чтобы доказать свою невиновность против клеветы своей мачехи Судабех.

Иранская мифология на символическом языке представляет собой священное описание трех циклов человеческой жизни и показывает непрерывность человеческой жизни в форме смены времен года, а также гибели и роста растений. Три символических персонажа (Джамшид, Захак, Ферейдун) показывают три песни времен года («Лето, Зима, Весна»), а три персонажа (Кавус, Сиаваш и Кайхосров») показывают смерть и отращивание растений.

Такие же циклы жизни в форме смены времен года, безусловно символически, отражены и в нартском эпосе осетин (Сослан – Колесо Балсага, Батраз – Сайнаг-алдар) [7, с. 131-135].

Безусловно, схождения сюжетов и мотивов в Шахнаме и Нартнаме не ограничиваются приведенными примерами. Они лишь обозначают перспективность проведения типоло-

гических исследований иранских и осетинских эпических произведений. Проведение более глубоких исследований в данном направлении позволит глубже взглянуть в истоки нартского эпоса, а также будет способствовать проведению семиотического анализа сюжетов и мотивов в Шахнаме.

Использованная литература

1. *Абаев В.И.* Миф и история в гатах Зороастра // В.И.Абаев. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. С. 52-88.
2. *Авеста.* Лекции В.И.Абаева (1982-1983 гг.) с анализом и комментариями. Цхинвал: Республика, 2016. 300 с.
3. *Мелетинский Е.М.* От мифа к литературе. М., 2001.
4. *Нартовские сказания: Эпос осетинского народа.* Кн. 3. Владикавказ, 2005. 712 с.
5. *Сатцаев Э.Б.* Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 156 с.
6. *Таказов Ф.М.* Архетипы модели мира в мифологии осетин // Филологические науки. № 11, 2012. 1521.
7. *Таказов Ф.М.* Мифологические архетипы Модели мира в осетинской космогонии. Владикавказ, 2014. 214 с.
8. *Таказов Ф.М.* Признаки инициаций в цикле Батраза нартского эпоса осетин // Гуманитарный научный вестник. 2017. №12. С. 8-12.
9. *Таказов Ф.М.* Устное народное творчество // Осетины. Серия «Народы и культуры». ИЭА РАН. М., 2012. С.477-492.
10. *Фирдоуси.* Шахнаме. Т.1. /Перевод Ц.Б. Бану-Лахути. М., 1957.
11. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический аспект, 2010. 256 с.
12. *Cassirer Ernst.* Philosophie der symbolischen Formen. V. 2 Das mythische Denken. Berlin, 1925.

Н.Б. Голенков
г. Саранск, Россия

ОДИН НАРОД, ДВА ЯЗЫКА

Прежде чем говорить о своей практике редакционно-издательской деятельности с мокшанскими и эрзянскими авторами, позволю напомнить несколько известных и малоизвестных фактов из истории нашего народа, мокшанского и эрзянского языков.

На территории Республики Мордовия проживает население более 30 национальностей. Большую часть составляют русские, мордва, татары.

Мордва (самоназвание мокшэрзят, эрзя-мокшот) – один из архогенетических народов Старого Света, восходящих своими истоками к античному миру. Наиболее раннее письменное упоминание о нем (марды) содержится в «Истории» Геродота (V до н. э.), считавшего мардов одним из персидских кочевых племен. И хотя мордовские (эрзянский и мокшанский) языки принадлежат к финно-угорской (шире-уральской), а не индоевропейской языковой семье, куда относится персидский (иранский) язык, они и поныне сохранили немало персизмов (азор – хозяин, владетель, сырне – золото, сия – серебро, тарваз – серп и др.), свидетельствующих о древних персидско-мордовских связях. В западноевропейских средневековых источниках мордва фигурирует под экзоэтнонимами *Mordens*, *Merdas*, *Merdinis*, *Merdium*, *Mordani*, *Mordua*, *Morduinus*, а ее страна как *Mordia*, *Regnum Morduanorum*.

В древнерусских источниках (летописях) упоминание о мордве появляется с XI–XIII вв., где, наряду с этим написанием, еще встречается этноним «мордвичи» («Мордовские князи с Мордвичи»). Псевдопатронимическое оформление этнонимов на -ичи довольно широко применялось в древне-

русских источниках (сравните: дреговичи, кривичи, немчи-
чи, русичи и др.). Что касается страны мордвы (Мордовии),
то она в летописях именуется Мордовской землей. Установ-
лено, что в своей основе этноним «мордва» восходит к ирано-
но-скифским языкам (сравните: иранское *mard* – мужчина,
таджикское *марц* – мужчина). В мордовских языках ука-
занное слово сохранилось для обозначения мужа, супруга
– мирде. В русском слове «мордва» частица -ва носит от-
тенок собирательности. Его можно сравнить с этнонимами
литва, дрегва, татарва. В русских источниках вплоть до XII
в. включительно мордва выступает только под этим этнони-
мом.

Мордва как этнос состоит из двух субэтносов – эрзи и
мокши (самоназвания). В Республике Мордовия мокша рас-
селена преимущественно в западных районах, а эрзя – в
восточных. В этноструктуре народа выделяются также не-
большие по численности этнографические группы: теньгу-
шевская мордва, именуемая иногда шокшей (по селу и од-
ноименной реке Шокше – притоку Мокши), проживающая
в основном в Теньгушевском районе Мордовии, и каратай-
ская мордва, именуемая иногда каратаями (по с. Мордов-
ские Каратаи) в Камско-Устьинском районе Татарстана. Бу-
дучи эрзянской, теньгушевская группа мордвы подверглась
частичной ассимиляции со стороны мокши, а каратайская,
которую одни исследователи считают мокшанской, другие
– эрзянской, третьи – эрзя-мокшанской, оказалась под силь-
ным влиянием татар, утратила родной язык, перейдя на та-
тарский.

Мокша (м. мокшат, э. мокшот) – субэтнос (наряду с эр-
зей) в этноструктуре мордовского этноса (народа). Субэтно-
ним мокша этимологически восходит к гидрониму Мокша,
который в свою очередь связан с санскритским термином
moksha, означающим проливание, утеkanie, освобождение.
Как полагают археологи и лингвисты, отдельные группы ин-

доевропейских племен жили в Волго-Окском междуречье, впоследствии этнической территории мордвы, оставив здесь память о себе и в гидронимии, но задолго до нашей эры ассимилировались в местной финно-угорской среде. Наиболее ранние письменные сведения о мокше (Moxel) дошли до нас в записках фламандского путешественника XIII в. Гильома Рубрука и в сочинении «Джами-ат-таварих» («Сборник летописей» на персидском языке) иранского историка и государственного деятеля Рашида-ад-Дина, датированном началом XIV в. В русских источниках «мокшана», «мокшане» впервые упоминаются в «Книгах письма и меры» писцов Д. Пушечникова и А. Костяева за 1624–1626 годы.

Если численность всей мордвы (как мокши, так и эрзи) определялась несколькими переписями (всероссийскими и всесоюзными), то численность в отдельности мокши и эрзи не определялась. Впервые по Всероссийской переписи населения 2002 г. была получена информация о численности их по Мордовии, где называли себя мокшей 47,2 тыс. и эрзей – 79 тыс. чел. Большая часть лиц мордовской национальности Республики Мордовия при опросе называли себя мордвой. Мокша составляет треть мордовского населения.

Эрзя (м., э. эрзят) – субэтнос (наряду с мокшей) в этноструктуре мордовского этноса (народа), составляющий примерно две трети его по численности. Одно из наиболее ранних письменных известий об эрзе (ариса) дошло до нас в послании кагана Хазарии Иосифа (X в.) еврейскому сановнику при дворе испанских халифов Абд-ал-Рахмана III и Хакама II Хасдаю Ибн-Шафруту, в котором перечисляются народы, проживавшие по реке Итиль (Волге) и платившие дань Хазарии. Однако есть мнение, что это не первое письменное свидетельство об эрзе, а что таковые содержатся в трудах древнегреческих ученых-географов Страбона (аорсы) и Птолемея (арсииты). О народе Arsaia (Ersaia), царь которого «находится в Arsa (Ersa)», откуда вывозятся черные

соболя, черные лисицы и свинец, сообщал арабский географ и путешественник Ибн-Хаукаль (X в.). Об эрзянах (арджаны), как и о мокше, писал в начале XIV в. иранский ученый Рашид-ад-Дин. Эрзян (Рзян) упоминал ногайский князь Юсуф в грамоте, направленной им в Москву в 1549 году.

И сегодня мордва хотя и живут в одной единой республике, делятся на два крупных субэтноса — эрзян и мокшан. Эрзя весьма отличны от мокша в культуре, внешности и языке. Более того, на родных наречиях у них нет даже единого самоназвания!

Надо отметить, что письменность у мокшанского и эрзянского языков возникла во второй половине XVIII века на основе кириллицы. Современные алфавиты этих языков полностью совпадают с русским алфавитом.

Все современные мордва хорошо знают русский язык. Но могут ли эрзяне и мокшане понять друг друга в беседе на родных угро-финских эрзянь кель (эрзянском) и мокшень кяль (мокшанском)?

Тут сразу нужно отметить, что некогда единый мордовский этнос, по прикидкам ученых, разделился на эрзя и мокша еще примерно полторы-две тысячи лет назад. То есть, примерно тогда, когда разошлись русский и польский. Но мокша и эрзя почти все время жили бок о бок друг с другом.

Потому сегодня эрзянский и мокшанский языки в принципе во многом похожи своей основой, словами. Например, ломань — человек у мокша, и ломань у эрзя. Или пешкодомс (кричать) у мокша, пъякадомс — у эрзя. Умарь «ягода» по-эрзянски, а по-мокшански марь — «ягода». Есть много и просто одинаковых, различающихся лишь ударением, слов — ведь «вода», мода «земля», вирь «лес».

Но большинство слов в мокшанском и эрзянском все же различаются, хотя и имеют общую основу: душа у эрзя — ойме, у мокшан — вайме, коза у эрзя — сея, у мокшан — сява, сердце по-эрзянски — седей, по-мокшански — седи.

Некоторые слова в языке эрзя поменяли значение в сравнении с языком мокша. Например, кедь («кожа») – кăдь («рука»). Эрзянское кизэ «лето» соответствует мокшанскому киза «год» и так далее.

Есть немалые различия между языками эрзя и мокша в фонетике, в грамматике. Например, у мокша в основном склонении насчитывается двенадцать падежей, у эрзя – одиннадцать.

Различаются в мокшанском и эрзянском здорово и склонения глаголов. А также ударение разное – у мокша в языке оно почти всегда фиксированное, на первом слоге. У эрзя может быть где угодно.

Так что, языки мокша и эрзя видно, что родственные. Однако понять беглую родную речь друг друга мокшане и эрзяне уже не могут. Тем более, что сами эрзя или мокша различных диалектов/говоров не всегда могут понять эрзя или мокша других диалектов/говоров.

Потому беседуют эрзя с мокша, представители одного мордовского субэтноса с другим, все же на русском.

Все выше сказанное легко можно найти в интернетресурсах. Мы не будем вступать в полемику: «Почему так случилось, что у одного народа два языка?.. Хорошо это или плохо для развития языка?» Попытаемся ответить на простой вопрос: нужны ли два языка в небольшой республике и что во благо и что во вред? Тут мне хочется вспомнить студенческие годы. Из республики Мордовия по целевому направлению из Мордовского госуниверситета нас паправляли двоих. Один был эрзя и я, мордвин-мокша. В Саранске, где обучались в разных группах или, как тогда называли – в разных отделениях: я на мокшанском, он на эрзянском. На факультете и в быту мы с ним всегда разговаривали на русском. В причины не вдавался, казалось, что он не поймет, что хочу сказать. Видимо, и он так думал. Я уже тогда пробовал писать стихи и рассказы, а чтобы развиваться в этом направ-

лении, старался следить за новинками литературы. Уже тогда шли разговоры среди студентов и преподавателей: зачем мордве два языка? Среди студенческой и преподавательской братии находились и такие «словочеты», которые высчитывали проценты одинаковых, похожих, заимствованных слов в языках мокши и эрзи. Проценты впечатляли, некоторые «дотошные исследователи» их насчитывали до 80 процентов, более ленивые останавливались на 75 процентах.

Вот однажды об этом спросил молодого поэта, пишущего на эрзянском языке. У нас общих слов почти под сто процентов, почему мы переходим на русский язык?.. Он тогда прочитал свое стихотворение, которое собирался отнести в редакцию. Попросил оценить. Слова похожи, но услышал такую белиберду, что тут же выдал свое заключение – это стихотворение никакой редактор не сможет напечатать ни в одном издании. Каково же было мое удивление, когда через пару недель этот автор принес газету на эрзянском языке, где было напечатано то самое стихотворение, которое обозвал белибердой, где нарушались все основы стихосложения, в соседних строчках переплетались ямб с хореем и амфибрахий их погонял.

Тогда и впервые задал себе вопрос: почему так? Народ один. Мокшан, и эрзян называют мордвой, а последние стихи пишут без правил стихосложения. А потом еще по этим стихам песни поют – лиричные, напевные... Многие печатные издания мордву называли самым певучим народом России. Подумал, это точно про них, про эрзян. Потому что мокшан, у которых в некоторых словах по 4 согласных подряд, никак нельзя было назвать «самым поэтичным народом».

Тут позволю заметить, если бы мокшане и эрзяне перестали изучать свои языки, непременно пошли бы по пути каратайской мордвы, у которых татарских заимствований даже больше, чем мокшанских слов.

У языка свои законы, на которые мы не можем повлиять. Это равносильно тому, чтобы реки потекли вспять. Попробуйте понаблюдать за рождением реки. Река рождается из маленького ручейка. Ее не заставишь течь там, где тебе удобно. Вода бежит, журчит по пути наименьшего сопротивления. И если перегородить русло, ручей найдет другой путь. И так же будет торопиться, бежать, самоочищаясь от всевозможных стоков и примесей и радовать все живое своей прохладой и живительной силой.

Это сравнение языка с ручьем или рекой пришло ко мне, когда размышлял о наших диалектах, когда меня упрекали как редактора и издателя за то, что убираю из текстов диалектные слова, заимствования, редко употребляемые архаизмы... Называли даже пособником горереформаторов, которые при поддержке власти пытались на основе мокшанского и эрзянского языков создать единый, мордовский язык. Но к этому пришел не по приказу властей, не по уговорам своих преподавателей-языковедов, которые вмиг перекрасились и попытались объединить два языка в один мордовский. Пользы от их попыток никакой, мокшанские литературные издания до сих пор работают по старым нормам литературного языка.

Но наши «реформаторы» новые нормы успели внедрить в мокшанские учебники. Это тема для отдельного и большого разговора. Приведу лишь один факт. Сегодняшние школьники, когда читают классиков мокшанской литературы, думают, что они все были безграмотными, потому что писали по другим нормам. Эти горе реформаторы придумали как разделить в некоторых словах четыре согласные, а сегодняшним школьникам объяснить забыли, что в современной клавиатуре компьютеров и телефонов нет нужных знаков. И как читать Ъ знак между согласными. Да и сложно понять ребенку языковые нормы, который только начинает познавать мир, учиться читать.

А избавлять язык от лишних слов, заимствований научило меня сотрудничество с театром. Когда готовили к постановке мои пьесы, ходил почти на каждую репетицию, следил, чтобы актеры не несли отсебятину на сцене. Режиссер почти всегда был на моей стороне. Ведь у каждого персонажа должна быть своя речь. Этого добивался во время репетиций... Но актеры народ мудрый и без принципов. Порой играли мокшанские пьесы и русские, и мокшане, и эрзяне. Представителям других языков трудно было выговаривать слова, где было по три и четыре согласных подряд. Но в разговорной речи люди легко перешагивали через эти пороги. И актеры всегда пытались перешагнуть, чтобы лучше их понимали зрители. А зрители, ведь, это те же самые читатели. Зачем же изобретать новое русло для ручейка, если оно само знает куда течь и с какой рекой сливаться.

В последнее время меня начали обвинять в других экспериментах. Издательский Дом «Книга», который возглавляю несколько лет, начал выпускать книги поэтов на мокшанском и эрзянском языке. Когда было объявлено, что начали составлять сборник стихотворений, где каждое произведение должно быть посвящено или маме, или любимой женщине, споров среди пишущей братии было не меньше, чем гвалта среди птиц, которые осенью собираются перелететь в теплые края. Поэты ворчали, но несли свои произведения. Хоть и условие им было поставлено – покажи стихотворение, посвященное маме, а мы скажем какой ты поэт. Требования были высокие, да и тематика многих поэтов обязывала к ответственности. Этот призыв, эта тема подействовала так, что со стихами о мамах и любимых женщинах редакторам работы было гораздо меньше. Избавило меня от лишнего труда, чтобы мокшанских авторов перевести на эрзянский и наоборот. Решил всех авторов, мокшан и эрзян, опубликовать в алфавитном порядке.

Скептики возмущались, мол, напрасный труд делаю.

Мокшане не будут читать на эрзянском, эрзяне не поймут стихов на мокшанском. А тем более чтобы не выделять маститых от начинающих авторов, разместил их в алфавитном порядке. Уже и сам перестал верить в успех такой затеи. Тем более авторы и редакторы требовали два заглавия – на мокшанском и эрзянском, соревновались в изобретательности. А зачем соревноваться, если почти в каждом стихотворении встречались слова, Тядйй – по мокшански мама, авай – по эрзянски ‘мама’. А вал – по мокшански и по эрзянски означает ‘слово’. Вот и получилось название «Тядянь, авань вал». Немного отошли в заголовке от слова любовь, потому что на мокшанском «келькте, на эрзянском «вечкте», но всю любовь авторов к мамам и любимым женщинам сохранили. Стихи и книги с огромным удовольствием на презентации слушали мокшане и эрзяне, книге были посвящены отдельные теле и радиопередачи. Стихи из книги до сих пор цитируют газеты и журналы, выходящие на мокшанском и эрзянском языках.

Подобный опыт мы повторили при подготовке сборника, посвященного 70 летию Победы в Великой Отечественной войне. Сборник вышел под названием «Толса пидеф валхт. Толсо пицезь валхт» («Огнем обожженные строки»). Вот тут я пошел на поводу у авторов и редактора эрзянской поэзии. Хотя не вооруженным глазом видно сходство и различие в языках. Пошел на поводу еще и потому, в него были включены не только стихи фронтовиков, которые писали в окопах, но и стихи современных поэтов, посвященные этой великой и трагической теме.

На презентации присутствовало более ста человек. И я видел слезы на глазах людей разного возраста. Сидели вперемешку эрзяне и мокшане. И люди вытирали слезы одинаковыми платками независимо от того на каком языке (мокшанском или эрзянском) звучали стихи, посвященные великой войне.

Никогда не ставил задачу в своей редакторской и издательской деятельности сближение языков а тем более создание единого языка. Потому что хорошо знаю, что это кратчайший путь в пропасть, где сгинут оба языка. Сам писал и пишу на мокшанском языке, но чтобы произведения максимально были понятны на всех диалектах, стараюсь не усложнять свои произведения архаизмами и диалектными словами. Ими пользуюсь осторожно. И строю предложения таким образом, чтобы из контекста было понятен смысл употребленного слова.

Представьте себе картину. Человек читает или заучивает стихотворение. И ему приходится то и дело заглядывать в словарь. Это стихотворение никогда не останется в памяти читателя. А тем более никогда не станет песней. По своему опыту знаю, как обижался на композиторов, которые просили упростить тексты. Минимизировать или заменить слова, где много согласных. Мол, иначе не приживется песня в народе. Я злился и делал упрощенные тексты. Ругал себя. А теперь иногда радуюсь, когда слова из этих стихотворений без труда читают мои внучки, которые растут вдали от языковой среды. И вот тут я перефразирую общеизвестную фразу: поэтом можешь ты не быть, но писать народу понятным языком обязан. Стараюсь писать на языке, на котором говорил первые слова, на котором слушал колыбельные песни своей мамы.

Если делать иначе, писатель будет писать, а его читатели писанину относить в пункт приема макулатуры. Это могу подтвердить многими примерами из своей практики. Их множество. Все перечислять не буду. Расскажу только об одном случае.

Когда работал в детском журнале «Якстерь тяштенья» («Красная звездочка») обратил внимание на двух авторов. Две девочки из шокшанского села присылали в редакцию очень грамотные тексты – легенды, сказки, стихи... Долго

их не публиковал, пытался побольше разузнать про них в районном отделе народного образования, дозвонился до учительницы... На мои наводящие вопросы в один голос отвечали – девочки пишут сами. Не мог найти ответа на свой вопрос: как это так, когда у них родной язык (диалект) шокшанский, а на мокшанском пишут грамотнее многих наших авторов, у которых родной язык мокшанский.

Пригласил их на семинар молодых писателей. Во время этих семинаров дети проживают и занимаются без учителей и родителей. Пока знакомился с рукописями, которые они привезли для обсуждения, дал простенькое задание – написать сочинение. Думал, быстро найду ответы на все свои вопросы об авторстве. И нашел... Когда зашел к этим молодым авторам, они сидели за столом, старательно писали... А перед ними лежали словари. Нет, не мокшанско-шокшанские. Русско-мокшанские. И тогда в первый раз понял, какой титанический труд делают эти девочки. Стараются писать на своем, шокшанском. Мысленно переводят на русский, а с русского – на мокшанский.

Признаюсь, после этой встречи начал очень часто публиковать их произведения. Рекомендовал для поступления в педагогический университет. Они поступили. Но филологами не стали. Уверен, они стали классными педагогами, но не преподавателями родного языка. У них нет шокшанского языка, есть только диалект. Нет словарей, нет грамматических норм, а это все приведет к исчезновению языка, диалекта и к обезличиванию его носителей.

Эти девочки пропали из литературного небосклона. И если не принять соответствующих мер по изучению языка, пропадет и их язык. И уже пропадает.

А.В. Алемань
г. Барселона, Испания

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АЛАНОВЕДЕНИЯ

Как я обещал во время своего первого, и до сих пор единственного, пребывания во Владикавказе много лет назад, сегодня я прочитаю свой доклад на русском языке; простите мое произношение и возможные ошибки, но я подумал, что так будет легче понять. В первую очередь я хотел бы поблагодарить организаторов за приглашение принять участие в этом конгрессе и, прежде всего, пожелать профессору Федару Таказову скорейшего выздоровления от болезни. К сожалению, мне не удалось приехать снова в Осетию и посетить Дигорское ущелье, как я хотел, из-за проблем с визой и из-за ограничений, связанных с коронавирусом. Однако, несмотря на это, я хотел воспользоваться случаем, чтобы выступить с кратким докладом в поддержку этой конференции. Так как я не специалист по дигорскому языку, но специализируюсь по источникам об аланах, а другие ученые уже занимались ключевыми вопросами дигорской филологии и истории, имея более глубокие знания, я решил выступить, отталкиваясь от моего личного опыта тридцати лет занятий алановедением. Кроме того, я сам говорю на каталонском языке, являющемся языком меньшинства: около десяти миллионов человек, и они в основном двуязычные, поэтому сегодня можно сказать, что каталонский является исчезающим языком, как дигорский и даже иронский. Хотя я не говорю ничего нового, сначала я должен упомянуть, что большинство слов основных памятников аланского языка, другими словами – Зеленчукская надпись, аланские фразы в «Теогонии» Иоанна Цеца, Ясский глоссарий пятнадцатого века из Венгрии и заметки на полях византийской рукописи, обнаруженные около двадцати лет назад – все они

представляют собой архаичные формы осетинского языка, соответствующие современному дигорскому.

Самый старый из этих памятников датируется не ранее десятого века, а самый последний – пятнадцатым веком, в период, который условно можно назвать древнеосетинским.

Ранние стадии аланского и сарматского языка, задокументированные у античных авторов, в древнегреческих надписях Северного Причерноморья и в заимствованиях из аланского в другие языки, также часто можно интерпретировать с помощью осетинского.

По-моему, дигорский интересен своей архаичностью, сближающей его с аланским, но ясно, что осетинские диалекты и аланский не один и тот же язык, и хотя между ними существует близкое родство, трудно установить, в какой степени диалекты современного осетинского языка являются прямыми потомками известных форм аланского.

Таким же образом я не знаю, насколько правильно называть скифосарматский – древнеосетинским, или аланский – среднеосетинским. Имея же ввиду то, что есть значительные различия между дигорским и иронским, и понимание с одного диалекта на другой не всегда возможно, может было бы правильней относиться к ним как к очень близким, но разным языкам, например, как каталанский и испанский.

Проблема заключается в том, что наше знание о древних стадиях языка недостаточно.

Источники о древних кочевниках евразийских степей ограничены, и у нас нет информации об их языке до относительно недавнего времени.

Немногочисленные сохранившиеся памятники аланского – это лишь остатки более богатой и сложной реальности, которую мы никогда не сможем полностью реконструировать. То же самое можно сказать об аланах: несмотря на время, прошедшее с тех пор, как я начал интересоваться аланами, мне все еще интересно, кем они были.

Переименование государства Яньцай в Алань в китайских анналах похоже совпадает с первыми упоминаниями об аланах в классических источниках. Арийская этимология их имени предлагает подумать о позднесарматской конфедерации, а три века спустя свидетельство Аммиана Марцеллина предполагает существование разнородной кочевой империи. Но, что еще? У нас есть сведения об аланах в течение пятнадцати веков, а этот период нельзя рассматривать как монолитную реальность. Например, Монголы создали величайшую империю своего времени и возможно всемирной истории, а эта империя оставалась единой чуть более века, прежде чем раствориться в различных государствах, которые исчезли в последующие столетия. Поэтому, если гипотеза аланской конфедерации верна, мне трудно поверить, что она продолжалась более одного или двух веков, и, наверное, со времени вторжения гуннов этноним «аланы» уже обозначал ираноязычные народы Понтокаспийских степей, если имя не стало архаизмом у византийских авторов или даже иногда использовалось для обозначения других народов, как часто было с этнонимами «скифы», «гунны», и другими.

Их кочевые миграции в оба конца Евразии, их взаимодействие с другими степными народами и с соседними царствами, их переход на оседлый образ жизни и, наконец, процесс этногенеза осетинских народов – все эти факты заставляют меня думать, что нельзя говорить о единообразной, но о разнообразной и сложной исторической преемственности. Что я имею в виду под этим? Например, в этом году коллега из Венгрии попросил меня написать статью о религии алан, и я все еще думаю, как это сделать без данных Геродота о скифской мифологии, или не прибегая к традициям осетинского нартского эпоса. Проблема в том, что мы почти ничего не знаем об аланской дохристианской религии; но я сомневаюсь, что правильно приписывать им религиозные

обычаи их предков и потомков по умолчанию. Несмотря на сходство некоторых аспектов религии аланов со скифскими и осетинскими верованиями, это не позволяет нам восстанавливать все, что мы не знаем, из этих последних. История аланов часто похожа: больше сомнений, чем уверенности, хотя это может быть хорошим стимулом для продолжения исследования. А как насчет исторической преемственности от аланов среди современных осетин?

Во время моего пребывания во Владикавказе мне довелось проверить прогрессирующую «реаланизацию» осетинского постсоветского общества, начиная с самого нового названия республики, и заканчивая, например, названием авиакомпании или главного футбольного клуба. Я понимаю, что восстановление исторического прошлого сыграло важную роль в национальном возрождении последних десятилетий, но, тем не менее, извините меня, однако, по моему мнению, нынешние осетины объективно больше не аланы, так как «аланство» исчезло много веков назад. С другой стороны, прямым следствием моей поездки было то, что я обнаружил, что мой труд о маленьком и мало знакомом народе на западе, который в моей стране даже кажется несколько экзотическим, тогда приобрёл новые горизонты: чисто интеллектуальное занятие превратилось в занятие ответственное перед лицом возможных последствий, которые могли бы появиться в случае слишком свободных или предвзятых интерпретаций моей работы. К сожалению, у меня сложилось впечатление, что наука иногда использовалась в Кавказском регионе на службе у политики, например, когда аланы или «аланство» были связаны с территориальными проблемами. По-моему, этого следует избегать всеми возможными способами. Надеюсь, история станет инструментом понимания, а не противостояния кавказских народов. Вскоре после моей поездки осетинские друзья в Москве предложили мне написать предисловие к русскому переводу книги Говарда

Рида об Артуре, короле драконов. В этом случае я также не перестал удивляться тому, что, несмотря на наличие самой богатой и захватывающей истории, насчитывающей почти три тысячи лет деяний и подвигов скифов, сарматов и аланов, было приоритетным изучение происхождения одного зарубежного литературного эпизода, чья возможная историческая основа теряется в легендах.

Я закончил свое предисловие этими словами: «осетины не нуждаются в короле Артуре, чтобы чувствовать себя гордыми за свое культурное наследство; сегодня их главное достояние – это их собственный язык, последний потомок диалектов, на которых говорили степные ираноязычные кочевники Юга России».

Нет необходимости говорить, что, насколько мне известно, этот текст никогда не был опубликован. Тем не менее, сегодня мне хотелось бы завершить доклад еще раз с убеждением, что нет смысла искать аланов под круглым столом короля Артура, если аланские археологические памятники разрушаются для строительства автомагистралей или если дигорский язык медленно умирает из-за отсутствия официальной поддержки.

Конечно, это всего лишь мнение иностранного ученого, а от вас зависит сделать все возможное, чтобы сохранить дигорский (и даже иронский) язык для будущих поколений и для всемирного культурного наследия. Спасибо большое за ваше внимание.

Устур бознуг.

З.А. Алборова
г. Москва, Россия

ОБ ОПЫТЕ ПЕРЕВОДА ДИГОРСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК И О ПРОБЛЕМАХ ДИГОРСКОГО ЯЗЫКА В ОСЕТИИ

Прежде чем начать, мне бы хотелось поблагодарить всех организаторов данной конференции за приглашение и возможность рассказать о моей исследовательской работе [4].

По началу, я планировала рассказать об опыте перевода дигорских нартских сказаний на испанский язык, однако, мне кажется очень важным в рамках данного доклада также затронуть тему проблематики его статуса и состояния дел с дигорским языком, тем более что это имеет прямое отношение и ко мне, и к проделанной мной исследовательской работе.

Также я хочу упомянуть имена людей, которые оказали мне большую поддержку в ходе работы и делились со мной своими знаниями дигорского языка, фольклора, истории и этнографии. Спасибо доктору наук Федару Таказову, за его многолетние консультации по дигорскому языку. Спасибо Эльбрусу Скодтати и Амурхану Къибирти за великолепный свод нартских сказаний на дигорском языке [9], опубликованный ими в 2005. Мне бы хотелось почтить память Тамары Алексеевны Хамицаевой, которая внесла бесценный вклад в осетинскую науку, под ее руководством были сделаны издания и комментарии нартского эпоса [7], которые послужили основой всех моих исследований, она познакомила меня с ведущими специалистами по фольклору СОИГСИ и предоставила мне возможность работать в архивах института.

И, конечно, я хочу поблагодарить своего научного руководителя профессора Барселонского Автономного университета Агусти Алеманя за непростой труд наставника и за пример истинной, академической науки.

В 2003 году, как вы знаете, на русский язык была переведена монография профессора Агусти Алеманя «Аланы в древних и средневековых письменных источниках» [6]. Этот труд является до сих пор самым масштабным компендиумом всех письменных древних и средневековых источников по аланам. Книга профессора Алеманя произвела настоящий фурор в алановедении. В это время я жила в Барселоне и написала ему с тем, чтобы, во-первых, поблагодарить за такой удивительный труд, во-вторых, сказать, что мечтала поступить к нему в аспирантуру и заниматься изучением алан. Профессор Алемань любезно согласился со мной встретиться. Он пояснил, что не является историком, изучающим алан, но как классический филолог, в своё время начал работу над греко-латинскими источниками об аланах, а позднее перешёл к исследованию всех остальных древних и средневековых письменных источников. Так как я не изучала классическую филологию, углубляться в работу над древними источниками представлялось маловероятным. Но существовал богатый фольклорный материал на моей Родине и несмотря на то, что в нартском эпосе, не содержится прямых исторических фактов об аланах, тем не менее эпос и язык эпоса являются обширным источником информации для учёных из многих областей науки. Профессор Алемань предложил мне издать, прокомментировать и перевести эпос на испанский язык. Во время той же самой встречи с профессором Алеманем, было решено, что базой для работы станут сказания на дигорском языке, так как он является более архаичным, чем иронский и представляет большой интерес для исследований.

В 2004 году я поступила в аспирантуру на кафедре Древности и Средневековья Автономного университета Барселонны. В ходе учёбы в аспирантуре, общения с преподавателями и студентами нашего факультета, мне стало понятно, что люди что-то знали о скифах и аланах, но совсем мало

об Осетии, практически ничего о существовании нартского эпоса и Дигории. Мне казалось, что из поля их исследований выпадал очень большой пласт материала о культуре, языке, мировоззрении, верованиях ираноязычных кочевников, которые, как говорит профессор Дугин, были носителем того же индоевропейского Логоса, что и древние греки и латиняне, которых они усердно изучали. Эти ираноязычные кочевники находились в теснейшей связи с античным миром и оказали сильное влияние на него во всех аспектах. В последующие несколько лет я поставила себе целью выявлять языковые и культурные сходства между античной Грецией, Римом, Авестой, Ведическими традициями, которые более широко изучаются на Западе, и скифами, сарматами и аланами на основе материала дигорских сказаний. Помимо работы над диссертацией, в соавторстве с профессором Алеманом была написана статья для журнала *Faventia* [1, с. 105-123], который издавала наша кафедра Древности и Средневековья. Также я использовала этот материал в лекциях по индоевропейскому языкознанию в университете, и в лекциях об Осетии в других учебных заведениях, куда меня приглашали. Одной из попыток рассказать о Дигорском нартском эпосе и его ценности для исследований в различных гуманитарных науках, стала моя работа о Шаманизме по предмету антропология в аспирантуре.

И всё же главным была работа над самими текстами под руководством профессора Алеманя. Первоначально мы хотели выбрать дигорские сказания из архива в СОИГСИ, но в 2005 году вышло в свет издание дигорских сказаний, составленное Эльбрусом Скюдтати и Амурханом Къибирти. Подбор сказаний, наличие сведений о сказителях и данных о том, где и когда материал был записан, словник с пояснением редких дигорских терминов и другой дополнительный материал издания, показали нам очень интересными. Тем более, что в нём встречались сказания из фондов СОИГСИ,

которые раньше не публиковались. Я считаю, это издание уникальным. Ценность его состоит и в том, что его составители работали с оригинальными записями, сохраняя стиль сказителя и орфографию собирателя. Это очень интересно. Ведь мы с вами привыкли читать нартский эпос, прошедший цензуру, с отредактированным текстом. При чём отредактированным в силу норм, соответствующих определённому времени. Иногда коррекция и цензура вымарывали прочь интересные языковые и этнокультурные явления. А тут мы услышали речь, живых людей. Вы знаете, моментами попадались неожиданные обороты речи, которые вырисовывали непривычный образ наших предков и образ прошлого менялся. Мы решили взять это издание за основу для перевода, проводя сравнительный анализ каждого сказания с другими дигорскими и иронскими сказаниями, издававшимися с 1902 года. Мы выделили 6 основных циклов эпоса: цикл о Происхождении нарттов – Уархаг и его потомство, цикл сказаний об Уоразмаге и Сатане, самостоятельные циклы о Сослане и Сирдоне, цикл Хамиц и Батрадз, цикл об Ацамазе и разделили нашу работу на два этапа: работу на соискание кандидатского минимума и степени доктора наук, к сожалению, последняя в связи с семейными обстоятельствами не была доведена до защиты.

В диссертацию на соискание кандидатской степени вошли: Вводная часть из восьми глав, тексты на дигорском языке, перевод первых трёх циклов и научные комментарии. В рамках данной диссертации, из-за обилия терминов, которые необходимо было комментировать, мы не ставили себе целью проводить критический и глубокий анализ каждого случая, скорее обозначить линии для возможных будущих серьёзных исследований и кратко ознакомить испаноязычного читателя с традициями наших предков.

Вводная часть рассказывала о том, кто такие Нарты; о том: как, где и когда собирались и издавались нартские ска-

зания; о том какие варианты эпоса существуют на Кавказе и чем они отличаются от осетинского, дигорского варианта. Далее рассказывалось о сказителях и о том какое значение и распространение имели сказания в среде осетин, также одна из глав посвящалась формам, в которых сказания бытовали в народе: поэзия и проза.

Одним из наиболее важных вопросов, которые мы осветили, был: почему именно осетинский-дигорский вариант был выбран для нашей работы и перевода, ведь на Кавказе существуют версии эпоса у многих народов. Всеволод Миллер и Жорж Дюмезиль блестяще доказали, что основное ядро эпоса сформировалось в среде предков осетин, тем не менее каждый из кавказских народов, в чьей среде бытовали нартские сказания, оспаривает по сей день роль авторства этой древнейшей эпической традиции, как видно, например, из работ Салакая, З.И. Алиевой, И.И. Алиева и др. Мы изучили всю существующую литературу об эпосе у кавказских народов, проанализировали все сходства и отличия, антропониимику и топонимику и пришли к убеждению, что эпос был создан нашими предками, не кавказскими народами, а ирано-язычными кочевниками.

Почему был выбран именно дигорский язык для нашего перевода?

По нашему твёрдому убеждению, дигорский является более архаичным, чем иронский, это утверждало множество учёных, среди них Абаев, Исаев, Дюмезиль, Батлер, Алемань и многие другие. Это очевидно любому филологу, занимающемуся иранистикой и индоевропейским языкознанием. Формы дигорского языка значительно ближе к древним языкам той группы, в которую входит осетинский язык. Когда внутри Осетии возникают споры о важности сохранения дигорского языка, во-первых это вызывает настоящее удивление со стороны филолога, а во-вторых всем тем, кто преуменьшает серьёзность сегодняшнего состояния ди-

горского языка и его ценности, хочется напомнить слова, сказанные 70 лет назад Васо Абаевым:

Неоценимой сокровищницей для историка осетинского языка является, в особенности, дигорский диалект. Достаточно сказать, что в области, фонетики и отчасти морфологии он отражает нормы, переходные от древнеиранских к современным иронским. Иначе говоря, в ряде явлений фонетики и морфологии дигорский и иронский диалекты могут быть рассматриваемы, как два последовательных этапа развития одного и того же языка [5, с. 360].

Ключевая фраза: два последовательных этапа развития. Это означает, что *дигорский язык древнее, чем иронский и ближе к своему предку – аланскому*. Васо Абаев был создателем единственного этимологического словаря осетинского языка. Это учёный, который занимался непосредственно историей языка. И тем убедительней звучит это высказывание. Но не всё, сказанное Абаевым, является истиной в последней инстанции. Например, его заявление о том, что дигорский и иронский являются диалектом осетинского языка. Не будем забывать, в какие времена начинал работать Васо Абаев, это было время, когда были репрессированы первые осетинские профессора и большая часть осетинской интеллигенции, когда сам дигорский язык был репрессирован. Об этом я впервые прочитала, работая над материалами для своей диссертации в архивах СОИГСИ. По началу подобные утверждения могли стоять жизни, а через 3 десятилетия карьеры и статуса. Именно поэтому в науке сложилась традиция о диалектном делении. Сегодня, мы обязаны трезво взглянуть на факты и открыто признать, что Дигорский, действительно архаичней и различия между дигорским и иронским, если не доказывают развитие иронского из дигорского, как более позднюю стадию, то возможно указывают на более древнее разделение и развитие этих языков. К сожалению, в данный момент мы не имеем возможности убе-

дительно выстроить теорию о появлении дигорского языка. Произошел ли он напрямую от аланского, либо от одного из народов, который упоминался в хрониках под собирательным этнонимом аланы (ведь мы знаем, что аланы не были однородным этническим элементом, скорее всего это было объединение родственных народностей и групп), гипотез на сегодняшний день много, а материала мало. Несомненно, одно, дигорский не является диалектом иронского, который по умолчанию подразумевают под осетинским, и Дигорский язык настолько архаичен, что стоит в одном ряду и выявляет сходство с: древнеперсидским, авестийским, бактрийским, согдийским, хотанско-сакским, хорезмийским, пехлеви, скифским, сарматским и аланским. Особенную ценность он представляет для реконструкции и изучения древнеиранского и индоевропейского языков.

Индоевропейский язык, это реконструированный язык общего предка таких народов как: русские, англичане, немцы, испанцы, итальянцы, древние греки, римляне, часть народов индии, все ирано язычные народы и многие другие. Сегодня на каждом филологическом факультете во многих университетах мира преподаётся предмет – индоевропейский язык. Так вот в 30ые годы моих прадедов Бориса Алборова и Губади Дзагурова обвинили в буржуазно националистической пропаганде исходя из того, что они среди студентов распространяли лживую науку о некоем индоевропейском языке. Сегодня, для того чтобы изучать индоевропейский и выстраивать связи между всеми языками от него произошедшими, можно и нужно приводить примеры не только из древнегреческого, латыни, пехлеви, готского и русского, но и скифского и дигорского.

Дигорский язык проливает свет на многие пятна в изучении древних, умерших языков, и наоборот, многие белые пятна и спорные вопросы относительно дигорских терминов, которые мы тяжело интерпретируем, встречающиеся в

эпосе, можно трактовать обратившись к сведениям из этих языков. Таких спорных вопросов или белых пятен достаточно много и по сей день и это привлекает внимание иностранных учёных.

По этому поводу Анна Батлер в своей работе «Три Дигорские заметки» [2, с. 13-14] написала следующее *«Среди дигорских текстов нартского эпоса существует большое количество слов и фраз, которые сложно интерпретировать»*. Это послужило источником для ее работы, опубликованной в *Journal of the Royal Asiatic Society* – Журнала Королевского Азиатского Общества Британии и Ирландии, в Лондоне в 1990г. В этой статье она даёт интерпретацию трём терминам из дигорских нартских сказаний, которые ранее не были убедительно интерпретированы: *«гәндзæхгин»*, *«Æнсури мæйæ»*, *«æхсæз уедагæ»*.

В ходе моей работы над переводом случаи, когда дигорский термин, который сказители употребляли, не зная его происхождения, выявлял связь с верованиями и культами предков дигорцев, случались неоднократно. Когда человек работает над переводом, очень важно понимать глубинный смысл слов, не только употребление его в современном языке. Необходимо знать когда возник термин, его этимологию и употребление в родственных древних языках, или исчезнувшие варианты употребления в самом языке источника. Только так можно понять истинную природу персонажа и его действия в эпике, иначе при интерпретации термина можно воссоздать ложную картинку. В этой связи хотелось бы привести пример термина *«дæсни уоса»*, который вызвал наш интерес во время работы над переводом. Во многих сказаниях нарты обращаются за советом к *«дæсни уоса»*. Она обычно живёт на окраине нартского села и подсказывает выход из запутанной ситуации, избавляет от горя и состояния безысходности, главного героя.

В словаре Таказова [10] и словаре Абаева мы находим

следующие значения слова: «умный, ловкий, искусный, мастер, знаток, знахарь». Самым простым было бы перевести это слово, как «знахарка». Однако у Абаева приводятся примеры употребления, где этот термин связан с гаданием и ворожбой «*даэсни фарсун*». Тем не менее, это не отображено в вариантах перевода слова на русский и игнорируется для выстраивания этимологии. Для этимологических связей Абаев выбирает лишь те термины, которые укладываются в линию «искусности и мастерства», а также понятия «правый», как в словосочетании «правая рука». Но эта этимология также не вяжется с тем фактом, что нарты отправляются к этой женщине за ответами, на волнующие их вопросы, а не за мазями, и не за учением о том, как строить башни, или вышивать канителью (это примеры употребления слова, которые приводит Абаев). Он возводит этимологию даэсни к др.инд **dakṣina* – «искусный, ловкий», ав.**dašina* – «правый, правая сторона» < инд.е **deks*

Нас это не убедило. Мы увидели возможную связь «*даэсни уоса*» со жрицами ираноязычных кочевников, конкретно сарматов и алан. О том, что у предков дигорцев существовали женщины жрицы нам известно из археологических находок (Например находки из кургана Хохлач, богатым золотыми украшениями женщины жрицы культа плодородия). Мы решили обратиться к Этимологическому словарю иранских языков Расторгуева и Эдельмана [8, с. 327], вышедшего в 2003г. Мы нашли основу **dans-*: *dah-*(<**dns-*): *das* – перед глухими согласными со значениями «*быть умным, знающим, учить, обучать*» – из арийского **dans*, др.-инд. *dams* «*оказываться в силах, уметь делать что-либо мудрое, чудесное*», например **dasma* – искусный, восходит к инд.е. **dens* – : «*обладать чудесными знаниями, мочь, учить, обучать*». Подобные термины встречаются в авестийском Гат и позднем авестийском с различными фонетическими вариантами праформы, которые диктуются чередованием соглас-

ных исхода корня *-s после *-n. А мы знаем, что в дигорском часто имеет место метатеза. Интересен термин из поздне авестийского **dahma-* «религиозно посвящённый член общины». Эти данные нам позволили согласиться с Bailey [3, с. 154], который тоже возвёл этимологию «*даэсни*» к тому же древнеиранскому корню **dans*, и связать образ «*даэсни уоса*» с образом жриц у скифов, сарматов и алан. Это предположение, и раскрывающиеся варианты, достойны более глубоко изучения.

Еще один краткий пример. В ходе нашего совместно с профессором Алеманом исследования на тему связей древнегреческих традиций и дигорского нартского эпоса, опубликованного в совместной статье для журнала *Faventia* [1, с. 105], мы обнаружили в сказании «Орæзмаги кувд», что среди привычных рас уаигов *гумерита*, которую Абаев возводит к кимерийцам, перечислена еще одна раса уаигов – «*уадмерита*». Термин «*уадмер*» не имеет своего толкования в этимологическом словаре. Нам показалась возможным связь *уадмерита* с *др.ир *vāta* – схожим с дигорским *уада* «вихрь, буря, ураган». Эта интерпретация подтверждает этимологию термина «*уаѣуѣ*» от имени бога ветра *Vayu* и подтвердила нашу гипотезу о том, что «*уадмерита*» – это гиганты древнегреческой традиции. Более подробно мы описываем это в нашей статье.

Дигорские сказания изобилуют не только уникальными терминами, топонимами, этнонимами, именами и образами персонажей достойными пристального изучения, в них встречаются слова – *һарах* и даже целые эпизоды и сюжеты, которые не встречаются ни в других кавказских версиях, ни в иронских. Наглядным примером является сказание, где нарты сбрасывают главную героиню эпоса Сатану в озеро мёртвых. В дигорских сказаниях существуют разные варианты этого сюжета с общим ядром, но разной концовкой. Интересен не только этот прецедент и сами версии сказа-

ния, в необычном образе в них предстаёт перед нами сама Сатана: старая, подавленная, беспомощная, брошенная и в прямом, и в переносном смыслах. Сатана и ее сын Сослан, как будто теряют свою эпическую, легендарную сущность. К тому же, это единственный случай, в котором Сатана погибает. К сожалению, в рамках данного доклада мы не можем рассмотреть всевозможные интересные случаи, на которые мы обратили своё внимание в ходе нашей исследовательской работы. Резюмируя, хочется сказать, что дигорские нартские сказания являются интереснейшим источником для многочисленных последующих исследований, важных для исторической, антропологической и этнографической реконструкции мира, культуры и верований ираноязычных кочевников, и в целом, индоевропейских народов.

II Проблемы дигорского языка и его статуса сегодня.

В ходе своей работы над переводом, я обнаружила, что есть заметные различия в лексике и оборотах речи между жителями горных сёл Дигории и равнинными сёлами. Одним из моих информаторов была моя бабушка Иза Игнатьевна Дзотцоева, урожденная Сабанова, 1926 года рождения, выросшая в Дигоре. Когда у меня возникали трудности с понимаем отдельной лексики, речевых конструкций или фразеологических оборотов в тексте, я обращалась за помощью к ней. Но некоторые моменты, слова были непонятны и ей (их не так мало, как может показаться). И в таких случаях мне приходилось обращаться за помощью к Федару Таказову, и к ныне покойному Цараку Тобоеву.

Мне кажется важным остановиться на своём случае, как отображении существующего печального состояния дел с дигорским языком. Когда Агусти Алемань предложил мне заняться переводом эпоса, он предполагал, что дигорский является моим родным языком. Но, к сожалению, родиться в Дигоре, и быть носителем дигорского языка, сегодня это не одно и то же. Отношусь я к фамилии Алборовых, мой

прадед Борис Андреевич Алборов был первым осетинским профессором, брат его жены, моей прабабушки Христины Алексеевны – Губади Дзагуров был другим известнейшим профессором филологом, большим знатоком дигорского языка и фольклора. Тем не менее в семье моего прадеда говорили по-русски. Было ли это следствием того, что прадед был иронец, а прабабушка дигорка, или следствием того, что так было принято в интеллигентных семьях Владикавказа, сейчас судить сложно, но ни мой дед, ни мой отец уже не говорили по-иронски. Мама моя родом из Дигоры из фамилии Дзотцоевых. Поэтому я родилась в Дигоре. Тем не менее моим родным языком является русский. Дома у нас звучала лишь русская речь, на русском языке сформировалось моё сознание и на русском я заговорила. Но не только мои родители говорили с нами по-русски. В детском саду воспитатели говорили по-русски, в школе мы обучались на русском, у нас даже не было предмета осетинский язык и литература. Я осмелюсь утверждать, что в городе Орджоникидзе советского периода принято было разговаривать в основном по-русски. Конечно, этот факт с одной стороны усложнял для меня перевод дигорских сказаний, с другой стороны, как сказал Агусти, эта работа стала, в своём роде возвращением к истокам.

В ходе моей работы над диссертацией, каждое лето я приезжала во Владикавказ и работала в архиве СОИГСИ. В этот момент я обнаружила материалы, где дигорский язык объявлялся контрреволюционным. Действительно, это объективный фактор, нанёсший удар по самосознанию дигорцев и предопределил языковую политику почти на 100 лет вперёд. Но, всё же он был не единственным. Исчезновение языков и даже культур сопровождало человеческое общество испокон века. Когда-то русский язык помог ликвидировать неграмотность за считанные годы и наш народ, впервые за многотысячелетнюю историю совершил, по сути, цивилизацион-

ный скачок, приобщившись к богатейшей русской культуре и к наукам, которые к нам пришли через него. К сожалению, как я отметила выше, впоследствии политические лидеры СССР нанесли удар по языкам малых народов. А народ, не понимающий языковые процессы, не видит проблемы или не понимает, какие меры необходимо принимать во имя спасения языка. Люди считали и считают до сих пор, что, если они будут говорить дома на родном языке, он не исчезнет. Но, во-первых, он постепенно стал звучать в меньшем количестве домов, во-вторых, народ не понимает, что с течением времени, как из быта, так и из речевого оборота выпадают огромные пласты лексики, потому что мир вокруг стремительно меняется, все меньше процессов и операций человек выполняет руками, видоизменяется привычный образ жизни дигорца в его домашнем хозяйстве. К примеру, на наших глазах люди у себя дома перестали самостоятельно шить одежду и обувь, изготавливать матрасы, одеяла, покрывала, очень большое количество людей перестало держать скот. А соответственно изготавливать дома колбасы и прочие мясные и молочные продукты. Очевидно, что бытовой язык, говорящих на нём сегодня дигорцев беднеет день ото дня. Народ не понимает, что бытовой язык очень скуден, он ограничен в любом языке. Для гармоничного существования и развития языка необходимо либо существование бардовской эпической традиции, либо литературы. Сказители, которые владели богатым языком, обучались с раннего детства своему искусству, обогащали язык и образное мышление народа, ведь простые люди слушали сказителей регулярно. Но они исчезли, матери и бабушки перестали рассказывать детям сказки на родном языке, их заменили мультики на русском. Дигорский исчез из школ и учреждений. Также в Осетии началось преобладание иронского, который не был контрреволюционным и был взят за основу общего языка для всех осетин.

В детстве, у нас внутри возникало чувство ущербности, я хотела выучить дигорский, но все попытки просить взрослых говорить с нами по-дигорски заканчивались ничем. В школьные годы я думала, что, если бы я жила в Дигоре, и ходила там в школу, я бы заговорила по-дигорски. Но опыт моих маленьких двоюродных сестёр, которые родились не так давно и растут в Дигоре, ходят там в школу в 5ый и 8ой класс показывает обратное. Обе мои сестры русскоязычные. Однажды я спросила у своей бабушки: почему она с нами всегда говорила по-русски, она ответила, что так ей было легче, чем объяснять каждый раз что-то, что мы не понимали. Мама на этот вопрос ответила так, что она уехала из Дигоры в 16 лет, поступила в ГМИ и всю свою взрослую жизнь разговаривала в основном по-русски. Она утратила навык общения на дигорском. Эти факты я привожу для того, чтобы подробно описать процесс, приведший к тому, что происходит сегодня. Ситуация не везде одинаковая, в селах в семьях говорят на дигорском, но это только бытовая речь. Выше я писала, что этого мало. Богатой культурной жизни на дигорском, к сожалению, в течение десятков лет не было. В Дигорской школе даже не преподаётся родной язык. Большинство дигорцев сегодня не в состоянии читать нартские сказания на родном языке без словаря.

В этой связи, хочется отметить бесценный вклад Федара Таказова в дигорское языкознание. В моём детстве не было учебников и словарей дигорского языка, выучить самостоятельно язык, не было возможности. Словарь Таказова – это главный труд по дигорскому языку, это ось вокруг которой можно уже выстраивать многие процессы.

Для спасения Дигорского языка от исчезновения, необходимо осознать, что нам действительно это угрожает, и начать действовать радикально. Проживя 20 лет в Каталонии, я знаю, что выход есть. И пусть нас не пугает то, что нас мало, а каталонцев 10 миллионов. Каталонский язык был

запрещён на протяжении нескольких десятилетий, и в Каталонии родилось, как минимум два поколения, для которых родным был испанский. Тем не менее с конца 20 века стала вестись жёсткая языковая политика. Все школы и университеты были переведены на каталонский, все делопроизводство стало полностью билингвальным, любой документ имеет 2 варианта каталонский и испанский. Во многих компаниях стали требовать знание каталонского при принятии на работу. И никого не волновало, приехал ли ты из Мадрида или Лондона. К примеру, наша аспирантура была вся на каталонском. Конечно, и у каталонского сегодня есть проблемы, но их не сравнить с проблемами дигорцев и дигорского языка.

Тут мы плавно подходим к проблеме о статусе дигорского. Диалект или язык?

Ставить вопрос о необходимости придания статуса языка дигорскому диалекту, находясь в Осетии, упирается в ограничения, вызванные субъективными национальными чувствами. Между тем, это вопрос совершенно объективный. Любой язык и люди, говорящие на нём, имеют право на то, что язык поддерживался всеми возможными средствами. Я упоминала выше, что дигорский язык имеет большое значение для всей иранистики, индоевропеистики, антропологии, истории, археологии ирано-язычных кочевников, мировой истории религий и даже социологии.

Когда кто-то выступает против, и утверждает, что это диалект (забудем о задокументированных репрессиях 30ых годов), у меня возникает встречный вопрос диалект какого языка? Иронского? Это невозможно, так как иронский является более поздней стадией развития некоего общего предка, нежели дигорский. Тогда какого? Если мы говорим о диалекте, должен существовать физически, а не абстрактно язык, от которого имеет место девиация в виде диалекта. До сих пор утверждалось, что дигорский, это диалект

осетинского языка. Но что такое осетинский язык, если не абстрактный русский термин, этимологически восходящий к грузинской основе? В не русского контекста, осетинский язык не существует. Когда речь заходит об оригинале, под ним по умолчанию почему-то подразумевается иронский. Предположительно есть общий предок: Аланский, к которому дигорский ближе. Но аланского языка уже не существует, так как не существует алан. К тому же мы не имеем достаточных сведений об аланском языке. Поэтому ни дигорский, ни иронский не являются диалектами аланского. Мы знаем, что под аланами могли подразумеваться разные племена, родственные, но разные. Также мы знаем, что в оригинале существуют только термины *дигорон æвзаг* и *ирон æвзаг*. *Æвзаг* означает язык. Ни в дигорском, ни в иронском не существует термина диалект. К примеру, существует Испанский язык. У испанского языка существует восемь диалектов: кастильский, андалусийский, канарский, карибский, центрально американский, андинский, затем чилийский и, наконец, риоплатенский. Испанский язык существует юридически и фактически, на нём говорят сотни миллионов людей. В том числе билингвальные регионы Испании, такие как Каталония, Страна Басков, Галисия. Все перечисленные диалекты представляют собой некие видоизменения одного существующего языка. Но эти девиации не столь существенны, как различия между дигорским и иронским. Испанский был первичен, а диалекты сформировались позже, под влиянием разных факторов. В испанском языке есть термин диалект. Испанский язык восходит к латыни, как все романские языки. Существует также его более древняя форма, бытовавшая в средневековье. От староиспанского языка также образовался сефардский язык.

Он практически ему идентичен, тем не менее он называется языком. Существует Королевская Академия Испанского языка, которая ведаёт всеми нормами, вопросами, проблема-

ми и языка, и диалектов. В нашем случае сегодня не существует языка, диалектами которого могут быть иронский и дигорский. Существуют два самостоятельных и равноправных языка. А вопрос общего предка или происхождения остаётся открытым. Придание статуса языка дигорскому является первоочередным этапом процесса его спасения.

На самом деле спасти надо оба языка и дигорский и иронский. Но в данный момент дигорский язык находится в более тяжёлой ситуации. Этот вопрос надо поднять на самый высокий уровень. Необходимо открыть Отделение Дигорской Филологии на филологическом факультете СОГУ, начать вести обучение по всем предметам, кроме русского и иностранного языка, во всех дигорских школах на дигорском языке. Необходимо выделить средства из бюджета республики для написания учебников для школ и ВУЗов. Сделать ставку преподавателя дигорского языка немного выше, для того чтобы поднять престиж преподавания дигорского языка. Необходимо разработать научную и профессиональную терминологию. Вот тут и дигорцы и иронцы могут приложить совместные усилия для разработки подобной терминологии. Такой опыт есть в Израиле. Средствами собственного языка были созданы новые термины, там не используются заимствования из английского и других иностранных языков. Необходимо открыть канал телевидения на дигорском языке, также как существуют каналы вещания на иронском, необходимо снимать кинофильмы и мультфильмы на дигорском, необходимо ввести курс дигорского языка в рамках изучения иранистики и индоевропейского языкознания на филфаках и языковых ВУЗах России, учредить гранты для исследований по дигорской филологии, объединить свои усилия с дигорской диаспорой в Турции, начать более обширные контакты с учёными по всему миру в области изучения дигорского языка, фольклора и этнографии. Для этого необходимо написать не только учебники для школ, но

и самоучители дигорского на русской и английской основе. Это позволит установить и укрепить контакты с мировым сообществом. Необходимо открыть центр дигорского языка и культуры в Москве. Дигорский язык должен стать вторым и равноправным официальным языком в Северной Осетии. Прежде всего необходимо донести важность этого до руководства республики и чиновников на федеральном уровне, далее всех дигорцев – носителей этого удивительного языка и богатейшей культурной традиции. Без поддержки и воли самих дигорцев, спасти язык будет трудно.

Использованная литература

1. *Agusti Alemany, Zarina Alborty*. “Xirifii Saulæg y el gigante: un Polifemo oseta”. Faventia 30/1-2, 2008. P. 105-123.
2. *Anna Butler* “Three Digoron Notes” Journal of the Royal Asiatic Society, Volume 122, Issue 1, January 1990. P. 13-16.
3. *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge- London-New York-Melbourne, 1979. P.154.
4. *Zarina Alborty*. Edicion, traduccion y estudio preliminar de tres ciclos basicos de la version digor de la epopeya narta. Trabajo de investigacion. Director Agusti Alemany. Universidad Autonoma de Barcelona, 2006.
5. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор, т. I. М.-Л., 1949. P. 360.
6. *Алемань Агусти*. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. Менеджер, 2003.
7. *Нарты*. Осетинский героический эпос. Наука, 1990.
8. *Рассторгуев В.С., Эдельман Д.И.* ЭСИЯ. Восточная литература РАН, 2003. Т. 2. С. 327.
9. *Скъодтати Э. и Къибирти А.* Нартæ. Мифологи æма эпос дигорон æвзæгбæл, Полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2005.
10. *Таказов Ф.М.* Дигорон-уруссаг дзурдуат. Дзауджикау, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллахи Муса, кандидат филологических наук, профессор университета им. Алламеха Табатабаи (Тегеран, Иран).

Алборова Зарина Александровна, кандидат филологических наук (Россия, Москва).

Алемань Агусти Виламажо, профессор кафедры Древности и Средневековья философско-филологического факультета Автономного Университета Барселоны (Барселона, Испания)

Голенков Николай Борисович, заслуженный писатель Республики Мордовия, лауреат Госпремии РМ (Россия, Саранск)

Ишбирдин Айрат Римович, доктор биологических наук, профессор кафедры физиологии и общей биологии БашГУ, почетный работник образования и науки РФ (Россия, Уфа)

Кабло Джабаг, профессор Университета Фридриха Шиллера (г. Йена Германия).

Миндзаева Валентина Владимировна, председатель правления литературного объединения дигорских писателей РСО-Алания (Владикавказ, Россия)

Мошинский Александр Пинкусович, кандидат исторических наук, заведующий сектором отдела археологических памятников Государственного исторического музея (Москва, Россия)

Таказов Валерий Дзантемирович, доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Таказов Федар Магометович, доктор филологических наук, зав. отделом фольклора и литературы Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева – филиала ФГБУН ФНЦ «ВНЦ РАН» (Владикавказ, Россия)

Шахингёз (Цориева) Эмина, аспирант факультета лингвистики университета Гете (Франкфурт, Германия)

Эршлер Давид, доктор филологических наук, профессор (Израиль, Тель-Авив)

В гостях у Задалески Нана

Валерий Таказов, Владимир Соскиев, Юрий Дзекоев

*Гости из Израиля и Германии общаются
на дигорском языке*

*Группа участников международной конференции
по дигорскому языку*

*Исследователь дигорского языка Давид Эришлер,
доктор филологических наук, профессор из Израиля.*

*Участники конференции на экскурсии
в горах Дигории*

Нина Елеева, делегат конференции из Ташкента

*Обладателю Гран-при конкурса чтецов на дигорском языке
Вадиму Зарицкому Диплом победителя вручает Юрий Дзеков*

*Патриарх осетинской
лингвистической науки,
доктор филологических
наук, профессор
Харум Таказов*

*Профессор из Германии, сирийский дигорец
Джабагъ Кабло (Кабалоти)*

*У памятника основоположника дигорской
литературы Блашка Гурджибети*

*Ученые Российского университета дружбы народов
Наталья Поплавская, Виктор Барабаш, Кристина Азбус*

*Эмина Шахингёз, аспирант факультета лингвистики
университета Гете (Германия, Франкфурт)*

Научное издание

**ДИГОРСКИЙ ЯЗЫК:
ГЕНЕЗИС, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Материалы международной
научно-практической конференции*

9–11 октября 2021 г.

Сборник научных трудов

Редактор — *Ф.М. Таказов*
Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *С.А. Булацева*
Дизайн обложки — *Е.Н. Макарова*

Сдано в набор 20.11.21. Подписано в печать 10.12.21.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бум. офс. Печать цифровая.
Гарнитура шрифта «Times New Roman». Усл. п.л. 12,5.
Тираж 300 экз. Заказ №203.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре ИП Цопановой А.Ю.
362000, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3

